НАПЕРЕКОР

КАТАЛИЗАТОР УМСТВЕННОГО БРОЖЕНИЯ

МОСКВА

ВЕСНА 1999

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

ИСТОРИЯ

ФЕМИНИЗМ

ВИРТУАЛЬНЫЙ НАПЕРЕКОР

наперекор

катализатор умственного брожения

№ 9 весна 1999

Связь с редакцией по адресу:

107061 МОСКВА а/.я 500

E-mail: cube@glasnet.ru

Для того, чтобы получить наш журнал, достаточно отправить почтовый перевод по адресу:

125475 Москва, до востребования, Рябову П.В.

В графе “для письменных сообщений” укажите, сколько и каких номеров журнала вы хотите получить. Стои-мость подписки: на 1 экземпляр - 13 руб., 2 экземпляра - 25 руб. Цены даны с учетом почтовых расходов. Оптовым распро-странителям (от 5 экз.) журнал предоставляется со значительной скидкой. Перепечатку материалов журнала приветствуем, ссылки желательны, хотя и не обязательны. Мы просим присылать нам экземпляры изданий, где опубликованы наши материалы.

Лора Акай

ПО СУЩЕСТВУ

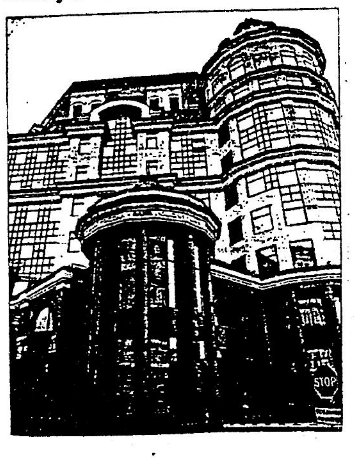

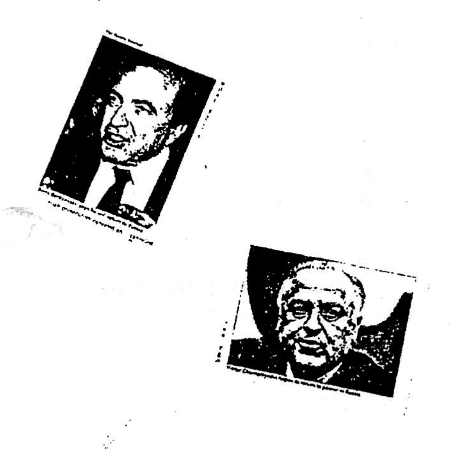
Кто несет ответственность за кризис в России? Этот вопрос задавали и пытались ответить на него тысячи раз. Конечно, мы можем назвать сотни виновных лиц: виновных в воровстве, в злоупотреблении властью, виновных в грабеже, пополнявших свои карманы за счет миллионов людей, живущих в нищете. В принципе, можно долго разбираться: кто, что, когда и как украл - но вряд ли это поможет. Ведь сейчас полно такой информации, многое известно, но все это остается без каких-либо последствий. Следует вглядеться поглубже в истинные причины кризиса.

Как же получилось, что политики не боятся гласа народа? Все очень просто: они слишком долго действуют совершенно безнаказанно. У людей нет опыта организации для противостояния тем, кто их грабит. (Самые организованные группировки в России - это, напротив, те, кто одеваются в черные рубашки и отводят гнев народа от тех людей, которые в действительности его заслужили!). В этой ситуации может быть эффективным только радикальное прямое действие.

Недостаточно просто констатировать наличие воровства и коррупции - надо осознать, что их причиной является удручающая общественная пассивность. Огромные массы людей согласны на то, чтобы их интерес в экономике и политике *представляли* какие-то отдельные лица. Всем остальным, при этой схеме общественных отношений, нет места в процессе управления. Проблема именно в этом. И если мы не хотим быть бездумными жертвами государственного произвола, а, напротив, хотим стать хозяевами своей судьбы, мы должны противостоять тем, кто нами правит.

Кризис был, в сущности, маскировкой для кражи миллиардов долларов, находившихся на сберегательных счетах. В то время как обыкновенные люди потеряли все в рухнувших банках, крупные корпорации получили возможность уплатить свои долги со значительной скидкой (в том числе долги по налогам и по государственным займам). Но повторю еще раз: бессмысленно снова и снова расписывать несправедливости, совершаемые за счет народа. Все это и так известно. Вопросы все те же: как реагировал народ и что могли бы сделать люди?

Реакция народа была поистине жалкой. И можно понять почему: никто не поможет людям бороться с несправедливостями, с которыми они сталкиваются. Нет никого, к кому можно было бы обратиться за помощью. В других странах такой кризис вызвал бы массовые протесты, но здесь их практически не было. Люди знают, что всем плевать на них и что их никто не боится.

Настоящее решение нынешнего кризиса и всех будущих кризисов также заключается вот в чем. Необходимо полностью отнять власть у тех, кто намеренно или даже случайно способствовали возникновению кризиса. Только дурак может верить, что кто-то другой будет защищать его интересы лучше, чем он сам. Однако многие, даже неглупые люди думают, что они сами не могут защищать общие интересы, интересы всех, что они не в состоянии управлять страной в целом. Здесь и коренится ошибка: в мысли, будто самая удобная форма управления - это централизованная, представительная, то есть государственная власть. Нет, люди могут сами управлять всеми экономическими и социальными делами. Но только в том случае, если это будет не централизованная власть, а децентрализованное управление, не государство, а народная «власть», точнее говоря - *собственная*, то есть *самоуправление*. Так что меры по выходу из кризиса возможны и соответствующий план тоже есть: создавать местные очаги сопротивления, общественные инициативные группы, соединять борющиеся рабочие коллективы. Если нам, простым людям, удастся организовать что-то свое - тогда и появится нечто, способное заменить собой Кремль.

Коллектив М.П.С.Т.

РОССИЙСКИЙ КАПИТАЛИЗМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Система так называемого «реального социализма» не имела ничего общего с действительно социалистической экономикой, при которой производство ориентировано на непосредственное удовлетворение самоопределяемых потребностей людей. Это была особая, недоразвитая форма товарного производства, и так называемый советский режим последовательно проводил разновидность форсированной индустриально-капиталистической модернизации. «В условиях относительно высокоразвитой стадии системы товарного производства на Западе и далеко зашедшей конкурентной борьбы на мировом рынке любая новая попытка модернизации в еще неразвитых регионах мира должна была приобрести характер особо жестокого догоняющего развития, при котором этатизм, свойственный для раннего этапа нового времени, не только повторялся, но и выступал в более чистом, последовательном и строгом виде, чем в давно ушедших в прошлое западных оригиналах... Особая насильственность советской буржуазной модернизации объясняется тем, что в ней за чудовищно спрессованный промежуток времени вместилась эпоха протяженностью в 200 лет: меркантилизм и французская революция, процесс индустриализации и империалистическая военная экономика, слитые воедино» (Роберт Курц. Коллапс модернизации. Франкфурт-на-Майне, 1991). Большевики - ленинцы-сталинцы - форсированным темпом создали в России основы индустриально-капиталистической системы. Исторически они совершили то, чего не смогли сделать борец с крестьянской общиной Столыпин и слабый российский капитал, широко использовав при этом механизмы, унаследованные от так называемого «военного социализма» кайзеровской Германии времен Первой мировой войны. Когда во время Первой мировой войны Германия ввела у себя «принудительное хозяйство» почти во всех отраслях промышленности, немецкое государство устанавливало твердые цены, отбирало весь продукт, нормировало распределение не только промышленного сырья, но и непосредственного потребления людей путем карточек и пайков. Государство глубоко вторглось в сферу частных интересов, заменив рынок централизованным обменом между отраслями экономики, способствовало созданию огромных промышленных монополий. Была отменена свободная торговля и введена принудительная трудовая повинность. Ленин в 1917 году охарактеризовал эту систему как «военно-государственный монополистический капитализм» и назвал ее «военной каторгой для рабочих». Вместе с тем он утверждал, что государственно-монополистический капитализм полностью обеспечивает материальную подготовку социализма и между государственно-монополистическим капитализмом и социализмом «никаких промежуточных ступеней нет». Нужно только поставить вместо государства капиталистического государство рабочее. Получалась удивительная вещь: оказывается для перехода к социализму «на военной каторге для рабочих» требовалась лишь смена правительства и изменение структуры госаппарата! Военный «коммунизм» оказался ни чем иным, как оригинальной российской версией немецкого "военного социализма" (т.е., военного капитализма), при этом, плотно окутанного пеленой левой фразы. Для России 1918 года, с ее подорванной войной экономикой, этот введенный большевистским государством тоталитарный общественный порядок, с его жестской государственной централизацией экономики, равно как и всех прочих сфер общественной жизни и насильственным выкачиванием хлеба из деревни, оказался одним из возможных вариантов общественного устройства. Тем самым, большевики, осуществили обусловленные военным положением преобразования. Однако, эти меры натолкнулись на решительное сопротивление части рабочего класса и многомиллионной массы трудового общинного крестьянства. Поэтому в 1921 году боль- ш евиская диктатура, едва не была сметена волной крестьянских восстаний и вынуждена была отказаться от данной политики. Наступила передышка перед новым мощным наступлением на трудящихся города и деревни.

К концу 20-х годов СССР оставался еще слаборазвитой, преимущественно аграрной страной. Около 80% населения жили в сельской местности; около 2/3 продукции народного хозяйства давали сельскохозяйственные отрасли, и лишь 1/3 - промышленность. Индустрия страны едва только начала превышать довоенный уровень. Оказавшись у власти в огромной стране, правящая партийно-хозяйственная номенклатура, по существу, очутилась в том же положении, что и царский режим. Она не меньше его стремилась к имперской, державной политике, но материальная база для такого курса оставалась по-прежнему чрезвычайно узкой. Для этого понадобилась бы широкомасштабная модернизация страны, создание мощной современной тяжелой и военной промышленности. С этим власти связывали не только решение внутренних проблем, но и независимость и мощь государства, а значит, стабильность господства и привилегий правящего слоя. Партийно-государственная бюрократия рассчитывала на то, что "... опираясь на национализацию земли, промышленности, транспорта, банков, торговли, проводя строжайший режим экономии, можно будет накопить достаточные средства, необходимые для восстановления и развития тяжелой индустрии"(Сталин). Речь шла, по существу, о специфическом государственном капитализме, при котором государство бюрократии действовало более или менее как совокупный капиталист, как огромная раздувшаяся капиталистическая фабрика. Эта гигантская корпорация под названием СССР была интегрирована в мировую экономику. Она продавала за границу сырье - в 30-е годы – золото, добывавшееся главным образом системой концлагерей и хлеб, выкаченный из деревни с помощью коллективи-

зации, а в более поздний период – нефть, газ, лес, золото, алмазы и т.д. Средства, полученные от экспорта, использовались как для осуществления индустриализации (например, по германо-советским торговым соглашениям, действовавшим с 1931 по 1936 годы была получена значительная часть станков для строящихся советских заводов в обмен на хлеб и золото), так и для поддержания внутренней стабильности режима.

Именно создание мощного ВПК было основной целью сталинской индустриализации. Именно в нем концентрировались лучшие, наиболее профессиональные кадры рабочих и специалистов. Кроме того, на оборонку работала колоссальная часть «мирной» промышленности: одни добывали руду, другие плавили сталь, третьи делали из этой стали танки и самолеты. Но поскольку безграничная завоевательная политика, имеющая целью ограбление чужих территорий, в ядерную эпоху стала невозможной, ВПК после Второй мировой войны работал в значительной степени вхолостую, исключительно «на себя», транжиря ресурсы страны и не давая ей взамен ничего ценного. Такое положение вещей неизбежно вело советскую экономику к краху. Даже на уровне внедрения в гражданском секторе новейших технологических разработок, сделанных в рамках ВПК, существовали гигантские препятствия из-за доходящего порой до абсурда режима секретности. Существование советской экономики, тратившей сумасшедшие средства на ВПК, во многом обеспечивалось в 60-е - 80-е годы доходами от экспорта нефти и газа, а также некоторых других видов сырья. Именно за счет экспортно-импортных операций и удавалось поддерживать более-менее сносный уровень жизни значительной части населения СССР. Ведь общинное сельское хозяйство было практически полностью разрушено на предыдущем этапе индустриально-капиталистической фордистской модернизации в 30-е - 50-е годы, который вызвал массовое бегство в города крестьян, спасавшихся от колхозно-совхозной сверхэксплуатации (точные цифры назвать сложно, по приблизительным оценкам речь может идти о более чем 50 миллионах человек), а советская легкая промышленность, громоздкая, негибкая, слабо ориентированная на непосредственные нужды потребителей, оснащенная устаревшим оборудованием, не была в состоянии удовлетворить спрос населения на товары широкого потребления.

В условиях жесткого сталинского режима, когда какие-либо явные формы сопротивления отсутствовали, подавленные массовым террором, режим мог

закрывать глаза на последнее обстоятельство. Однако, ситуация начала меняться со смертью Сталина и началом хрущевской «оттепели». Чудовищное перенапряжение советской экономики и игнорирование действительных нужд людей не могло пройти даром. В ситуации, когда контроль над обществом стал менее жестким, появилась потенциальная возможность для более явного выражения недовольства. Хотя открытые выступления эксплуатируемых трудящихся (восстания в концлагерях, стачка рабочих Новочеркасска в 1962 г. и другие) по-прежнему подавлялись со зверской жестокостью, власти уже не могли просто «не замечать» народного недовольства. К тому же, стало расти «уклонение от труда», рабочие систематически снижали темпы работы, «отлынивали», «прогуливали». В этих условиях режиму пришлось пойти в 60-е - 70-е гг. на значительные социальные уступки трудящимся (повышение зарплаты и пенсий, продление отпусков, введение второго выходного дня и т.д.). В результате сложилась своего рода молчаливая сделка между правящим классом и рабочим классом - «вы делаете вид, что работаете, мы делаем вид, что платим». Так образовался советский вариант социального государства. Вследствие освобождения из концлагерей и восстановления в правах (реабилитации) многих миллионов советских граждан, все они начали предъявлять такой же спрос на товары широкого потребления, как и остальные. Это не могло не привести к дальнейшему росту экономических диспропорций и дефицитов.

Уровень жизни трудящихся во многих регионах СССР был крайне низок по сравнению с Западной и даже с Восточной Европой, полученных денег в этих регионах с трудом хватало на питание, так как в условиях товарного дефицита значительную часть продуктов приходилось покупать на рынке, фактически не субсидируемом государством. Кроме того, уровень обслуживания в бесплатных медицинских учреждениях и коммунальных службах мог быть чудовищным. Наконец, не следует забывать о том, что попытки забастовок подавлялись арестами, а то и расстрелами (как в Новочеркасске в 1962 году). И все это в условиях контроля над обществом со стороны спецслужб, когда даже сам факт участия в дискуссии по тем или иным животрепещущим вопросам мог привести к аресту или заключению в психиатрическую спецлечебницу (что, как правило, и происходило с активистами рабочего движения). Именно потому и приняло гигантские размеры уклонение от труда, что у российских работников просто не было возможности вести легальную борьбу за свои права.

Огромные военные расходы и возросшие издержки на рабочую силу ограничивали общие доходы и возможности правящей квазикапиталистической бюрократии. Начали сказываться противоречия между различными ее группировками, делившими власть и ресурсы. Режим, отказавшийся от массового террора, как от метода подавления любой угрозы своей монолитности, вынужден был искать обходные пути. Так постепенно сложилась система разделения ролей и сфер влияния между различными группировками по линиям центр - регионы, между различными отраслевыми структурами, а также ведомствами, основанная на

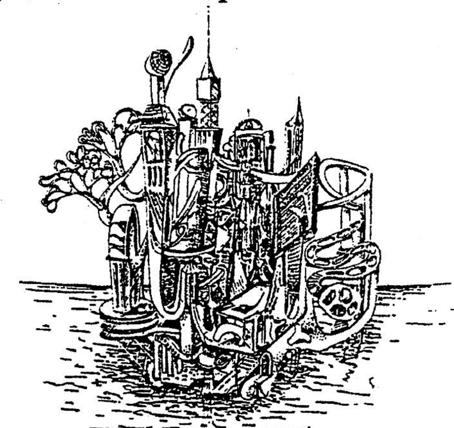
сложной системе экономической кооперации, клиентальных связей и властных сдержек и противовесов.

Основной экономической базой для улаживания межрегиональных и межотраслевых противоречий, а также для ведения социальной политики в этот период стал экспорт нефти и газа, доходы от которого составляли свыше 50% от ежегодного экспорта из СССР (его общая сумма составляла в 70-е годы около 30 млрд. долларов). Подъем цен на нефть в начале 70-х гг. стабилизировал на время советский режим, но, в свою очередь, падение цен на нефть в 80-е гг. (произошедшие не без влияния стратегической политики США, направленной на поощрение разработок новых нефтяных месторождений в различных регионах планеты, с тем, чтобы уменьшить доходы от советского экспорта) способствовало краху советской экономики.

***

Ухудшение социально-экономической ситуации в СССР привело к обострению социальных противоречий и к разрушению внутреннего молчаливого консенсуса в советском обществе вследствие разложения сложившихся на протяжении десятилетий клиентальных связей в многоуровневой бюрократии. Обострились противоречия и возникли разломы по различным линиям. Прежде всего, между региональными (республиканскими) бюрократическими элитами и институтами центральной бюрократии, причем первые в целях идейно-политического обеспечения своих властных притязаний во все большей степени начали апеллировать к идеям национализма. Номенклатура бывшего «Союза» очень быстро обнаружила, что для задуманного ею раздела и передела собственности и власти, для того, чтобы заставить трудящихся «больше работать» и на меньшее претендовать, прежняя «красная» идеология не годится. Перекрасившиеся властители постарались откреститься от своих предшественников и конкурентов, а заодно и выбросили вон всякие социальные мотивы. Республиканские и областные партбоссы стремились стать полновластными хозяевами на управляемых ими территориях. Наилучшая возможность для этого возникала с образованием новых, контролируемых ими государств, а для оправдания этих актов служила национальная идея. Конкурентом бюрократии в борьбе за власть выступила во многих республиках местная интеллигентская верхушка. Она привыкла считать себя «солью земли», «глашатаем и хранителем национальной культуры» - теперь она объявила себя альтернативной элитой и претендовала на свою долю пирога. В России она первое время провозгласила идеологию западного либерализма, но ее флер скоро потускнел. В других республиках СССР интеллигентские клики учредили разнообразные «народные» фронты и потребовали «национальной независимости», то есть собственной власти. Уступив в итоге своим более опытным и хитрым номенклатурным соперникам, эти патриотические писатели, художники и ученые сомкнулись с ними на почве национализма.

Усилились противоречия между различными производственно-отраслевыми группами советской бюрократии, прежде всего, нефтегазовым комплексом, приносившим государству основной доход в виде иностранной валюты и фактически обеспечивающим социально-экономическую и социально-политическую стабильность государственно-капиталистического советского режима, и военно-промышленным комплексом, бывшим доминирующей частью советской обрабатывающей промышленности. Первый был, несомненно, заинтересован в том, чтобы скинуть со своих плеч балласт в виде предприятий обрабатывающей промышленности (расплачивающихся за нефтепродукты отнюдь не по ценам мирового рынка) и социального государства путем радикального изменения политического и экономического курса. Второй настаивал на необходимости в целом сохранить сложившуюся экономическую и политическую систему, хотя и осознавал необходимость ее существенной модернизации.

Под угрозой оказалось и неписаное «соглашение» между контролирующей производство бюрократией и рабочим классом, так как уменьшились возможности для осуществления советским государством широкой социальной политики и поддержания стабильного уровня жизни за счет импорта иностранных продуктов и товаров широкого потребления. Вдобавок ко всему этому, обнаружилось прогрессирующее технологическое отставание от развитых стран мира, в том числе и в военной области, что вело к ослаблению политической мощи СССР на международном уровне. Но попытки советского руководства осуществить структурный переворот в промышленном производстве путем форсированного внедрения современных капиталоемких технологий на первом этапе «перестройки» в ходе так называемого «ускорения» провалились, отчасти из-за недостатка средств, обеспечивающих внедрение этих технологий, отчасти из-за громоздкости и неповоротливости советской «плановой» экономики с ее бюрократическими монстрами в лице министерств и гигантских промышленных объединений, а также вследствие тихого саботажа со стороны широких слоев рабочего класса. Провалился и ряд мер, призванных обеспечить трудовую дисциплину (в частности - горбачевская антиалкогольная компания).

Подобное напряжение усилий оказало пагубное влияние на архаическую экономику советского государственного капитализма. К сожалению, активность рабочего класса, проявившаяся во время мощных шахтерских забастовок 1989-1990 гг. и в различных социальных движениях типа локальных гражданских инициатив и комитетов самоуправления в микрорайонах, оказалась несамостоятельной из-за отсутствия у тру-

дящихся опыта самоорганизации. Она была использована (канализирована) различными бюрократическим элитами в целях осуществления властных притязаний через всевозможные «Демократические России» и «народные» фронты.

Усилившиеся противоречия заставили советское руководство во все большей степени рассчитывать на кредиты международных монетарных центров, что, естественно, способствовало росту как политической, так и экономической зависимости СССР от этих организаций. В конце концов, властные притязания отраслевых и территориальных бюрократических элит разорвали на части советское государство и подстегнули быстрые и радикальные экономические преобразования в неолиберальном духе, чему в немалой степени способствовали международные банки-кредиторы, поставившие в качестве одной из своих целей взламывание экономического протекционизма, очерченного границами СССР, и полную интеграцию советской экономики в мировой рынок.

Нет ничего удивительного в том, что и в условиях рыночной системы, пришедшей на смену командно-административной, большая часть военных заводов оказалась нерентабельной: их продукция не в состоянии найти «мирный спрос», а у российского государства нет в нынешней политической и экономической реальности ни средств, ни потребности производить оружие в прежнем количестве. Пушки и танки нельзя намазать на хлеб. Боссы нефте-газового комплекса типа Черномырдина и Вяхерева более не намерены, в той же мере, что и в прежние времена, делиться своими доходами с ВПК и государством. Их политическая и экономическая мощь такова, что с ней нельзя не считаться. От того в тяжелейшем положении оказалась и российская промышленность, ориентированная на нужды ВПК. С другой стороны, в условиях открытости границ для потоков иностранной продукции, многие советские предприятия оказались не в состоянии выдержать конкуренцию с аналогичными западными производителями. Разумеется, в современной России немало богатых фабрик и заводов, вполне рентабельных и приносящих доходы. Но они относятся, в основном, к сфере добывающей индустрии. Что же касается обрабатывающей промышленности, то большая ее часть приказала долго жить. Результат - колоссальная и, возможно, не имеющая аналогов в мировой истории скрытая безработица, вследствие которой десятки миллионов людей практически перестали получать зарплату, во все большей степени (по мере санации убыточных предприятий) превращающаяся в открытую.

Олигархические группировки, управляющие страной, предлагают сегодня различные варианты решения проблемы безработицы и «недозанятости», принявшей чудовищные масштабы. Первый вариант (за него, по крайней мере на словах, ратуют некоторые боссы ВПК, а также некоторые ультрапатриотические маргинальные группы) заключается в том, чтобы, грубо говоря, «сделать как раньше» - в той или иной форме восстановить империю в прежних масштабах - СССР. Нужно, говорят они, на все имеющиеся в государстве средства опять начать строить танки и прочее вооружение, и таким образом обеспечить рабочие места. Танкам же надлежит совершить «последний бросок на юг» или еще куда-нибудь. Надо признать, что такие идеи имеют сегодня определенное распространение, ибо они опираются на привычные, имперские стереотипы мышления. Но к счастью, на практике такой проект абсолютно нереален, потому что и время не то, и силы у России не те, чтоб совершать подобные броски. Ведь даже СССР, еще будучи сверхдержавой, и не мечтал ни о чем подобном: в мире где существует ядерное оружие это попросту невозможно. Так что попытка реализации такого проекта на практике, может быть, лишь гальванизирует на время труп российской промышленности, а затем приведет к очередному краху. Да и политическое восстановление СССР в прежнем виде - задача, по совершенно тривиальным причинам не осуществимая. Впрочем, весьма популярное сегодня ультраправое «Русское Национальное Единство» (РНЕ) всерьез говорит о необходимости абсолютной «автаркии» российской экономики (понимая здесь под Россией всю территорию бывшего СССР), но политические и экономические возможности для реализации такого проекта сегодня отсутствуют.

Второй вариант - за него ратуют на пропагандистском уровне все политические группы мейнстрима - заключается в том, чтобы сделать существующие предприятия эффективными и рентабельными в условиях рыночной экономики, либо создать новые. Теоретически такая возможность, наверное, существует. Но все экономисты признают, что это потребует колоссальных капиталовложений. Ведь нужно будет закупать новое дорогостоящее оборудование и модернизировать старое, осуществить дорогой, долгий и трудоемкий процесс конверсии оборонки, найти новые рынки сбыта, выработать новую маркетинговую стратегию. И притом, никто не сможет гарантировать успех такого предприятия, дело это, с точки зрения коммерческой, чрезвычайно рискованное. Но откуда взять на это средства, кто станет вкладывать капиталы в умирающие предприятия, где имеется лишь устаревшее, уже много лет не ремонтировавшееся оборудование? Государство? Ему такая задача явно не по силам, у него для этого нет ни средств, ни возможностей. Будь оно даже достаточно компетентно для решения данной проблемы (а оно - это всем известно - некомпетентно и предельно коррумпировано), оно все равно обременено внешним долгом в 150 млрд. долларов и никакие дорогостоящие инвестиции позволить себе не может. Российский капитал? Зачем ему это, ведь куда как выгоднее и безопаснее зарабатывать деньги на финансовых спекуляциях и торговле. Да и что понимают в промышленности господа Потанины и Березовские?

Эти господа заработали свои миллиардные состояния исключительно за счет разворовывания бюджетных средств (в чем, собственно, в отличие от западных аналогов, и состоит основная функция российских банков, именно это, а не предоставление кредитов или работа с депозитными вкладами, является основным источником их доходов), а также за счет финансовых махинаций и сомнительных торговых сделок. Промышленность для них - темный лес. С другой стороны, директорский корпус промышленных предприятий, сформировавшийся еще в советское время, не имея ни

продолжение на стр. 65

Эррико Малатеста

О СВОБОДЕ И ВОЛЕ

Наука - это оружие, которое может служить как добру, так и злу; но сама она полностью игнорирует понятия добра и зла.

Поэтому мы - анархисты не потому, что нам так велит наука; мы - анархисты потому, что мы хотим, чтобы все люди могли наслаждаться выгодами и удовольствиями, которые предоставляет наука...

В сфере науки теории, всегда гипотетические и временные, являются удобным средством для соединения и увязывания между собой известных фактов. Иными словами, они - полезный инструмент для исследований, открытия и истолкования новых фактов. Но они отнюдь не являются истиной. В сфере жизни (я имею в виду, общественной жизни) они - всего лишь видимость науки, к которой некоторые люди прибегают в свое удовольствие и по своему желанию. Сциентизм (я не говорю о науке), господствовавший во второй половине XIX века, породил тенденцию, которая сводилась к объявлению научными истинами (или законами природы, а потому чем-то необходимым и фатальным) того, что в действительности было лишь идеей справедливости, прогресса и т.д. Эту идею каждый строил по-разному, в зависимости от своих интересов и надежд. Отсюда возникли “научный социализм” и “научный анархизм”, который проповедовался нашими ветеранами, но всегда казался мне чем-то в роде барочных идей, смешавших вещи и концепции, совершенно различные по своей природе...

Я не верю ни в непогрешимость науки, ни в ее способность объяснить все, ни в ее миссию регламентировать и вести людей; точно так же я не верю в непогрешимость папы, в священное откровение или в божественное происхождение святого писания.

Я верю только в то, что можно проверить, но я хорошо знаю, что *проверки* относительны и в действительности позже преодолеваются и отменяются другими установленными фактами; я полагаю, что сомнение должно быть духовной позицией всех тех, кто хочет все больше приблизиться к истине, к части истины, по крайней мере, которую можно установить...

Воле верить, то есть воле уничтожать свой собственный разум, я противопоставляю *волю к знанию*, которая открывает перед нами бесконечное поле исследований и открытий. Лично я, как уже сказал, признаю только то, что может быть проверено так, чтобы это удовлетворило мой разум - и я признаю это только *временно, относительно*, всегда в ожидании новых истин, более верных, чем те, что были известны до сих пор.

Итак, никакой *веры* в религиозном смысле этого слова.

Я говорю, что надо иметь веру, что в борьбе за добро нужны люди, обладающие твердой верой, стойкостью в бурях, “как башня, никогда не качающаяся под порывами ветра”. Существует даже анархистская газета, которая, вдохновляясь, очевидно, этой необходимостью, так и называется: “Феде!” (“Вера!”). Но речь здесь идет о другом смысле слова. В данном случае слово “вера” служит синонимом *твердой воли и страстной надежды* и не имеет ничего общего со слепым верованием в вещи, кажущиеся непостижимыми или абсурдными.

Но как совместить, с одной стороны, этот отказ от веры в религию и систематическое сомнение в окончательности результатов науки с правилом этики, твердой волей и страстной надеждой на осуществление моего идеала свободы, справедливости и братства - с другой? Факт состоит в том, что я не вношу науку туда, где ей не имеет никакого смысла быть.

Роль науки состоит в открытии и установлении фактов, а также условий, при которых факт возникает и необходимым образом повторяется; иными словами, ее роль - в установлении того, что есть и необходимым образом должно быть, а не того, что люди желают и хотят.

Наука останавливается там, где кончается фатальность и где начинается свобода. Она полезна человеку, поскольку не позволяет ему потеряться в химерах и, в то же самое время, дает ему возможность приобрести больше времени для осуществления его свободной воли - качества желать, которое в разной степени отличает людей и, быть может, всех животных от инертных вещей и неосознанных сил.

Именно в этой способности к воле следует искать источники этики и правил поведения...

...Если я тверд и решителен в том, чего я *хочу*, я всегда сомневаюсь в том, что я *знаю*; я полагаю, что, несмотря на все усилия понять и объяснить Вселенную, до сего дня не удалось достичь не то что достоверности, но даже правдоподобия достоверности, и я не уверен, что человеческому разуму удастся достичь ее хоть когда-нибудь.

Если бы мне сказали, что я обладаю научным духом, я не стал бы гневаться, я был бы рад заслужить подобное определение. Ведь обладать научным духом означает исследовать истину с помощью позитивных, рациональных и экспериментальных методов, никогда не впадая в иллюзию обнаружения абсолютной Истины и довольствуясь тем, что после долгого труда приближаешься к ней и открываешь частичные истины, всегда признаваемые временными и подлежащими пересмотру. Научное, по моему мнению, должно быть тем, что проверяет факты и делает логические выводы, какие бы то ни было, в противовес тем, кто разрабатывает систему, ища затем подтверждения фактами и, делая это, бессознательно отбирая факты, совпадающие с их системой, и отрицая другие; при случае они не уважают факты и искажают их, насильно укладывая в русло их теорий. Наука использует *рабочие гипотезы*: она формулирует предположения, которые служат путеводителем и стимулируют исследования, но она не становится жертвой фантазий, принимая привычные предположения за явные истины, с помощью произвольной индукции обобщая и возводя в категорию закона всякий отдельный факт, соответствующий выдвинутому тезису.

Вызванный и порожденный энтузиазмом, выросшим из действительно экстраординарных открытий второй половины XIX века в области физико-химии и естествен-

ной истории, господствовавший над духом той эпохи *сциентизм*, который я отвергаю, состоит в вере, будто наука - это все и может все, в признании любых частичных открытий окончательными истинами, догмами, в смешении Науки и Этики, Силы в механическом смысле этого слова - явления определимого и измеримого - и этических сил, Природы и Мышления, закона Природы и Воли. Сциентизм логически приводит к фатализму, то есть к отрицанию воли и ее свободы...

Кропоткин, пытаясь "придать Анархии место в современной науке", полагает, что "Анархия есть концепция Вселенной, основанная на механической интерпретации феноменов, которая охватывает всю природу, включая жизнь общества".

Это философское намерение, которое можно принимать, или нет; но в нем нет ничего ни от науки, ни от анархизма. Наука - это сумма и систематизация того, что мы знаем или полагаем, что знаем: она формулирует факты и пытается обнаружить закон, которому они следуют, познать условия, при которых факты возникают и необходимым образом повторяются. Она удовлетворяет определенные интеллектуальные потребности и, в то же время, служит вполне действенным инструментом могущества. Выявляя в законах природы пределы человеческого произвола, она увеличивает эффективную свободу человека и дает ему средства повернуть эти законы в свою пользу. Наука одинакова для всех, она индифферентна к добру и злу, к освобождению и угнетению.

Философия может быть гипотетическим объяснением того, что известно, или попыткой угадать то, чего мы не знаем. Она ставит проблемы, которые, по крайней мере до сего дня, ускользали из сферы компетенции науки, и воображает решения, которые невозможно проверить при нынешнем состоянии наших знаний - эти решения варьируют и сталкиваются друг с другом в зависимости от философских систем. Если философия не превращается в простую словесную игру или в набор трюков, она может служить науке, стимулируя и направляя ее - но она не является наукой. Анархия, напротив, - это чаяния человека, которые не основываются ни на какой естественной необходимости, подлинной или предполагаемой, и могут быть осуществлены или не осуществлены по воле человека. Она использует средства, даваемые наукой человеку в борьбе с природой и противостоящими волями; она может использовать прогресс философской мысли, когда та помогает человеку лучше думать и различать, что реально, а что нет; но ее нельзя смешивать ни с наукой, ни с философской системой - под угрозой абсурда.

Посмотрим, действительно ли "механическая концепция Вселенной" объясняет известные факты. Посмотрим затем, может ли она быть совместимой и логически сосуществовать с анархизмом или с любым другим чаянием достичь нового состояния вещей, отличного от того, которое мы знаем.

Ничто не возникает из ничего, ничто не исчезает бесследно; это фундаментальный принцип механики - сохранение энергии.

Тело не может передать тепло другому телу, не остынув само; один вид энергии не может превратиться в другой (движение в теплоту, теплота в электричество и т.д.) без того, чтобы полученное в одном месте не утрачива

лось в другом. Наконец, вся физическая природа очень просто доказывает этот факт: если есть десять штук чего-либо и пять расходуются, то остается пять, ни больше, ни меньше.

Напротив, тот, у кого есть идея, может передать ее миллионам людей, ничего не теряя, наоборот, идея придает больше сил и эффективности тому, кто ее пропагандирует. Учитель учит других тому, что он знает и не теряет этим своего знания, наоборот, уча, он сам много узнает и обогащает дух. Если пуля, пущенная рукой убийцы, обрывает жизнь гения, наука может объяснить, что происходит со всеми материальными элементами и физическими энергиями, которыми он обладал до своей смерти, и продемонстрировать, что после разложения трупа от него ничего не останется в прежней форме, но, в то же время, материально ничто не пропадет, поскольку каждый атом тела обнаружит всю свою энергию в другой комбинации. Но идеи, которые этот гений нес миру, изобретения, которые он совершил, сохраняются, пропагандируются и могут обрести невиданную силу; идеи же, умершие в нем и могущие принести свои плоды, если бы он остался в живых, потеряны навсегда.

Может ли механика объяснить эту силу, это специфическое качество продуктов духа?

И, к сожалению, пусть от меня не требуют иных объяснений тому, что механика не в состоянии объяснить.

Я не философ; но не обязательно быть им, чтобы видеть некоторые проблемы, которые в той или иной мере терзают все мыслящие головы. Не иметь возможности решить проблему не значит быть обязанным принимать решения, которые тебя не удовлетворяют... тем более, когда решения, предлагаемые философией, столь же многочисленны, сколь и противоречивы.

Посмотрим теперь, совместим ли "механизм" с анархизмом.

В механистической концепции (равно как в концепции теистской) все является необходимым, все фатально, ничто не может быть иначе, чем оно есть.

Действительно, если ничто не исчезает и ничто не создается, если природа и энергия, какими бы они ни были, являются фиксированными количествами, подчиняющимися законам механики, то все феномены связаны между собой так, что это не подлежит изменению.

Согласно Кропоткину, если человек - часть природы, а его личная и общественная жизнь - также природный феномен (такой же, как рост растения или развитие жизни в сообществах муравьев и пчел), то нет никакого смысла, проходя путь от растения к человеку или от колонии бобров к человеческому городу, отказываться от метода, который до сих пор так хорошо служил нам, чтобы искать другой в арсенале метафизики. Великий математик Лаплас в конце XVIII века говорил: "Если будут даны силы, которые воодушевляют природу и соответственно положение существ, ее составляющих, то достаточно широкий человеческий ум мог бы знать прошлое и будущее столь же хорошо, как и настоящее".

Такова чисто механистическая концепция: все, что было, должно было быть; все, что есть, должно было появиться; все, что будет, должно быть неизбежно и фатально, вплоть до мельчайших деталей положения и движения, интенсивности и скорости.

Какой смысл могут иметь такие слова, как "воля", "свобода", "ответственность", при такой концепции вещей? Чему должны служить образование, пропаганда, бунтарство? Если больше нельзя изменить предопределенный ход человеческой истории, как нельзя изменить курс звезды или "рост растения"? Ну и как? Что в этом общего с Анархией?..

Цель научного исследования - изучение природы, открытие фактов и "законов", которые ими управляют, знание условий, при которых тот или иной факт *необходимым образом* появляется и столь же *необходимым образом* повторяется. Наука есть тогда, когда она может предвидеть то, что грядет, может ли она объяснить это, или нет; если предвидение не оправдывается, это означает, что была допущена ошибка и остается только предпринять более широкое и глубокое исследование. Случай, произвольность, фантазия - это концепции вне науки, которая исследует только то, что фатально, то, что не может быть иным, нежели оно есть, то, что необходимо.

Но охватывает ли эта необходимость, что связывает между собой в пространстве и во времени все природные феномены и является объектом исследований и открытий в науке, все, что происходит во Вселенной, включая психические и социальные феномены?

Механицисты считают, что да; они полагают, что все подчиняется одному и тому же механическому закону, все предопределено предшествующими физико-химическими процессами: курс звезды и распускание цветка, эмоции любовника и ход человеческой истории. Система, могу признать, кажется прекрасной и грандиозной, менее абсурдной и непостижимой, чем метафизические системы; она полностью удовлетворяла бы разум, если бы могла продемонстрировать свою правоту. Но, несмотря на все псевдологические усилия детерминистов сделать ее совместимой с жизнью и этическим чувством, в ней не оказывается места, большого или маленького, обусловленного или нет, для воли и свободы. Наша жизнь и жизнь человеческих обществ оказывается полностью предопределенной и предвиденной всегда и навечно, до малейших деталей, вплоть до какого-нибудь механического факта, и наша воля - не более чем простая иллюзия, как у камня, о котором говорил Спиноза: падая, он сознает, что падает, и верит, что падает, потому что так хочет.

Если согласиться с этим - чего нельзя не сделать, не вступая в противоречие с механицистами и детерминистами - то абсурдно желать управлять собственной жизнью, желать учиться или учить, желать изменить общественную организацию в том или ином смысле. Вся эта деятельность людей по подготовке лучшего будущего будет лишь бесполезным плодом иллюзии и не сможет продолжаться, если будет обнаружено, что это иллюзия. Правда, и иллюзия, и абсурд тоже были бы фатальными продуктами механических функций мозга и в качестве таковых также укладывались бы в систему. Но, еще раз, какое место оставалось бы при этом для воли, для свободы, для эффективности действий человека, направленных на его собственную жизнь и на его судьбу?

Для того, чтобы люди обрели уверенность или, по крайней мере, надежду с тем, чтобы делать полезные вещи, необходимо признать существование творческой силы, самопричину или самопричины, независимые от физического мира и механических законов - то есть той силы, которую мы называем волей.

Признание существования такой силы означает, без сомнения, отрицание всеобщности принципа причинности и достаточного основания, и здесь наша логика дает сбой. Но не всегда ли так бывает, когда мы хотим пробиться к сути вещей? Мы не знаем, что такое воля; но знаем ли мы, что такое материя, энергия? Мы знаем факты, но не их основание и, невзирая на все наши усилия, мы всегда наталкиваемся на эффекты, не имеющие причины, на причину-в-себе - и если нам нужны такие всегда присутствующие и всегда активные самопричины для объяснения фактов, мы принимаем их существование как необходимую или, по меньшей мере, удобную гипотезу.

С этой точки зрения, роль науки сводится к тому, чтобы открывать фатальное (законы Природы) и устанавливать пределы, где кончается необходимость и начинается свобода: ее главная польза состоит в освобождении человека от иллюзии возможности делать все, что ему заблагорассудится, и во все большем расширении сферы его эффективной свободы. Не зная о фатальности, с которой все тела подчиняются законам гравитации, человек мог бы продолжать думать, что он может летать, когда только захочет, но оставался бы на земле; когда наука открыла условия, необходимые для того, чтобы удержаться и передвигаться в воздухе, человек действительно приобрел свободу полета.

В заключение, вот единственная вещь, которую я поддерживаю: существование воли, способной порождать новые эффекты, независимо от механических законов природы, - это *необходимая предварительная гипотеза* для того, кто считает возможным *радикальное изменение* общества.

("Volonta", 27.12.1913, 27.04.1922; "Pensiero e Volonta", 15.09.1924, 1.11.1924, 1.07.1925, 1.02.1926)

Андрей Константинов

Радикальный гуманизм Эриха Фромма.

Человек - это звучит гордо.
А.М.Горький.

Любовь, труд и познание -
вот источники нашей жизни.
Они должны определять её ход.
Вильгельм Райх.

Эрих Фромм (1900–1980)

Ecce homo.

Эрих Фромм родился 23 марта 1900 года в городе Франкфурте в семье ортодоксальных иудеев. Его предки были раввинами. В целом та культурная среда, в которой он рос и воспитывался, была патриархально-докапиталистической. "Моё мироощущение нельзя назвать современным, - говорит Фромм в одном радиоинтервью, - ... я изучал Талмуд, Библию и слышал много историй о своих предках, которые жили в добуржуазную эпоху" [4, с.365]. Интересные подробности он рассказывает про своего деда, владевшего маленькой лавочкой в Баварии: "Всю свою жизнь дед сидел целый день в лавке и штудировал Талмуд; если приходил покупатель, он сердито поднимал голову и спрашивал: "Что, разве нет другого магазина?" Вот в таком мире я рос" [4, с.366].

Таким образом, скепсис по отношению к капиталистическим ценностям Эрих Фромм впитывал с самого детства. При этом весьма замечательно, что ему также удалось преодолеть традиционно-патриархальную составляющую субкультурной среды, выходцем из которой он был. По прошествии многих лет Фромм напишет: "Расцвет культуры средневековья связан с тем, что людей вдохновлял образ *Града Божьего*. Расцвет современного общества связан с тем, что людей вдохновлял образ *Земного Града Прогресса*. Однако в наш век этот образ превратился в образ *Вавилонской башни*, которая уже начинает рушиться и под руинами которой в конце концов погибнут все и вся. И если Град Божий и Град Земной - это *тезис* и *антитезис*, то единственной альтернативой хаосу является новый *синтез*: синтез духовных устремлений позднего средневековья с достижениями постренессансной рациональной мысли и науки" [3, с.209-10]. Это представление о социальной реконструкции также характеризует сами духовные искания Фромма, - отвергая капиталистические ценности, он не встал на традиционные консервативные позиции, но и не пошёл левацким путём отрицания большинства духовных ценностей человечества (хунвейбинский синдром). Его путь - это путь синтеза.

Первую мировую войну Эрих встретил в четырнадцатилетнем возрасте. "*Как это возможно?* - задаёт он себе вопрос несколько лет спустя. - Чтобы миллионы людей убивали друг друга ради явно иррациональных целей или из политических соображений, от которых каждый отдельный человек настолько далёк, что никогда не стал бы жертвовать собой ... То есть как возможна война с *политической* и *психологической* точек зрения? Какие силы движут человеком?" [4, с.367]. Эти размышления привели молодого человека к изучению психологии, социологии и философии. И много позже - в середине 70-х годов - уже известный Эрих Фромм формулирует аналогичный вопрос в связи с ядерной и экологической угрозой: "Каким образом стало возможным, что самый сильный из всех инстинктов - инстинкт самосохранения, - казалось бы, перестал побуждать нас к действию?" [3, с.18].

Фромм учился во Франкфуртском, а затем в Гейдельбергском университетах, где его преподавателями были Макс Вебер и Карл Ясперс. Получив в 22 года степень доктора философии, он продолжает своё образование и оказывается в берлинском Институте психоанализа. Добросовестно изучив теорию ортодоксального фрейдизма и применяя её в клинической практике, Фромм вскоре начинает сомневаться. Эти сомнения постепенно привели к ревизии фрейдизма и к созданию своей концепции. Но это - несколько позже.

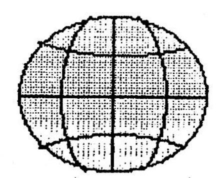
С 1930 года Эрих Фромм сотрудничает во Франкфуртском институте социальных исследований, где сложилась знаменитая Франкфуртская школа (М.Хоркхаймер, Т.Адорно, Г.Маркузе и другие). Здесь Фромм проводит ряд социологических исследований среди немецких рабочих и служащих и в 1932 году приходит к выводу, что серьёзного сопротивления идущим к власти нацистам со стороны рабочих оказано не будет. Эти исследования состояли в анкетировании, помогающем изучать неосознанные мотивы поведения людей: "Если на вопрос: "Кто из исторических личностей вам нравится больше всего?" - человек отвечал: "Александр Македонский, Цезарь, Наполеон, Маркс, Ленин", мы интерпретировали этот ответ как указание на "авторитарность", поскольку такой набор говорил о том,

что человек восхищается диктаторами и полководцами. Если ответ был: "Сократ, Пастер, Кант, Маркс, Ленин", мы классифицировали его как демократический, потому что человек ставил выше других людей, заботящихся о благе человечества, а не людей власти" [4, с.198]. Всего анкета содержала 270 вопросов.

В 1933 году, после прихода нацистов к власти, Франкфуртский институт перебирается в США. В Нью-Йорке им проводятся исследования по программе "Авторитет и семья", по результатам которых в 1941 году выходит первая книга Фромма "Бегство от свободы". Появившаяся в 1950 году книга Теодора Адорно "Авторитарная личность", также основана на материалах этих исследований.

В конце 30-х - 40-е годы Фромм, всё больше расходясь во взглядах с Г.Маркузе и Т.Адорно, отходит от Франкфуртской школы. Он занимается научной, преподавательской и общественной деятельностью, практикой психоанализа. Клиническая практика приводит его к выводу, что большинство неврозов в современном обществе не сводятся исключительно к биологическим инстинктам, о которых говорил Фрейд, а имеют социальные корни. Этот вывод способствовал окончательному отходу Фромма от ортодоксального фрейдизма.

С 1949 по 1969 годы Фромм живёт в Мексике, а с 1969 до своего ухода из жизни в 1980 году - в Швейцарии. Он выступает с лекциями, участвует в общественной жизни, пишет книги, а в 1962 году посещает Москву в качестве наблюдателя на конференции по разоружению. В самом солидном возрасте, вовсе не ощущая себя старым, Эрих Фромм сохраняет ясность ума и живость восприятия, что является явным признаком полноценной творческой жизни.

Двойственность свободы.

Свою концепцию Фромм назвал радикальным гуманизмом. Перечень идейных источников, на которых основывается эта концепция, весьма интересен. В него входят теории З.Фрейда, К.Маркса и И.-Я.Бахофена, а также учения таких деятелей грандиозной культурной трансформации, названной К.Ясперсом "осевым временем", как израильские пророки и Будда. Это сочетание выглядит странным. Действительно, что общего между патриархальным библейским монотеизмом, не менее патриархальным Фрейдом (кстати, отождествлявшем себя с Моисеем) - с одной стороны - и открывателем матриархата Бахофеном - с другой? Что общего между буддизмом и учением Маркса?

Идея Фромма состоит в том, что практически любое учение - как религиозное, так и светское - содержит авторитарную и гуманистическую составляющие. При этом если учение находится у власти, то начинает преобладать первая тенденция, а если в оппозиции, то преобладает вторая. Фромм считает, что реальная граница проходит не между разными учениями, а между этими двумя тенденциями во всех учениях. Он иллюстрировал эту мысль, зачитывая разным людям отрывки из "Экономическо-философских рукописей 1844 года" К.Маркса и выслушивая версии собеседников об авторстве этих отрывков. Назывались как Фома Аквинский, так и современные теологи, а популяризатор дзен-буддизма на Западе Дайсэцу Судзуки говорил, что это дзен.

Название "радикальный гуманизм" говорит само за себя, - этот подход отрицает любые надчеловеческие (не надличностные, а именно надчеловеческие) цели для человека. Приведённых выше идейных вдохновителей концепции радикального гуманизма объединяет ориентация на решительную борьбу с господствующими над людьми иррациональными силами. Зигмунд Фрейд посягнул на сферу иррациональных инстинктов, применяя к ним силу познающего разума. Карл Маркс аналогичным образом вторгся в область социальной инфернальности, стремясь к её преодолению путём переустройства общества на основах разума и свободы. Пророки боролись против любых форм идолопоклонства, считая человека выше идолов. Иоганн Якоб Бахофен, реконструировавший эгалитарную и миролюбивую стадию в развитии общества, нанёс удар по иллюзии естественности преобладания таких патриархальных ценностей, как агрессивность, эксплуатация, конкуренция и социальная иерархия. Преодоление любых иллюзий, держащих нас в плену, проповедовал Будда - радикальнейший сторонник человеческой независимости. Подробный разбор с необходимыми обоснованиями всех этих учений, естественно, выходит далеко за рамки предлагаемой статьи.

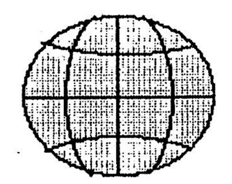
Сторонники радикального гуманизма отстаивают неподвластность человека никаким высшим силам. В этом состоит негативная свобода, свобода *от*. Но у свободы есть также позитивный аспект - свобода *для*. Одна только голая свобода *от* невыносима для человека, - утверждает Фромм в книге "Бегство от свободы". Поэтому личность, не сумев развиться до позитивной свободы и получив свободу негативную, спасается от неё, убегая в объятия новой зависимости.

Исследуя тоталитарные режимы (главным образом - на примере нацистской Германии) Фромм видит в них механизм бегства от свободы в виде подчинения человеком своей воли внешнему авторитету - партии, державе, "закону и порядку" как самоценности. Это в равной мере относится и к массам, и к вождям, - Гитлер считал себя орудием Судьбы, Нации и Природы; Сталин руководствовался интересами Государства (а la Макиавелли). Характерологический тип, господствующий в этих обществах (социальный характер) Фромм называет авторитарным (садо-мазохистским).

В демократических режимах XX века Фромм также наблюдает бегство от свободы, но его механизм несколько иной. Здесь личность не подчиняет себя

внешней силе, а полностью интегрируется в неё. Этот тип характера Фромм называл конформистским (в других работах - рыночным).

Не на социальном, а на личностном плане вариантом бегства от свободы является наркомания, и с тем же разрушительным эффектом.

Блаженны нищие духом...

Вкусив от Древа Познания, люди вырвали себя из природного состояния, - отныне их органическая связь с миром (а значит - и друг с другом) разрушена. Если жизнь животных полностью или почти полностью руководится инстинктами, то люди должны сами искать ответ на вопрос о смысле своего существования и о своём месте в мире. Иными словами, человек стремится обрасти новыми связями взамен утраченных природных уз, и в этом состоит первейшая собственно человеческая потребность, - считает Фромм. Критикуя Фрейда, он пишет: "Фрейд всегда рассматривал человека в его отношениях с другими, но эти отношения представляются ему аналогичными тем экономическим отношениям, какие характерны для капиталистического общества ... Поле человеческих отношений, по Фрейду, аналогично рынку; оно определяется обменом удовлетворения биологических потребностей. При этом связь с другими индивидами является лишь средством достижения цели, а не целью как таковой" [2, с.20].

Каким же образом люди устанавливают эти новые связи с миром и друг с другом? В целом возможно два способа решения этой проблемы человеческого существования, между которыми выбирает та или иная личность, - установка на ***бытие*** и установка на ***обладание***. Эти категории Фромм использовал в своей итоговой работе "Иметь или быть?" (1976), в более ранних книгах он говорит соответственно о продуктивной и непродуктивной ориентациях человеческого характера.

Наиболее полноценные (продуктивные) связи с миром устанавливаются посредством любви и творческого труда, в этом заключается установка на бытие, и в этом состоит содержание позитивной свободы. К такому выводу Фромма приводит его богатая психоаналитическая практика, анализ художественных, философских и религиозных текстов.

Творчество - это родовая черта людей, отличающая их от других живых существ (в соответствии с известной байкой Маркса о пчеле и архитекторе). Оно не обязательно означает творчество скульптора или писателя. Фромм вслед за дзен-буддистами утверждает, что предметом творчества может быть сама человеческая жизнь. Простой рыбак по своему видению мира может быть гораздо более творческой личностью, чем какой-нибудь посредственный литератор.

Понятие "любовь" также требует некоторого пояснения, ибо этим словом зачастую обозначается садомазохистская зависимость (по принципу обоюдного господства-подчинения). Во-первых, любовь представляет собой внутреннее свойство самой человеческой личности, а не просто реакцию на внешний раздражитель в виде "объекта любви". "Любовь к одному определённому человеку опирается на любовь к человеку вообще. А любовь к человеку вообще вовсе не является, как часто думают, некоторым обобщением, возникающим "после" любви к определённой личности или экстраполяцией опыта, пережитого с определённым "объектом"; напротив, это предпосылка такого переживания", - говорит Фромм [2, с.103].

Во-вторых, любовь предполагает высочайшее уважение в возлюбленном человека, стремление к его (или её) счастью, развитию и свободе, в то время как садомазохистская связь означает рассмотрение "возлюбленного" в качестве собственности. Любовь - это установка на бытие, а садомазохистская привязанность - на обладание: "Если человек испытывает любовь по принципу обладания, то это означает, что он стремится лишить объект своей "любви" свободы и держать его под контролем" [3, с.53].

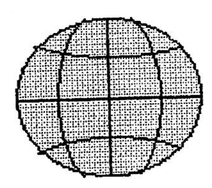
Установка на обладание осуществляется, когда по тем или иным социально-психологическим причинам человек не может реализовать себя в любви и творчестве. Неспособность полноценного единения с жизнью порождает потребность жизнь ограничивать, "наложив на неё лапу", - то есть иметь, обладать. Но непродуктивное решение проблемы человеческого существования - это всего лишь суррогат, оно не в состоянии полноценно заменить утраченные человеком первичные природные узы, что неизбежно сказывается на личности.

Стремление к накоплению всё большего количества вещей вместо функционального пользования ими (здесь речь идёт не о юридическом понятии собственности, а о психологической установке) - это самый наглядный тип обладания. Не менее показательно стремление к бесплодному накоплению знаний вместо их творческого применения в выработке новых идей. Стремление обладать людьми возникает из-за неспособности строить солидарные отношения, а также из-за неспособности любить.

"Природа предлагает нам ... символ, позволяющий провести грань между обладанием и бытиём. Эрекция полового члена сугубо функциональна, - пишет семидесятишестилетний Эрих Фромм. - Мужчина не *имеет* эрекцию как какую-то собственность или постоянное качество (хотя можно лишь догадываться, сколько мужчин хотели бы, чтобы это было так). Половой член находится в состоянии эрекции до тех пор, пока мужчина испытывает возбуждение и желание. И если по той или иной причине что-то мешает испытывать возбуждение, мужчина не *имеет* ничего" [3, с.122-3].

Стоит привести ещё одну цитату - на этот раз из Маркса, - иллюстрирующую различие между

обладанием и бытием: “Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является *нашим* лишь тогда, когда мы им обладаем, т.е. когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно владеем ... Поэтому на место *всех* физических и духовных чувств стало простое отчуждение *всех* этих чувств - чувство *обладания*” [9, с.120].

Эрос и некрос.

Установка на бытие предполагает постоянное развитие, вечное становление (Гераклит). Это сама жизнь. Ориентация на обладание означает ограничение жизни, а в пределе - омертвение живого, установление раз и навсегда данного порядка, ледяной холод застывшей вечности. Здесь проявляется ещё одна грань теории Фромма - полярность биофилии и некрофилии. Некрофилия в данном случае понимается не как разновидность полового извращения, а более широко - как ненависть к живому и любовь к мёртвому, её можно рассматривать как крайнюю форму непродуктивной ориентации характера. Фромм обращает внимание на лозунг испанских фалангистов - “Да здравствует смерть!” - как на явно некрофильский (не менее примечателен клич нынешних российских фашистов из НБП: “Да, смерть!”). Он также усматривает некрофильские черты в разрушительных тенденциях современной цивилизации - в угрозе ядерного уничтожения, в экологическом кризисе, в подчинении всех сторон жизни нуждам индустриальной “мегамашины”.

Самые крайние формы некрофилии проявляются в виде стремления к тотальному разрушению. Это происходит, когда личность оказывается неспособной не только к любви и творчеству, но даже к обладанию, и у неё остаётся единственный выход - уничтожение всего. Эти черты некрофилии продемонстрировал нацистский режим в Германии во время своего отступления и агонии. “Архитектор, с воодушевлением планировавший переустройство Вены, Линца, Мюнхена и Берлина, он в то же самое время был тем человеком, который намеревался разрушить Париж, снести с лица земли Ленинград и в конечном счёте уничтожить всю Германию”, - говорит Фромм о Гитлере в своей книге “Анатомия человеческой деструктивности” (1973) [1, с.342]. Последняя глава этой книги так и называется - “Злокачественная агрессия: Адольф Гитлер - клинический случай некрофилии”.

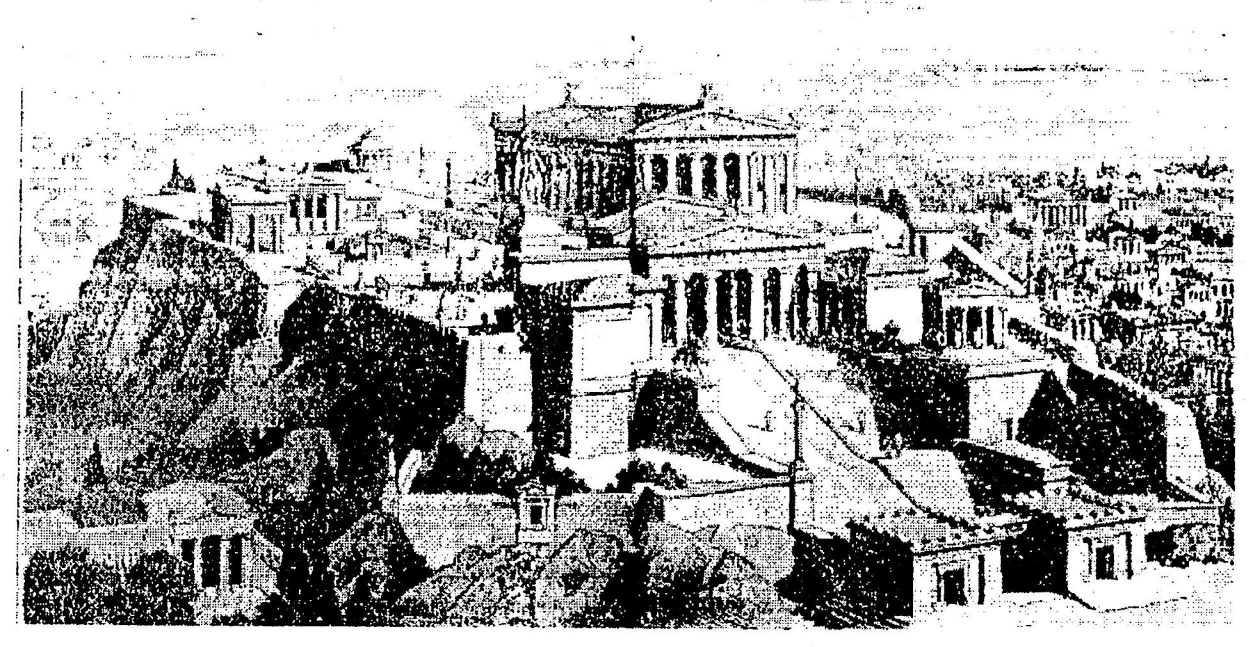
Понятие некрофилии не идентично фрейдовскому понятию “Танатос” как присущему всему живому - согласно теории Фрейда - инстинкту смерти наряду с Эросом - инстинктом жизни. Некрофильская ориентация характера возникает из-за социально-психологических, а не биологических причин. Кроме того, существует различие между греческими словами “танатос” и “некрос”. Первое подразумевает естественный процесс ухода из жизни, второе - мертвечину. Как говорится, почувствуйте разницу.

В плане биофилии - жизнелюбия, жизнеутверждения, Эроса - стоит сказать несколько слов о выдающемся палеонтологе, участнике многочисленных экспедиций, писателе-фантасте, мыслителе, энциклопедисте нашего времени Иване Антоновиче Ефремове (1907-1973). Это интересно ещё и тем, что Ефремов испытал влияние идей Эриха Фромма, нашедших у него сильный отклик: “Произведения Эрф Рома ... помогли построению нового мира на переходе к Эре Мирового Воссоединения”, - читаем мы в его романе “Час быка”, действие которого разворачивается в отдалённом будущем [7, с.95].

В терминологии Фромма - Иван Антонович представляет собой пример типичного биофила, располагаясь в одном ряду с такими ярко выраженными “жизнепоклонниками”, как Сапфо, Хемингуэй, Эйнштейн, Ницше и сам Фромм. Герои Ефремова - люди полноценные, красивые, одновременно высокодуховные и прекрасно тренированные физически и психически. Ефремов убеждён, что максимально раскрыться личность может лишь в процессе воспитания всех трёх своих составляющих - телесной, эмоциональной и духовной. Ему близок древнегреческий классический идеал культурного, здорового, сильного и красивого человека.

Вообще, влияние Древней Греции на жизнеутверждающее ефремовское творчество с его постоянной темой красоты, в особенности - красоты человеческого тела, эротической красоты, переоценить очень трудно. Сам он об этом рассказывает следующее: “Для развития моего самосознания исключительно велико было значение Эллады и эллинской культуры. Ни один народ в мире не выразил себя так полно и свободно в своём искусстве. Это первая в истории человечества культура, для которой в период её расцвета характерно увлечение эмоциональной жизнью человека - гораздо больше в сторону эроса, чем религии... Культура эллинов эмоциональна, их отношение к любви поэтично, и недаром Эллада играла такую роль в последующем развитии общечеловеческой культуры. Эллада пленяет свежестью и полнотой чувств” [8, с.444]. В художественном произведении это выражено в более поэтичной форме: “На тысячи лет вперёд Эллада останется прекрасной грёзой для всех чего-нибудь стоящих людей” [6, с.91].

В отличие от “эллиниста” Ефремова, Фромм с гораздо большей теплотой относится к европейской культуре позднего средневековья (XII-XVI века). В ней он в первую очередь склонен видеть Фому Аквинского, Майстера Экхарта, движения за подлинную христианизацию. Для Ефремова европейское позднее средневековье - это в первую очередь изуверский “Молот ведьм”, костры инквизиции и упадок темы красоты, преодолеваемый лишь некоторыми мастерами Возрождения. Сказывается монотеистическое воспитание одного мыслителя и

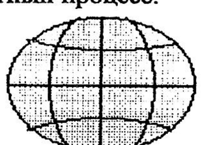

атеистическое - другого, но оба они в своих пристрастиях руководствуются гуманизмом и любовью к Жизни.

В одной из своих последних статей Ефремов говорит о двух путях эволюции, представленных в природе: путь максимального приспособления к окружающим условиям и путь самосовершенствования, повышающий стойкость по отношению к внешним воздействиям: "Ароморфоз, аристогенез или ортогенез - непрерывное восхождение и наибольшее совершенствование в сторону большей независимости от внешней среды" [5, с.98]. Учёный утверждает, что человеку в полной мере соответствует именно путь самосовершенствования - аристогенез, - в этом заключена важная черта его природы. У данного биологического (в целом) правила есть аналог на социально-психологическом уровне, который Ефремовым также подразумевается. Стремление к большей независимости от внешних объектов, по сути - объектов обладания, - это и есть установка на бытие в теории Фромма. В этом же состоит учение Будды, интерес к которому у Ивана Антоновича заметен. Что касается пути максимального приспособления, то в нём легко усматривается аналог бегства от свободы, особенно в его конформистском варианте.

Получается, что бегство от свободы и ориентация на обладание - это отступление от человеческой природы, "грех против Духа Святого", - говоря теологическим языком. "Итак, *добро в гуманистической этике - это утверждение жизни, раскрытие человеческих сил. Добродетель - это ответственность по отношению к собственному существованию.* Злом является помеха развитию человеческих способностей; *порок - это безответственность по отношению к себе*", - говорил Эрих Фромм в книге "Человек для самого себя" (1947) [4, с.33].

Нетрудно заметить, что в своей концепции Фромм широко использует различные полярности: "гуманистический - авторитарный", "свобода - бегство от свободы", "продуктивный - непродуктивный (деструктивный)", "бытие - обладание", "биофилия - некрофилия". За всем этим стоит одна и та же многогранная реальность, поворачивающаяся к нам разными сторонами. Эти полярности философ рассматривает как динамическое единство: чем сильнее наша установка на бытие, тем слабее - на обладание, и наоборот. Человек может, работая над собой, усиливать продуктивную составляющую своего характера. Возможен и обратный процесс.

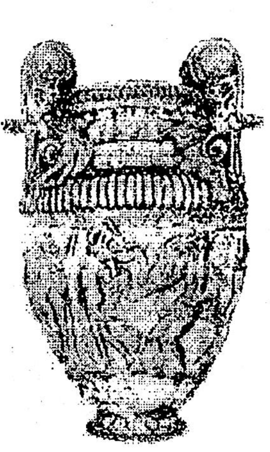

Восхождение из инферно.

Фромм приходит к выводу, что современная общественная система не способствует развитию полноценной личности, реализующей себя в любви и творчестве, поскольку ей (системе) нужны "винтики", а не гармонично развитые люди. Это означает, что люди будут бежать от свободы, будут стремиться к обладанию вместо того, чтобы быть. Всё это порождает угрозу самому человеческому существованию. Таким образом, задача общественного переустройства состоит в исправлении этого положения. Фромм понимает, что эта задача неимоверно трудна, но не менее трудной выглядела в своё время задача технического развития, осуществлённого в последние три столетия благодаря естественным наукам: "Эта новая наука XVII века до сих пор привлекает самые блестящие умы в индустриальных странах и привела к осуществлению тех технических утопий, о которых мечтал человек" [3, с.180].

*В то же время наука XVII века (кстати, во многом ориентированная на **обладание**) уже исчерпывает себя и уступает место новой парадигме, особенно явно это проявляется в физике. На эту тему на русском языке есть интересные книги: Ф.Капра. Дао физики. - СПб., 1994; Его же. Уроки мудрости. - М.-Киев, 1996.*

Философ уверен, что переустройство общества должно также основываться на науке - новой науке о человеке - и на принципах гуманистической этики (чего недоставало развитию техники). Известно, что аналогичных взглядов придерживался П.А.Кропоткин, идеи которого о взаимопомощи как факторе эволюции Фромм высоко оценил.

Тема социальной реконструкции затрагивается Фроммом в книгах "Здоровое общество" (1955), "Революция надежды" (1968), "Иметь или быть?". Как и многие другие, он выступает за децентрализацию промышленного производства и политики, развитие самоуправления. Только в этих условиях возможно преодоление отчуждения, то есть подвластности людей созданным ими, но не зависящим от них силам. В области политической децентрализации Фромм выступает за передачу функций управления "сравнительно небольшим районам, где люди знают друг друга и могут судить друг о друге, а значит, могут активно участвовать в управлении делами своего сообщества" [3, с.191]. В сфере промышленности он также считает нужным большие полномочия предоставить небольшим производственным подразделениям и раздробить гигантские корпорации на более мелкие единицы.

Но промышленное самоуправление актуально лишь до тех пор, пока люди вынуждены непосредственно заниматься материальным производством. Аналогично с коммунализмом - он актуален, пока люди тесно привязаны к своему локальному мирку. Но эта технологически обусловленная необходимость в постоянном месте жительства и работы в конце концов отпадёт, и люди станут подлинными гражданами мира - землянами.

Нельзя же, подобно философу Канту, всю жизнь безвылазно просидеть в одном немецком городе. Так и на самом деле недолго начать сторониться женщин и додуматься до идеи стерильного пространства как "априорной формы чувственности".

Фромм предлагает интересные формы демократии участия более универсального характера наряду с традиционными для либертариев видами самоуправления. Он выступает за вовлечение всех людей в группы межличностного общения (по нескольку сотен человек в каждой), в которых бы в условиях свободного получения всей необходимой информации обсуждались самые разные вопросы экономики, политики, образования, здравоохранения и других сфер жизни. Сумма решений этих групп, образующих своеобразную "нижнюю палату", стала бы основой общественной политики в различных областях.

Во взаимодействии с группами межличностного общения предполагается деятельность специализированных исследовательских и экспертных групп. Так, важной темой специального фундаментального исследования Фромм считает работу по изучению природы человеческих потребностей, чтобы выявить среди них здоровые и патологические. Перед человечеством также стоит масса других жизненных проблем глобального характера, требующих квалифицированного вмешательства специалистов.

Ещё один интересный момент в проекте Фромма - создание Совета "Голос совести", формируемого из пользующихся всеобщим глубоким уважением людей. Этот Совет (или советы), не располагая никакими властными полномочиями, давал бы этическую оценку различным направлениям политики общества.

В книгах Ивана Ефремова "Туманность Андромеды" (1957) и "Час быка" (1968) изображена картина коммунистического общества конца четвёртого - начала пятого тысячелетия после Р.Х. Многие черты этого общества соответствуют тому, что предлагал Фромм. "У нас нет простонародья, нет толпы и правителей. Законно же у нас лишь желание человечества, выраженное через суммирование мнений ... У нас нет некомпетентных личностей. Каждый большой вопрос открыто изучается миллионами учёных в тысячах научных институтов. Результаты доводятся до всеобщего сведения. Мелкие вопросы и решения по ним принимаются соответствующими институтами, даже отдельными людьми, а координируются Советами по главным направлениям экономики ... По надобности, в чрезвычайных обстоятельствах, власть берёт по своей компетенции один из Советов. Например, Экономики, Здоровья, Чести и Права, Звездоплаванья. Распоряжения проверяются Академиями", - говорит главная героиня романа "Час быка" диктатору олигархической планеты Ян-Ях, на что он отвечает: "Я вижу у вас опасную анархию" [7, с.76]. Первейшим законом Великого Кольца миров, в который входит и Земля, является свобода информации.

В полном согласии с концепцией бытия как вечного становления, Фромм не рассматривает выполнение задачи социальной реконструкции как завершение человеческой истории и установление рая на Земле, - *установкой на бытие нельзя **овладеть и обладать**, её можно только постоянно развивать.* Полемизируя в данном вопросе с Гербертом

Маркузе, он говорит, что этому теоретику прогресс человека видится "как возврат к счастью пресыщенного дитяти" [4, с.225]. Для Фромма, напротив, прогресс представляет собой становление полностью взрослой, ответственной личности, идущей по отнюдь не беззаботному пути бесконечного самораскрытия.

Фромм не считает возможной реализацию предлагаемых им преобразований путём насильственной революции, по крайней мере, в так называемых развитых странах. В 1968 году он пишет по поводу перспектив революции в США: "Во-первых, для подобной революции нет массовой основы. Даже если бы все радикально настроенные студенты вместе со всеми негритянскими борцами содействовали этому (что конечно же невозможно), массовая основа по-прежнему полностью отсутствовала бы, поскольку все вместе они составляют заметное меньшинство американского населения ... [Во-вторых] Столь сложное общество, как в Соединённых Штатах, опирающееся на большую группу квалифицированных менеджеров и управленческую бюрократию, не смогло бы функционировать, пока место тех, кто руководит сейчас промышленной машиной, не заняли бы столь же квалифицированные люди" [4, с.328].

Понятно, что данное высказывание у многих вызывает массу возражений, но сегодня это уже не так важно с практической точки зрения. Тенденции мирового развития ведут к колоссальному социальному взрыву не в США, а в "третьем мире", и эта революция, по-видимому, перерастёт в военный конфликт Севера и Юга и усилит авторитаризм с обеих сторон. Если при этом не произойдёт массового применения ядерного оружия, то ресурсная зависимость Севера, эколого-технологическая тупиковость Юга и общественные выступления приведут к прекращению противостояния и падению режимов. Возможно, что испив чашу инфернальности до дна, человечество наконец всерьёз обратится к радикальным гуманистическим идеям, выработанным его лучшими представителями.

Postscriptum.

На основе изложенного постараюсь сформулировать своё представление о движении за социальную реконструкцию на принципах радикального гуманизма:

- Это движение должно содействовать развитию условий для максимальной реализации творческого потенциала людей. Только в гнилом гуманизме "увяла плоть и дух погас" (А.Блок), у гуманизма радикального цель противоположная.

- Движение должно стараться содействовать тому, чтобы человеческая цивилизация с минимальными жертвами и разрушениями прошла через горнило грядущих испытаний.

- Активность движения должна проявляться в сферах педагогики и культуры. При этом культура понимается в наиболее широком смысле, включающем и экологическую культуру, и культуру самоуправления.

- Движение не должно быть зациклено на догмах - на *обладании* "единственно верным учением". Необходим творческий диалог и сотрудничество со всеми *живыми* силами.

- Движение должно стремиться не к эффектности, но к эффективности своей практики.

- Необходимо гармоничное сочетание общественной деятельности с физическим и духовным саморазвитием. Ганди очень верно говорил, что мы должны сами быть тем изменением, которое хотим видеть в мире. Лично мне хотелось бы видеть будущее как "свободное общество гармоничных личностей" (П.Рябов), а не как тусовку панков или сообщество революционных фанатиков.

Июль 1998.

Цитированная литература.

1. *Э.Фромм*. Анатомия человеческой деструктивности. - М., 1994.
2. *Э.Фромм*. Бегство от свободы. - М., 1995.
3. *Э.Фромм*. Иметь или быть? - М., 1990.
4. *Э.Фромм*. Психоанализ и этика. - М., 1993.
5. *И.А.Ефремов*. Космос и палеонтология. // В сборнике "Населённый космос". - М., 1972.
6. *И.А.Ефремов*. Таис Афинская. - М., 1993.
7. *И.А.Ефремов*. Час быка. - Воронеж, 1989.
8. *Ю.М.Медведев*. Грядущее Великое Кольцо. // Послесловие к книге: *И.А.Ефремов*. На краю Ойкумены. Звёздные корабли. - М., 1982.
9. *К.Маркс*. Экономическо-философские рукописи 1844 года. // *К.Маркс* и *Ф.Энгельс*. Соч. т.42.

ПЁТР РЯБОВ.

АНАРХИЧЕСКИЕ ПИСЬМА

(Продолжение. Начало в №№ 5, 6).

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ: РОБИНЗОН ИЛИ МУРАВЕЙ?

I

Кардинальный вопрос, к которому подвел нас ход предшествующего рассуждения, можно сформулировать так: что может сделать личность в современном обществе и может ли она вообще сделать что-то? В самом деле, если каждый человек по своей сути - лишь существо, жестко сформированное внешней средой (природной и социальной) и жестко вмонтированное в эту среду, существо, тотально и однозначно определяемое своей классовой, национальной, половой, религиозной принадлежностью, если, наконец, история подчиняется каким-то совершенно от нас не зависящим и нами непостижимым силам, то все анархические декларации о свободе личности так и останутся пустыми фразами. Очевидно, что ни Робинзону на необитаемом острове, ни муравью в муравейнике не нужен анархизм с его проповедью личной свободы и творчества. Если до этого речь шла о личности, по преимуществу взятой изолированно в своей самоценности и самостоятельности, то теперь следует поговорить о личности в ее социально-историческом измерении. Итак, тему третьего "Анархического письма" можно было бы обозначить названием одной из работ Н.К.Михайловского: "борьба за индивидуальность".

Бросим беглый взгляд на историю "борьбы за индивидуальность". Прежде всего, нелепо было бы пытаться (как это всегда делается) противопоставить нынешнему состоянию дел в мире, нынешнему положению человеческой личности, весьма жалкому и плачевному, светлое "вчера" или светлое "завтра", как некую норму и идеал. Человечество никогда не было ни сыто, ни свободно, ни гармонично, никогда в прошлом оно не решало даже самых главных и насущных своих проблем, и нет особых надежд на то, что это случится в будущем. Ведь очень и очень немногие представители человечества вели и ведут себя по-человечески.

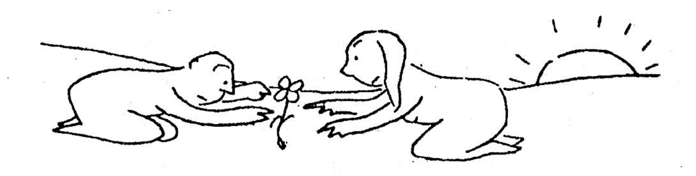
Подлинно человеческие проблемы: проблемы смысла, свободы, смерти, одиночества, любви - начинаются там, где решены предчеловеческие, дочеловеческие вопросы: вопросы обеспечения едой и жильем, вопросы, в сущности, унаследованные человеком еще из животного, дочеловеческого состояния. Далекий от того, чтобы, подобно Руссо или Кропоткину, видеть совершенное человечество в первобытном веке, я, напротив, вслед за Бакуниным, полагаю, что смысл истории именно - в вочеловечивании человека, в восхождении к человеческому: от природного и животного - через социальное - к личному. Именно на фундаменте животности и социальности, вызревая в их недрах и преодолевая их, борясь с ними в процессе предыстории, перерастающей в историю, мучительно и болезненно выковывается человеческая личность. По мере ее возникновения, по мере движения от царства природы к царству личности, уменьшается значение материальных, детерминирующих факторов и возрастает значение идеальной самодетерминации личности, которая, по словам Бакунина, отчасти становится "творцом самой себя".

Вместе с ее ростом и развитием возникает и обретает смысл требование свободы личности. Странно было бы говорить о свободе личности в безличном первобытном стаде. Нелепо было бы требовать "свободы личности" тогда, когда личность еще не вылупилась на свет, не ощутила себя. (Равно как и анархизм появился не тогда, когда государство стало чересчур чудовищным - что может быть чудовищнее азиатского деспотизма! - а тогда, когда людям стало нестерпимо государственное иго). Лозунг: освобождение личности - в разные эпохи означал нечто разное, развивался, обогащался вместе с самой личностью. Поистине революционный размах эта борьба за индивидуальность получила в эпоху Реформации, когда свобода личности понималась

прежде всего как свобода веры, свобода совести - свобода толковать Библию самостоятельно, свобода - без священников-посредников общаться с Господом. Затем, в эпоху Просвещения на передний план выступила свобода разума - свобода судить обо всем, невзирая ни на какие авторитеты, рамки и границы. Позднее - в эпоху движений романтизма и сентиментализма - заговорили также о нравственном своеобразии каждой личности, об индивидуальной свободе воли и свободе чувства. Несомненно, что до XIX века, до начала промышленной, буржуазной эпохи, люди в целом были более цельными, "монолитными", хотя червячок гамлетовской рефлексии и раздвоенности уже тогда начал свою разрушительную работу. И все же, как свидетельствует Достоевский (в романе "Идиот"): "раньше люди были об одной идее", а теперь - "о многих идеях", тоньше, чувствительнее и, может быть, - мельче: "Да, были люди в наше время! Не то, что нынешнее племя! Богатыри, - не вы!"

Кризис традиционного общества, шквал информации, ломка старых устоев и ценностей, гибель прежнего - поляризированного, удобного, стабильного и заданного мира - несомненно,. повлиял на человеческую личность в сторону осознания своей бездомности, открытия экзистенциальных глубин, бурной рефлексии. Не случайно именно на XX век приходится взлет психоанализа и экзистенциализма.

Что же может означать борьба за индивидуальность и лозунг свободы личности в нашу эпоху? И - коль скоро речь идет о свободе в ее экзистенциальном и в ее социальном измерении - всегда ли она оказывается востребованной личностью? Увы, далеко не всегда. Многие люди охотно перешли от безличности традиционного, доиндустриального общества к безличности постиндустриального компьютерного муравейника, толком ничего и не заметив. Что же касается промежуточной - индустриальной стадии, выбивающей людей из их насиженных норок и провоцирующей на самостоятельные, осознанные действия, на выбор и поиск, то, как замечено многими исследователями (сошлюсь хотя бы на Ханни Арендт и Эриха Фромма), ответом на нее явилось "бегство от свободы" отпущенной на волю личности, ее стремление найти успокоение в искусственной тоталитарной казарме, заменяющей прежнее естественное традиционное общество и избавляющей личность от необходимости быть свободной. Если все без исключения общественные устройства прошлых веков - от первобытного племени до средневекового феодализма - строились на принципах иерархичности, кастовости и элитарности, а мыслители XVIII-XIX веков выдвинули эгалитарный идеал всеобщего равенства, то XX век поставил под вопрос самую сущность дела: способность людей к свободе. Поставил под вопрос - это, впрочем, еще не значит: поставил крест на идеале всеобщего равенства и свободы.

К тому же, говоря о нежелании свободы многими людьми, нельзя не учесть общую социальную атмосферу - накладывающую табу на боль и смерть, ставящую выше всего узкопонятую пользу, спокойствие и комфорт. В этой агрессивно-конформистской атмосфере, лишающей человека необходимости выбора, заботливо и по-отечески поддерживаемой Властью, личность обречена мельчать, деградировать и вечно прозябать в инфантильности. То, что Хайдеггер называл словом "забота": суета, текучка, погоня за мелочными удовольствиями, без борьбы, без братства, любви и ненависти - заслоняет от человека его подлинное призвание и не позволяет родиться личности.

Конечно, такая ситуация сложилась отнюдь не сегодня. Приведу свидетельство одного из самых проницательных мыслителей середины прошлого века Алексиса де Токвиля, который писал в своей книге "Демократия в Америке" следующее: "Я хочу представить себе, в каких новых формах в нашем мире будет развиваться деспотизм. Я вижу неисчислимые толпы равных и похожих друг на друга людей, которые тратят свою жизнь в неустанных поисках маленьких и пошлых радостей, заполняющих их души. Каждый из них, взятый в отдельности, безразличен к судьбе всех прочих: его дети и наиболее близкие из его друзей и составляют

для него весь род людской. Что же касается других сограждан, то он находится рядом с ними, но не видит их; он задевает их, но не ощущает; он существует лишь сам по себе и только для себя... Над всеми этими толпами возвышается гигантская охранительная власть, обеспечивающая всех удовольствиями и следящая за судьбой каждого в толпе. Власть эта абсолютна, дотошна, справедлива, предусмотрительна и ласкова. Ее можно было бы сравнить с родительским влиянием, если бы ее задачей, подобно родительской, была подготовка человека к взрослой жизни. Между тем власть эта, напротив, стремится к тому, чтобы сохранить людей в их младенческом состоянии; она желала бы, чтобы граждане получали удовольствия и не думали ни о чем другом. Она охотно работает для общего блага, но при этом желает быть единственным уполномоченным и арбитром; она заботится о безопасности граждан, предусматривает и обеспечивает их потребности, облегчает им получение удовольствий, берет на себя руководство их основными делами, управляет их промышленностью, регулирует права наследования и занимается дележом их наследства. Отчего бы ей совсем не лишить их беспокойной необходимости мыслить и жить на этом свете? Именно таким образом эта власть делает все менее полезным и редким обращение к свободе выбора, она постоянно сужает сферу действия человеческой воли, постепенно лишая каждого отдельного гражданина возможности пользоваться всеми своими способностями". Если отбросить детали и частности, то нарисованная картина не так уж далека от реальности "первого мира" в эпоху "социального государства".

Следует ли из всего сказанного, что свобода личности была и остается химерическим пожеланием? Каково соотношение личности и общества и какова реальная роль личности в истории? Понимая всю сложность и необъятность этих вопросов, я не вправе уклониться от них.

человек одновременно
и самое социальное
и самое индивидуальное
из всех существ

II

Как заметил М.А.Бакунин, "человек одновременно и самое социальное и самое индивидуальное из всех существ". В этой двойственности человека - ключ к ответу на поставленные выше вопросы. Давая этот ответ, я воспользуюсь некоторыми мыслями Бакунина и Борового, а также разработанным русскими мыслителями конца XIX века "субъективным методом в социологии". В чем сущность этого "субъективного метода"?

Ее можно выразить в нескольких словах.

1. Прежде всего, критерием и целью прогресса признается развитие личности - живой, чувствующей, страдающей, мыслящей личности. Любые надличностные фетиши и фантомы: Мировой Дух, Нация, Государство, Класс, Производительные Силы и т.д. - развенчиваются в их претензиях на абсолютное значение.

2. Методы естественных наук, с их объективизмом и отстраненностью, не переносятся на рассмотрение социальной, человеческой жизни. Предопределенность, фатализм, надчеловеческий характер исторического процесса отрицаются. Нравственная оценка происходящего не только не исключается, но прямо предполагается субъективным методом в социологии. Как отмечал Н.К.Михайловский, в русском слове "правда" органично соединяются два значения: "истина" (познавательная) и "справедливость" (моральная), а это означает, говоря словами поэта, что "все прогрессы реакционны, если рушится человек". "Естественное" и даже "неизбежное" не признается автоматически чем-то хорошим, прогрессивным - но, напротив, настоящее подлежит суду должного, действительность судится с позиций идеального.

3. Наконец, коль скоро в основу всех критериев оценки кладется именно развитие человеческой личности, человек понимается не как функция чего-либо (общества, государства, производства), не сводится к своей социальной роли и не раскладывается на функции. Современная машинная цивилизация, с ее идеалом человека-машины, таким образом, оказывается очень "эффективной" с точки зрения организации производства и извлечения прибыли, но

не с точки зрения развития и освобождения личности.

Эти несколько общих взаимосвязанных принципов субъективного метода в социологии нуждаются теперь в некотором разъяснении и конкретизации.

Сначала об "объективном" подходе - к истории, к обществу, к человеческой жизни. По-моему, претензия на "объективность", на суждения от имени Господа Бога здесь означают или печальное недоразумение, или хитроумный обман. "Посмотрите на это явление со всемирно-исторической точки зрения..."- говорят нам просветители, Гегель, Маркс и многие другие. Откуда? Это из самодовольной современности, что ли? Подите, скажите родителям, у которых умер ребенок, что возможно еще большее несчастье! Подите к крестьянам XIV века в Европе (когда пол-Европы умерло от чумы) и поведайте им о Хиросиме! "Довлеет дневи злоба его".

Теперь о бытии, которое "определяет сознание". Это, конечно, верно, но верно и обратное: сознание личности, ее протест, возмущение, стремление к идеалу, проявляясь в наших деяниях, преобразует мир. Мы ищем себе подходящие роли, и роли формируют нас, и ничто не задано окончательно и навеки. Зададим себе немного наивный вопрос: "может ли быть хороший буржуй?" Возможно ли такое? Не более, чем "гуманный палач". Любой достойный человек, встав на этот ("буржуйский") путь, в какой-то момент, столкнувшись с реальностью своей роли (взятки, киллеры, нажива на труде рабочих, борьба с конкурентами и прочее) действительно может сделать выбор - но не выбор между тем - быть "хорошим" или "плохим" буржуем, а между тем, чтобы пожертвовать самим собой ради логики буржуев (роль "Буржуй", логика борьбы, выживания съест его незаметно и постепенно) или - пожертвовать буржуем в себе - ради своей логики. Подобный выбор существует у каждого. (За примерами отсылаю к богатейшей художественной литературе: "Гобсек" Бальзака, "Ионыч" Чехова, "Портрет" Гоголя, романы Э.Золя, Т.Драйзера и проч.).

Наши социальные роли - начальника, подчиненного, служащего и т.д. - не определяют нас целиком, навеки и фатально (как считают, в частности, марксисты), но эти роли и не нейтральны по отношению к нашим личностям, к нашему содержанию, к "нам" в нас. Тут имеет место обоюдная связь, борьба, динамика - между личным и общественным, между человеком и его привычной оболочкой. Невозможно как растворять личное в общественном, так и отгораживать его китайской стеной.

В истории не раз предпринимались попытки как увести личность в "башню из слоновой кости", так и, напротив, объявить социальное, политическое тотальностью, обобществляющей и определяющей личность целиком и без остатка. Мне кажется одинаково наивным и мнение о человеке и как о Робинзоне, и как о муравье. Люди не оторваны друг от друга - они связаны между собой. Ни один человек не может не относиться как-то к другим людям. Ты прочитал книгу, ты о чем-то подумал, ты не спросил другого о его настроении, когда он ждал этого вопроса - и это уже создает мир, формирует его, действует на других. Потому-то формально-правовой подход либералов: каждый человек - суверенен, независим, никто никому ничего не должен, никому ни до кого нет дела - этот подход недостаточен. Атеист Сартр метко заметил в одной из своих пьес: "Ад - это другие". Добавим: и рай - тоже. "Ты в ответе за тех, кого приручил" (Экзюпери), и с этим фактом ничего не поделаешь.

С другой стороны, в каждом из нас есть свой особый мир, своя точка опоры, что-то, что (к счастью? к несчастью?) никогда не доступно другим. Вы выходите на улицу. Вокруг - злые, усталые, замордованные жизнью люди. На каждом шагу - навязчивая и идиотская реклама. В грязной луже валяется пьяный. На углу - наряд милиционеров с дубинками. Тоска. Но есть свободная территория. Это - вы. Не все еще потеряно, черт возьми!

Не все потеряно - мы связаны с другими: в этом наш крест и наше спасение. Не все потеряно - мы отличны, автономны от других и способны к свободе!

Пусть - все как всегда: и зло, и добро во все времена - это некоторая константа, которая лишь меняет маски, и на смену допотопному людоедству и патриархальному рабству приходят "цивилизованные" и усовершенствованные Освенцим и Колыма, а угнетение лишь обновляет костюмы. Пусть Гитлер продолжает дело Нерона - зато ведь и Махно принимает эстафету у Спартака. Просветители в своем XVIII веке могли верить, что их Революция будет последней, окончательной, и за ней - царство Разума и Свободы. На деле оказалось -

буржуазное общество с его оковами и гнусностями. Также и "реальный социализм" Советского Союза оказался весьма отличным от того социализма, каким он виделся в XIX веке. Но во все времена сквозь бетон настоящего прорастала трава вечного. Пора отбросить веру в Историю, веру в "светлое будущее", столь часто предававшую нас. Пора понять главное: личность находится в истории, погружена в нее, но не растворяется в ней, не сводится к ней и не служит ей. История будет тем, что мы из нее сделаем. Сквозь исторически обусловленные и ограниченные программы и лозунги проступает вечное и непреходящее, что есть в нас. Человек связан с историей и социумом прочной пуповиной, но несводим к ним - это-то и дает нам необходимую точку опоры, возможность мечтать и выходить за рамки настоящего, свободу воли и возможность судить действительность и плыть против течения. Наше место - промежуточное: если бы человек был заранее запрограммирован, растворен в обществе или полностью независим от него, он не мог бы изменять и преобразовывать его по своей воле.

Личность способна не служить "будущему" - всегда удаляющемуся, призрачному и обманчивому, - но утверждать себя в настоящем, творить вечное в сегодняшнем дне. Все теории, рассматривающие прогресс, как нечто автоматическое, фатальное, внечеловеческое и надчеловеческое, приносящие человека на алтарь истории и будущего, растворяющие человека в истории и социуме - делают личность бессильным заложником и инструментом бездушного Прогресса: таковы и гегельянство, и марксизм и многие другие влиятельные учения. И наоборот, только отказавшись от "объективистского" и внеличностного подхода, отбросив химеру "конечной цели" и признав личность исходным пунктом и творцом общественной жизни, несводимым исключительно к социальным функциям и ролям, мы можем поставить анархизм на твердую почву.

III

Попытаюсь теперь коротко сформулировать свое отношение к проблеме: "личность и общество".

Личность не сводится только к социальному (или к биологическому, как фундаменту социального) и только к разумному. Общество в целом как таковое не может ощущать несвободу и бороться против нее. Общество продвигается вперед только через личные усилия, личные жертвы, личные поиски и личные прорывы. Безграничный индивидуализм и безграничное социологизаторство, сведение человека к социальной функции и - игнорирование социальных условий - вот те Сцилла и Харибда, между которыми так сложно пробиться к пониманию реального положения человека.

Приведем несколько высказываний Алексея Борового по этому поводу: "Исторически и логически антиномия личности и общества - неустранимы. Никогда ни при каких условиях не может быть достигнута между ними полная гармония. Как бы ни был совершенен и податлив общественный строй - всегда и неизбежно вступит он в противоречие с тем, что остается в личности неразложимым ни на какие проявления общественных чувств - ее своеобразием, неделимостью, неповторимостью. Никогда личность не уступит обществу этого последнего своего "одиночества", общество никогда не сможет "простить" его личности..."

Общество - усредняет, нивелирует личность, ревниво относится к ее своеобразию, стремится превратить ее в свою функцию, сковать своими застывшими формами. В паре: личность - общество личность всегда первична и активна , тогда как общество вторично и инертно. Но, наряду с этим, общество - основа для развития личности, оно формирует ее, находится с ней в глубокой взаимозависимости. Поэтому, по мнению Борового, "анархизм освобождает личность через свободную общественность... Антиномия и заключается в необходимости для личности последовательного отрицания всех избираемых и утверждаемых ею форм общественности при неизбежности для нее общественного состояния". "Анархизм есть апофеоз личного начала; общественный процесс для него есть

процесс непрестанного самоосвобождения личности через прогрессирующую же общественность... Анархизм строит свои утверждения на новом понимании личности, предполагающем вечное ... ее движение (борьба с культурой за культуру)".

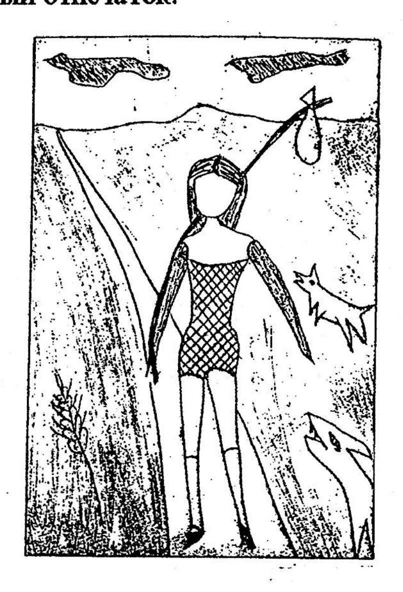
Боровой указывает на "отсутствие подлинной реальности у общества, как такового. Подлинной самоочевидной реальностью - является личность. Только она имеет самостоятельное нравственное бытие, и последнее не может быть выводимо из порядка общественных отношений". Общественность же вторична, производна, она "реальна отраженным светом, светом реальной личности..."

Эту "вторичность" общества следует, конечно, понимать условно, так как исторически именно личность вырастает из общества, и именно общество предшествует личности, как среда ее обитания и формирования. Свобода воли, способность к бунту, как специфически человеческие проявления, способность человека ставить идеальные цели, поднимаясь над самим собой и преодолевая собственную "животность" (употребляя выражение Бакунина) и авторитарность окружающего общества, противостоит существующей "реальности", "причинности", как новый, неведомый ранее фактор, как реальность высшего порядка.

Если личность, таким образом, является для анархизма абсолютной ценностью, первичной и непостижимой до конца, творческой и уникальной, то общество, в лучшем случае, обладает ценностью вторичной, относительной. Однако, поскольку личность не только не сводима целиком к обществу, но и невозможна без и вне общества, необходимо оправдание общества в его относительной ценности.

Итак, подводя итог, можно сказать, что анархизм отдает приоритет личности, как первичной реальности и высшей своей ценности, констатируя при этом наличие в личности "социального" (универсального, обусловленного, всеобщего, ролевого) и "индивидуального" (уникального, свободного, неповторимого) начала, причем одно проявляется через другое, предполагает другое и, в известной мере, вступает в конфликт с другим. Жить в своем времени - и нести в себе вечность, играть конкретную роль - и побеждать эту роль, выходя за ее рамки - таков удел человека. (В этом, между прочим, проявляется та парадоксальность, промежуточность природы человека, о которой подробно шла речь во втором "Письме"). Личность не может ни всецело принять данное общество, со всеми его цепями и пороками, ни всецело отрицать общество вообще - но одновременно и принимает, и отталкивается, и преобразует его - и противостоит тому в этом обществе, что исключает воплощение и освобождение личности.

Абсолютная асоциальность и изоляция также губительны для людей, как и конформистское саморастворение в обществе. Бунтовать против общества во имя самой себя и во имя самосовершенствования этого общества - вот нелегкий путь личности. Как полный разрыв с обществом, так и полная гармония - невозможны. Разрыв одних пут и свержение одних оков порождает новые, однако, и череде восстаний личности в ее борьбе за свободу и достоинство нет конца и предела. Личность - не изолированный атом, но и не просто инструмент, орган социума: язык, мораль, культура, общественные нормы формируют личность, дают ей содержание и, в свою очередь, личность накладывает на социальную жизнь свой уникальный и неповторимый отпечаток.

IV

Феномен декабристов... Часто удивляются, вслед за московским градоначальником Растопчиным, "чего им не хватало?". Парадокс же заключается вовсе не в том, что декабристы - дворяне, аристократы, относительно (по меркам России) свободные люди, вышли на Сенатскую площадь бороться за свободу (за свободу вообще и для всех!), а парадокс в том, что никто, кроме них, не мог в то время в России за свободу бороться. Парадокс в том, что за свободу могут бороться только свободные (они ощутили ее вкус, поняли ее ценность, им есть, что терять, и есть, что отстаивать), а несвободные не могут бороться за свободу. Именно поэтому, например, расцвету революционного народничества предшествовали Реформы, а в обществе поголовного рабства и среди рабов борьба за свободу невозможна.

И - прежде всего - должна пробудиться, ощутить себя личность. Не будь 60-ых годов XIX века, не будь Чернышевского с его романом о "новых людях", Лаврова, с его проповедью "критически мыслящих личностей", не будь Михайловского с его прославлением "идеальных людей" (в отличие от "практических") - не взросло бы поколение борцов революционного народничества. Послушаем свидетельство Кропоткина о кружке "чайковцев", членом которого он был и из которого вышли многие герои освободительной борьбы: "Чайковский и его друзья рассудили совершенно верно, что нравственно развитая личность должна быть в основе всякой организации, независимо от того, какой бы политический характер она потом ни приняла и какую бы программу деятельности она не усвоила под влиянием событий".

Субъективная социология (вернемся к ней) не только смотрит на все происходящее с точки зрения личности, но и рассматривает саму личность как точку отсчета, как главный движущий принцип общественного развития.

Есть проблемы, которые теоретически представляются неразрешимыми, подобно замкнутому кругу. И одна из главных среди них - сформулированная Герценым в полемике против Бакунина проблема связи "внутреннего" и "внешнего" рабства. Освободить рабов от внешнего ига - бесполезно: они снова воссоздадут внешний деспотизм. Такова, например, вся история древнего и средневекового Китая, когда в ходе великих крестьянских войн община сперва сбрасывала с себя ярмо Поднебесной Империи, а затем фатально воссоздавала эту империю заново, меняя лишь название правящей династии. Известна мысль Гегеля о том, что всякий народ имеет то правительство, которое он заслуживает. Но верно отчасти и обратное: в наше время правительство во много формирует общество "под себя", так, как хочет.

В романе Урсулы Ле Гуин "Обездоленные" очень правдоподобно и наглядно показано, как, свергнув государство вовне, но не внутри себя, люди восстанавливают на Анарресе полурепрессивные-полуконформистские отношения.

Но и "перевоспитать" рабов в свободных людей, в условиях процветающего деспотизма не смогут никакие "друзья народа", даже если найдутся такие бескорыстные, благородные и самоотверженные люди, поскольку никакой уважающий себя деспотический режим не потерпит подобной самодеятельности. Говорить людям: "Убей в себе Государство!", когда Государство правит бал вокруг, по меньшей мере, наивно. Самый яркий пример тому - провал отважного "хождения в народ" в России в 1873-1874 годах. Что же делать? Значит, рабство вечно? Значит, эта система, в которой "внутренняя" и "внешняя" несвобода так гармонично сочетаются друг с другом, непрошибаема не извне, не изнутри? Нет, эта проблема неразрешима лишь теоретически - но практически ее можно и нужно решать (иначе история вообще не знала бы примеров хотя бы временной и частичной гибели рабства и тирании). И путь здесь один: практическая борьба одновременно и с внутренним, и с внешним рабством, "выдавливание из себя по капле раба" под великим лозунгом: "В борьбе обретешь ты право свое!" Этот лозунг справедлив всегда и везде - и при тоталитарной диктатуре, и в либертарном безгосударственном обществе. Любые права, записанные на бумаге, испаряются и выдыхаются, если не вести за них каждодневную борьбу. Никакие общественные институты здесь не помогут и ничего не гарантируют. И, напротив, узаконенное бесправие преодолимо людьми, ощутившими неутолимую жажду свободы. "Надо, чтобы народ устыдился самого себя - тогда он будет способен на великие дела" (Маркс). И архимедова точка опоры, размыкающая замкнутый круг всеобщего заговора, сокрушающая твердыню холуйства и произвола - это человеческая личность, способная к бунту, борьбе, преображению и самоосвобождению.

"Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой"
(Гете).

Каждый день! Жить правами, добытыми когда-то отцами, также невозможно, как есть приготовленный ими хлеб. Никакие законы, договоры и учреждения не помогут, если в людях угасает прометеев огонь. Мудрый Томас Джефферсон в XVIII веке писал в одном из своих писем, что дерево свободы необходимо каждые двадцать-тридцать лет непременно поливать кровью тиранов и тираноборцев, устраивая восстания, иначе это дерево засохнет. Если современная западная демократия, у истоков которой стоял Джефферсон, еще чего-то стоит и не совсем загнулась за эти два века, то именно благодаря таким восстаниям, периодически происходившим в его недрах.

продолжение на стр. 54

В.В.Дамье

РЕВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНАЯ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ?

Проблема революции в классическом анархизме и марксизме.

Двадцатый век подходит к концу. Для обывателей - это время смутных страхов, мистических увлечений и апокалиптических прогнозов. Для историков - хороший повод оглянуться назад и окинуть взглядом миновавшее столетие.

Здесь не место и не время рассуждать о том, чем был этот век - эпохой войн и революций, борьбы тоталитаризма и демократии или же периодом самой глубокой контрреволюции. Обратим внимание только на два сегмента из пестрой палитры событий, тенденций, идей и людей.

Первый. В двадцатом веке была окончательно (окончательно ли?) похоронена теория освобождения человека через "идеальное" рациональное государство. Мечта Платона, тысячелетия вдохновлявшая утопистов, оказалась несостоятельной. Свобода не может придти через рабство, равенство (отсутствие иерархии) недостижимо через иерархию, самоуправление немыслимо через авторитаризм и власть.

Второй момент, вытекающий из первого. Исторический спор, перенятый двадцатым веком из предшествовавшего ему столетия, - спор между авторитарным и антиавторитарным социализмом, между марксизмом и анархизмом - завершается в пользу анархизма. Правда, это почти посмертная победа, пока что не более, чем моральное удовлетворение. Анархистские движения, объединявшие миллионы людей до второй мировой войны, истекли кровью в неравной борьбе со своими противниками со всех сторон. Им так и не было дано реализовать свой идеал на практике, и они ушли в историю, оставив после себя лишь небольшие группы, хранящие огонь идей. Но их исторический соперник - марксизм - с его идеей освобождения через принуждение или, говоря словами Г. Маркузе, "воспитательной диктатуры"[1] потерпел крах. Цель свободы не оправдала авторитарных и этатистских средств. Попытки создать социал-демократическое "народное государство" или "пролетарское полугосударство" закончились - в первом случае обыкновенным капитализмом, в котором "демократия ... является наиболее эффективной формой господства"[2], во втором - "особым путем" к капитализму: установлением жесточайшей тоталитарной диктатуры бюрократии, перешедшей затем в более "нормальный" буржуазный строй. Сегодня бывшая марксистская левая полностью отказалась от своей конечной цели - если не на словах, то на деле. Бывшие и нынешние "коммунистические" партии поддерживают приватизацию и вполне верны неолиберальному духу времени.

Даже такой убежденный противник левых, как Э.Нольте, сейчас признает: "Совершенно новая ситуация может возникнуть лишь в том случае, если вечная левая вновь обретет мужество для возвращения к своим самым старым интенциям, а именно, к своей принципиальной враждебности по отношению к границам, дифференциации, конфликтам, и выступит за "смешение всех рас и народов", за ликвидацию индустриальной экономики, основанной на разделении труда, за устранение "мужского культа" и связанной с этим динамики европейско-американской цивилизации как основы раздора и дисгармонии"[3]. Иными словами, единственный шанс для левой альтернативы - это возврат к ценностям и идеям антиавторитарного социализма.

Настало время для историков вернуться к истокам и перипетиям спора между антиавторитарным и авторитарным крылом революционного движения и заново проанализировать идеи и доводы тех и других. Там, в прошлом мы сумеем отыскать не только основы идейно-политического противоборства двадцатого века, но, возможно, и некоторые аргументы для будущего.

* * *

По меткому замечанию аргентинского теоретика анархизма Э.Лопеса Аранго, как антиавторитарный, так и авторитарный социализм сложились на основе различных ответов - не на вопрос "почему" существует эксплуатация, а на вопрос "как" покончить с несправедливой общественной системой[4].

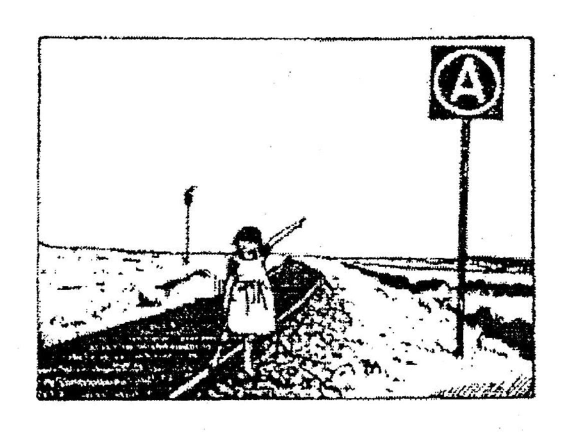
В созданном в 1864 г. Первом Интернационале, который представлял собой, по существу, "организованный в международном масштабе профсоюз"[5], состояли сторонники самых разных течений, у каждого их которых были свои представления о социальной трансформации. Среди них были британские тред-юнионисты, французские прудонисты и бланкисты, немецкие марксисты и лассальянцы, итальянские мадзинисты, бельгийские коллективисты, наконец, сторонники "Альянса социалистической демократии" (бакунисты). Не все из них были

революционными. Тем не менее, на первом этапе можно было говорить о некоем консенсусе. Он был зафиксирован во введении к уставу Интернационала: "...экономическое освобождение трудящихся есть та великая цель, которой должно быть подчинено всякое движение политическое"[6]. Более того, марксисты и бакунисты выступали совместно по ряду принципиальных вопросов, особенно в борьбе с прудонизмом (предшественниками современного "рыночного социализма") по вопросу об общественной собственности на средства производства на Базельском конгрессе Первого Интернационала (1869 г.). Однако это коллективистское большинство, "объединяющее Генеральный совет, вдохновляемый Марксом, представителей британских профсоюзов, немецких социалистических организаций, бельгийской секции, представленной С.Де-Папом, и секциями, находившимися под влиянием Бакунина, не пережил собственной победы"[7]. Уже в 1872 г. Интернационал раскололся на две организации: марксистскую и антиавторитарную ("бакунистскую"). От них берут начало соответственно авторитарный и антиавторитарный (анархистский) социализм XIX - XX вв.

Размежевание в международном движении было связано не только с личными конфликтами в организации, но и, в первую очередь, с различным пониманием самой революционной борьбы и ее задач. Расхождения в цели существовали, но играли второстепенную роль[8]. Маркс "хочет того же, чего хотим мы: полного торжества экономического и социального равенства, *- но в государстве и при посредстве государственной власти, при посредстве диктатуры очень сильного и, так сказать, деспотического временного правительства*, то есть посредством отрицания свободы", - писал Бакунин[9].

Маркс еще в середине 40-х гг. XIX в. пришел к принципиальному выводу о том, что "пролетарии, чтобы отстоять себя как личности, должны уничтожить имеющее место до настоящего времени условие своего собственного существования,... т.е. должны уничтожить труд. Вот почему они находятся в прямой противоположности к той форме, в которой индивиды, составляющие общество, до сих пор выражали себя как некоторое целое, а именно к государству, и должны низвергнуть государство, чтобы утвердить себя как личности"[10]. Такие высказывания, а так же резкое противопоставление Марксом Парижской коммуны 1871 года с ее территориальным самоуправлением и вольными ассоциациями работников бонапартистскому бюрократическому государству дали основания некоторым исследователям утверждать, что Маркс был "теоретиком анархизма", который "заложил рациональные основы анархистской утопии" и намеревался написать (но так и не написал) книгу о государстве с безвластнических позиций[11]. Однако и они признают, что Маркс, конечно же, не был "практиком анархизма". Антиэтатистская цель оказалась принесена в жертву соображениям "реальной политики". Разумеется, это не было случайностью, а коренилось глубоко в самой марксовой философии истории. Согласно ей, социальная революция и будущее свободное общество станут естественным следствием противоречий самого капитализма, плодом его "диалектического развития", концентрации, централизации и рационализации производства. Иными словами, свержение капитализма следует логике самого капитализма и может быть лишь столь же авторитарным, как и она[12].

"В классической теории Маркса переход от капитализма к социализму рассматривается как политическая революция: пролетариат разрушает *политический* аппарат капитализма, сохраняя при этом *технологический* аппарат и подчиняя его целям социализации", - отмечал Г. Маркузе. - "Революция

обеспечивает определенную непрерывность: в новом обществе технологическая рациональность, освобожденная от иррациональных ограничений и деструктивных функций, сохраняется и совершенствуется... Маркс полагал, что организация аппарата производства "непосредственными производителями" должна привести к *качественным* изменениям в технической непрерывности: а именно, к направлению производства на удовлетворение свободно развивающихся индивидуальных потребностей"[13]. Его ошибка заключалась во мнении, будто индустриальная форма общественной и производственной организации, "по крайней мере, в том, что касается *технической* основы развития производительных сил, может служить моделью для построения нового общества"[14]. В действительности огромные централизованные индустриальные комплексы почти невозможно социализировать, то есть поставить под сознательный контроль ассоциированных производителей. То же самое относится к системе централизованного управления общественными делами, то есть к государству.

Однако, следуя теории о том, что буржуазная политическая форма ("надстройка") сдерживает развитие производственной и технической основы общества, Маркс и Энгельс уже в 1848 - 1850 гг. пришли к выводу о том, что первоочередная задача сводится именно к разрушению этой политической формы и к замене ее новой. По их мнению, следовало сосредоточиться на "завоевании пролетариатом политической власти как первом средстве преобразования всего существующего общества". В результате произойдет "низложение всех привилегированных классов, подчинение этих классов диктатуре пролетариев". "Первым результатом пролетарской революции... будет централизация крупной промышленности в руках государства, то есть господствующего пролетариата". Но установление самой этой новой власти лишь откроет процесс "непрерывной революции вплоть до установления коммунизма", как "необходимая переходная ступень к уничтожению классовых различий вообще, к уничтожению производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям"[15]. Иными словами, *политическая революция открывала революцию социальную*: предстояло "сломать" старую государственную машину и создать новую, "пролетарскую", которая затем должна была осуществить преобразование производственных и общественных отношений с тем, чтобы впоследствии исчезнуть вместе с классовым делением общества.

Но марксистская "реальная политика" этим не ограничивалась. На пути к революции предполагалось широко использовать политические формы существующей буржуазной системы. Последователи Маркса выступили за участие в парламентских выборах и "давление" на

буржуазию, поскольку "в интересах рабочих поддерживать буржуазию в ее борьбе против всех реакционных элементов *до тех пор, пока она верна самой себе*". "С помощью свободы печати, права собраний и союзов он (пролетариат) завоевывает себе всеобщее избирательное право, с помощью же всеобщего и прямого избирательного права, в сочетании с указанными агитационными средствами, - все остальное"[16].

С такими представлениями Маркс и его сторонники пришли в Первый Интернационал. Там они попытались добиться принятия этой линии. В подготовленной Марксом редакции манифеста ("адреса") говорилось о том, что "завоевание политической власти стало... великой обязанностью рабочего класса"[17]. Аналогичные положения содержались и в ряде других документов Генерального совета (в докладе о кооперативных товариществах на Женевском конгрессе 1866 г., в заявлении по поводу мнимого заговора французских членов Интернационала 1870 г.), но не находили отражения в решениях Интернационала (Генеральный совет был не решающим, а техническим и связующим органом).

Против такого подхода выступило антиавторитарное крыло Интернационала, которое начало формироваться вокруг Бакунина и его сторонников. Сам Бакунин характеризовал его позиции так: "Мы хотим достичь того же торжества экономического и социального равенства путем уничтожения государства и всего, что зовется юридическим правом и, с нашей точки зрения, является перманентным отрицанием человеческих прав. Мы хотим перестройки общества и объединения человечества не сверху вниз, при посредстве какого бы то ни было авторитета и с помощью социалистических чиновников, инженеров и других официальных ученых; мы хотим перестройки снизу вверх, путем свободной федерации освобожденных от ярма государства рабочих ассоциаций всех видов"[18].

С точки зрения Бакунина, государство не может быть нейтральным инструментом, которое в состоянии использовать любые социальные силы и с любой целью. Он сформулировал положение о противоречии между обществом и государством: "*Общество* - это естественный способ существования совокупности людей... Оно медленно развивается под влиянием инициативы индивидов, а не мыслью и волей законодателя... Государство не является непосредственным созданием природы; оно не предшествует, как общество, пробуждению человеческой мысли... Оно стоит над обществом и стремится его полностью поглотить". Государство было "необходимым злом" на протяжении части человеческой истории, но больше оно не нужно. Более того, оно - орудие господства и несвободы и потому не может быть инструментом или средством освобождения. "Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно, и рабство; государство без рабства... немыслимо - вот почему мы враги государства"[19].

История развития "естественного общества", согласно Бакунину, - это история развития коллективной и индивидуальной свободы людей. "Свобода - подобно человечности, чистейшим выражением которой она и является - представляет собою не начало, а наоборот, завершительный момент истории". Этой свободе противостоит стремление к господству: "Все исторические несправедливости, все войны, все политические и социальные привилегии имели и имеют своей главной причиной и своей целью захват и эксплуатацию какого-либо ассоциированного труда в пользу более сильных... Такова истинная историческая... причина так называемого *права частной и наследственной собственности*". Вот почему для освобождения человечества необходим решительный разрыв со всеми основами существующего строя, "радикальная и всемирная, одновременно философская, политическая, экономическая и социальная революция"[20]. Она призвана немедленно уничтожить политическую власть (государство) и частную собственность, заменив их вольной ассоциацией производителей.

Бакунин не разработал систематической теории революции. Но можно утверждать, что он подходил к ней в соответствии со своей концепцией истории, которая позволяет считать его одним из основоположников "негативной диалектики" - представления о возникновения нового не из противоречий старого, а как отрицания логики старого. Согласно Бакунину, "история представляется нам как революционное отрицание прошлого, иногда медленное, апатичное, сонное, иногда страстное и мощное. Она состоит именно в прогрессивном отрицании первобытной животности человека посредством развития его человечности"[21]. В социальной революции, свергающей капитализм и государство, он видел прежде всего, стихийный бунтарский взрыв масс и спонтанную самоорганизацию снизу вверх.

Бакунин выступил против предложенной Марксом очередности: сначала - политическая революция, затем - социальная и экономическая. Он предостерегал авторитарных социалистов, что такой подход - попытка освободить "несознательных" трудящихся через создание "их" государства - даже против воли самих марксистов приведет к перерождению революции и установлению господства нового привилегированного класса - бюрократии и технократии. В таком режиме Бакунин видел попытку осуществить идею "государства ученых" (мнимых или действительных), которое понимает себя как "временную" диктатуру с целью "образовать и поднять народ как экономически, так и политически до такой степени, что всякое управление сделается... ненужным" и государство "упразднится". В действительности, предсказывал он, эта деспотическая власть будет лишь поддерживать сама себя[21].

Столкновение двух столь различных представлений о революции должно было рано или поздно взорвать Интернационал. Так и произошло. В сентябре 1871 г. Генеральный совет во главе с Марксом собрал в Лондоне конференцию, на которой были в одностороннем порядке приняты принципиальные решения, менявшие структуру и курс международной организации. В частности, расширены полномочия Генерального совета (ему приданы решающие функции). В резолюции "О политическом действии рабочего класса" говорилось о необходимости завоевания рабочими политической власти и объединения их с этой целью "в особую политическую партию"[22]. В ответ на это конгресс Романской федерации Интернационала, находившейся под влиянием антиавторитарного крыла, принял резолюцию, в которой указывалось, что "всякое правительство, или политическое государство, есть ничто иное, как организация буржуазной эксплуатации", и "всякое участие рабочих в буржуазной правительственной политике не может иметь других последствий, как только укрепление существующего порядка вещей". Конгресс рекомендовал всем секциям Интернационала "отказаться от всякой деятельности, имеющей целью социальные изменения при посредстве политических национальных реформ и предлагает перенести всю свою энергию на устройство федеративных профессиональных союзов, - единственного орудия, могущего обеспечить успех социальной революции"[23]. В 1872 г. марксисты и бланкисты на конгрессе Интернационала в Гааге добились подтверждения решений Лондонской конференции и исключения Бакунина. Сторонники антиавторитарного крыла провели собственный конгресс в Сент-Имье, на котором объявили решения, принятые в Гааге, недействительными. Участники заявили:

"Любое государство, то есть любое правительство и любое администрирование народными массами, неизбежно основанное на бюрократии, армиях, судах, шпионаже и клире, никогда не сможет установить социальную организацию на основе свободного труда и справедливого участия в произведенных продуктах, поскольку по самой сути своих институтов оно является тираническим и несправедливым. Рабочий может освободиться от векового угнетения только заменив государство... свободной федерацией всех групп производителей на основе солидарности. Для достижения этой цели, необходима организация для сопротивления посредством стачки, которая научит... рабочих сознавать бездну, отделяющую буржуазию от пролетариата, укрепит рабочую организованность и подготовит трудящихся к великой революционной борьбе..."[24]. Конгресс постановил, что первой обязанностью пролетариата является уничтожение всякой политической власти, что любая организация политической власти, пусть даже временная, революционная и служащая только осуществлению своего разрушения, стала бы очередным обманом[25]. Так возникли две различные международные организации под одним и тем же названием - Международная ассоциация трудящихся (старый, традиционный перевод - "Международное товарищество рабочих"). Пути государственнического и антиавторитарного социализма окончательно разошлись

* * *

Последующее развитие марксистского течения знаменовалось дальнейшим нарастанием этатистских и индустриалистских тенденций. Политической формой его организации стали социал-демократические партии. Первая из них возникла в Германии в 1869 г. (Социал-демократическая рабочая партия), в 1875 г. она объединилась с лассальянцами в Социалистическую рабочую партию Германии (позднее - Социал-демократическая партия Германии). СРПГ приняла программу в лассальянском духе, гласившую, что партия "прежде всего действует в национальных рамках", требует демократизации существующего государства и "добивается всеми средствами осуществления свободного государства и социалистического общества". И хотя Маркс подверг эти положения критике, они были утверждены и действовали до 1890 г.[26]

Теоретики социал-демократии постепенно все больше отходили от прежней, разработанной Марксом концепции революции и "переходного" государства. Апологетизация средств достижения цели в ущерб самой цели, которая чем дальше, тем больше отодвигалась в нереальное будущее, отнюдь не была характерна только для правого (так называемого ревизионистского) крыла партийных социалистов. Эта тенденция вполне соответствовала жестко-детерминистскому истолкованию философии Маркса, в соответствии с которым социалистическое общество закономерно и "необходимо" вырастало из капиталистического. Механистический детерминизм был в духе индустриальной эпохи с ее всепроникающей "формальной рациональностью".

Выступая на съезде СДПГ в Галле в 1890 г., лидер СДПГ В. Либкнехт заявил: "Кто может четко разграничить современное государство и будущее? *Современное государство врастает в будущее*, равно как и будущее государство проглядывает уже в современном". Через год, на съезде в Эрфурте, он пояснил: "Социализм не есть произвольное изобретение... Так называемое государство будущего,... основы которого мы можем, само собой разумеется, обрисовать только в общих чертах, является необходимым, неизбежным последствием современного капиталистического государства, также как и социалистическое производство есть необходимое последствие и вывод из современного капиталистического производства... Социализм есть последствие современного капитализма, социалистическое государство есть преемник и наследник капиталистического государства".[27]

Подобная позиция социал-демократии вела, прежде всего, к представлению о социалистической экономике как о чем-то еще более укрупненном и централизованном, нежели капиталистическое хозяйство, некоем едином организме, "научно" и рационально управляемом из единого центра. Ведущий теоретик СДПГ К. Каутский, говоря об "исторической задаче капитала", которая состоит в том, чтобы "дисциплинировать и организовать рабочих", призывал учиться рационализации производства у "американских трестов"[28]. Иными словами, "подавление спонтанности рабочих, их подчинение дисциплине в соответствии с потребностями капитала в ходе промышленной революции и развитой индустриализации приветствуются как предпосылка для функционирования социалистического общества"[29].

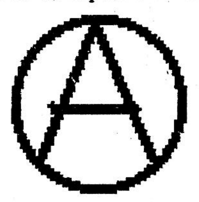
Заметим, что восхваление индустриально-капиталистической формы организации производства было характерно отнюдь не только для немецких социал-демократов. К тем же самым доводам прибег В.Ленин в полемике с П.Аксельродом, который критиковал централистское устройство по образцу индустриальной фабрики: "Именно фабрика... и представляет из себя ту высшую форму капиталистической кооперации, которая

объединила, дисциплинировала пролетариат...". Лидер большевиков пояснял, что имеет в виду дисциплину, основанную "на совместном труде, объединенном условиями высокоразвитого технического производства"[30]. Позиция самого Маркса по этому вопросу была гораздо более неоднозначной и противоречивой. Считая капитализм явлением прогрессивным, с точки зрения развития кооперации и общественного характера производства, он, в то же самое время, утверждал: "Техническое подчинение рабочего однообразному ходу средств труда и своеобразное сочетание трудового организма из индивидуумов обоего пола и самых различных возрастных ступеней создают казарменную дисциплину, которая вырабатывается в совершенный фабричный режим..."[31]. В сознании большинства социал-демократов эта двойственность была преодолена в пользу явной индустриалистской апологетики.

Вторым следствием детерминистского подхода стал отказ ведущих социал-демократических теоретиков от антиэтатистских элементов в позиции Маркса. Идеализированная модель индустриально-капиталистической фабрики была перенесена ими на представления об обществе в целом. Социализм стал пониматься прежде всего как рационально организованная общественная система, с детальным разделением труда и профессиональной функциональной специализацией, то есть с иерархией функций, ролей и прав принимать те или иные решения. На Эрфуртском съезде СДПГ В. Либкнехт, говоря о спорах, "есть ли в социалистическом обществе государство или нет", заявил: "Я не мог убедиться в том..., что в слове и понятии "государство" само по себе заключено представление о подчиненности и эксплуатации. Ведь слово "государство" имеет очень широкое значение; вообще оно означает упорядоченное общество"[32]. И хотя мнение о сохранении государства при социализме еще оспаривалось некоторыми товарищами В. Либкнехта по партии, СДПГ в далеко идущей степени отождествляла огосударствление и обобществление средств производства. В резолюции Ганноверского съезда социал-демократии прямо указывалось, что "она видит историческую задачу пролетариата в завоевании политической власти, чтобы с помощью ее обобществить средства производства..."[33]. При этом чем дальше, тем больше отодвигалась сама революция, становясь все более абстрактным "актом в (отдаленном - В.Д.) будущем, политической катастрофой"[34]. Процесс "формализации" захватил социал-демократию, приводя к подмене цели набором средств. На практике речь шла уже не столько о разрушении старого, буржуазного государства (даже с заменой его "временным", пролетарским, как у Маркса), а о приобретении власти в нем. Как писал К. Каутский, цель политической борьбы социал-демократов состоит в "завоевании государственной власти посредством приобретения большинства в парламенте и превращение парламента в господина над правительством. Но не в разрушении государственной власти". Если революция уничтожит старую государственную машину, то это сделает невозможным последовательное, конструктивное созидание нового, поскольку "ввести социалистический способ производства" можно лишь "с помощью законодательных мероприятий", "огосударствления отраслей экономики"[35]. Еще дальше в этом отношении пошли правые социал-демократы. Они открыто отвергли идею "диктатуры пролетариата" как "примитивной демократии" без функционеров и чиновников-профессионалов[36].

Орудием завоевания политической власти в государстве, с точки зрения социал-демократов, должна была стать их партия. В представлениях Маркса, "пролетарская партия" должна была объединять в условиях старого общества тех представителей или сторонников рабочего класса, кто сознательно встал на позиции "научного социализма"; в предлагавшейся им "пролетарской диктатуре" (на примере Парижской Коммуны) для нее уже не было места. Ориентация на завоевание политической власти в существующем государстве предполагала переосмысление роли партии как инструмента борьбы за нее. Одним из ведущих теоретиков такого рода организации выступил К. Каутский. Он отстаивал "необходимость" не только идейного просвещения рабочего класса партией ("извне"), но и партийного руководства классовой борьбой пролетариата - в чисто организационном, техническом смысле. Речь шла о формировании особой централизованной и иерархически

построенной структуры профессиональных политиков, литераторов и т.д., за которыми закреплялись определенные властные и руководящие функции. Эти партийные и профсоюзные чиновники, а также депутаты парламентов должны были являться освобожденными работниками, работающими за особую плату, чиновниками. При завоевании политической власти партийная верхушка занимала, таким образом, также лидирующее положение в государстве, основанном на тех же централистских и властных началах, что и сама партия, перенимающая индустриалистски-капиталистическую организационную логику. В партиях II Интернационала и находящихся под их влиянием профсоюзах формировалась иерархия бюрократии, которая заявляла, что представляет интересы трудящихся, но на деле все больше действовала в собственных политических интересах.

Если Маркс допускал участие в парламентских выборах, как одно из средств борьбы, позволяющее, по его мнению, расширить права и гарантии для рабочего класса, то для социал-демократов выборы превратились в едва ли не основной путь завоевания политической власти.

Результатом идейной и практической эволюции марксизма в его социал-демократической (II Интернационала) интерпретации стал, по существу, отказ от марксовой концепции политической революции как начала революции социальной и интеграция социалистических партий в системы национальных буржуазных государств. Произошло "врастание в мир идей старого общества"; "те самые партии, которые выступили вначале, чтобы под флагом социализма завладеть политической властью, под давлением железной логики обстоятельств вынуждены были шаг за шагом жертвовать своими социалистическими принципами в пользу национальной политики государств"[37].

Левое крыло социал-демократии пыталось защищать прежнюю, предложенную Марксом модель политической революции, разрушающей буржуазное государство. Наиболее решительно за разрыв с господствующей логикой

II Интернационала выступила так называемая "голландско-германская" школа "левых коммунистов" (будущие "коммунисты рабочих Советов"). Ее виднейший теоретик А. Паннекук еще в 1912 г. заявлял: "Борьба пролетариата - это не просто борьба против буржуазии за государственную власть как объект, но борьба против государственной власти... Содержание этой революции - уничтожение и растворение средств власти государства средствами власти пролетариата... Борьба прекращается только тогда, когда в конечном результате наступает разрушение государственной организации"[38].

Для А. Паннекука революция была не политическим актом завоевания власти партией (в результате "катастрофического" переворота в отдаленном будущем или же парламентских выборов), а "процессом" самоорганизации, собирания сил и массовых действий рабочего класса, логически приводящих к слому государственной машины и к "господству пролетариата"[39].

Лидер российских большевиков В. Ленин в 1917 г. также заявлял: "все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать. Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве". Следуя за индустриалистскими воззрениями II Интернационала, Ленин считал экономическую структуру послереволюционного общества дальнейшим развитием капиталистического фабричного производства, но, в отличие от них, полагал, что поставить его на службу всему обществу может только новое пролетарское "полугосударство - Коммуна": "Свергнуть капиталистов, разбить железной рукой вооруженных рабочих сопротивление всех эксплуататоров, сломать бюрократическую машину современного государства - и перед нами освобожденный от "паразита" высоко технически оборудованный механизм, который вполне могут пустить в ход сами объединенные рабочие, нанимая техников, надсмотрщиков, бухгалтеров, оплачивая работу *всех* их, как и *всех* вообще государственных чиновников, заработной платой рабочего"[40].

Верный марксистской теории стадий в развертывании социальной революции, В. Ленин утверждал, что после политической революции и экспроприации "все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством зарплаты. Но эта "фабричная" дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только *ступенькой*, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзости капиталистической эксплуатации *и для дальнейшего* движения вперед"[41]. В ходе этого движения будет происходить постепенное "отмирание государства".

Эти ключевые идеи, высказанные Лениным в его брошюре "Государство и революция", представляли собой, во многом, возвращение от этатизма II Интернационала к "смешанному" взгляду Маркса на политическую и социальную революцию. Однако в таком существенном вопросе, как роль авангардной партии "нового типа", В. Ленин остался верен централистским воззрениям, преобладавшим в лоне довоенной социал-демократии. Более того, он значительно ужесточил их. Он высказывал убежденность, что "поголовная организация пролетариата диктатуры его осуществить непосредственно не может", и эта функция должна принадлежать партии. После прихода к власти ее задачей станут "просвещение, воспитание, организация" масс, "превращение их в... союз свободных работников"[42]. На практике правление большевистского авангарда в России привело к созданию жестко иерархического режима, к установлению тотального контроля партийно-государственной бюрократии над обществом. При этом Советы превратились в придаток партии, осуществлявшей свою политику при помощи открыто-террористических методов. "В России подтвердилось *на практике* то, что теоретически само собой разумеется: что централистская партия - какое бы честное желание ее ни окрыляло - *никогда не сможет создать Советы.* Она тонет в бюрократизме. Она существует в нем и через него. В России бюрократия комиссариатов. *Именно она правит. Там нет системы Советов.* Образованные в ходе открытых выборов, по партийным спискам и в условиях неслыханного правительственного террора "Советы" - это *не* Советы в революционном смысле слова. Это фасад. Это политический обман. Обман всего мира. Вся власть в России принадлежит бюрократии - *смертельному врагу системы Советов.* Смертельному врагу, поскольку то, что наполовину - всегда враг целого" - писал в 1921 году немецкий левый коммунист Отто Рюле. Результатом деятельности такого режима стал строй государственного капитализма.

Опыт большевистского эксперимента наглядно подтвердил предупреждения анархистов о невозможности осуществления социальной революции через политическую, то есть с помощью захвата власти. Разрыв во времени акта слома государственной машины буржуазии и процесса экспроприации частной собственности неизбежно должен был привести к возникновению ситуации "небуржуазной" политической надстройки над "смешанным" базисом, то есть к сохранению классов и классовой борьбы после переворота. При этом новая политическая структура превращалась в авторитарный, властный орган как для подавления сохраняющей экономическую власть буржуазии (с помощью национализации хозяйства "сверху" и мер карательного характера), так и для управления "некапиталистическим" сектором экономики, который должен был существовать в условиях конкуренции с частным. Таким образом, политическая революция открывала дорогу не столько социальной революции снизу, сколько социальным преобразованиям, осуществляемым сверху новой властью. При этом "воспитательная диктатура" нуждалась в аппарате, механизме реализации принимаемых ею решений. Вот почему неминуемым образом возникли бюрократические структуры, которые рано или поздно должны были отбросить саму идею "воспитательной диктатуры" - если не открыто, то на деле, сохраняя при этом прежний, революционный фасад исключительно в целях легитимации собственного господства. В этом смысле, как писал П. Кропоткин, большевики действительно продемонстрировали всем, "как не следует делать" социальную революцию[43].

Вместо "отмирания" государства после революции произошло его восстановление и укрепление. Выросшая из этого процесса сталинистская диктатура означала, по существу, полный разрыв с социализмом в его марксовом понимании.

"Левые коммунисты" в Голландии и Германии выступили против партийной диктатуры. Они пришли к заключению, что "создание рабочими их собственных органов власти и действия - Советов - уже означает разложение и растворение государства", а "основная линия развития" от капитализма к коммунизму - это "завоевание политической власти, введение системы Советов, ликвидация частного хозяйства". При этом - в отличие от того, что произошло в России - следует противодействовать возникновению "рабочей бюрократии"[44]. Новая пролетарская власть, то есть "отмирающее государство", не должна быть диктатурой партии или ее вождей, напротив, задача партии состоит именно

в том, чтобы "по мере сил поддерживать... пролетариат на его пути к освобождению от всякого вождизма"[45]. Установление партийной власти - это "преступление против революции"; "нужна не диктатура партии или клики вождей, а диктатура класса", - писал "левый коммунист" Г.Гортер. Он описывал эту систему как возникающую еще в предреволюционный период структуру производственных и отраслевых рабочих организаций - Советов и их объединений. В ходе революции этой всеобщей рабочей ассоциации предстояло сломать государственную власть буржуазии и заменить ее системой рабочего самоуправления. Коммунистическая партия, в представлении Г. Гортера, должна была объединить на предреволюционном этапе "ту часть пролетариата, которая обладает большими и глубокими знаниями" и, тем самым, позволить "избежать оппортунизма, индивидуализма, утопизма в производственной организации"[46].

Впоследствии часть "левых коммунистов" заявила о ненужности политической "пролетарской партии" вообще и о своей ориентации на самоорганизацию рабочего класса в ходе классовой борьбы. Не отказываясь от философии и аналитических методов Маркса, многие "коммунисты рабочих Советов" стали сближаться в практических выводах с анархистскими представлениями о социальной революции и социалистическом обществе. Они продолжали говорить о "пролетарской власти", но подчеркивали "незначительность" отличий своих позиций от анархистских, сводя функции всеобщей рабочей организации не к роли государства, а к координации хозяйственной деятельности на основе статистического выявления потребностей конкретных людей и их удовлетворения (то есть "планирования снизу") и к "управлению вещами и процессами"[47].

Таким образом, эволюция традиционно-марксистского крыла социализма привела шаг за шагом к тому, что сначала большинство социал-демократии, а затем и ее левого крыла отказались от выдвинутой Марксом модели социальной революции, начинающейся с революции политической. Социал-демократические партии отвергли революционный путь преобразования капиталистического общества (официально и окончательно это было сделано только после второй мировой войны). Сталинисты, на словах сохранявшие верность ленинистской схеме "воспитательной диктатуры партии", на деле уже не хотели никого воспитывать, а, выражая интересы бюрократической верхушки партии и государства, продолжали ленинский курс на установление государственно-капиталистических режимов, не имевшие ничего общего с социализмом. Небольшая часть ленинистов, не принявших сталинизм (прежде всего, троцкисты) продолжали ссылаться на идеи "Государства и революции" и настаивали на ведущей роли партии как основы для воспитательной диктатуры. Что касается "левых коммунистов", которые попытались вернуться к марксовой ортодоксии в вопросе о революции, то сама логика развития заставила их выбирать между двумя полюсами в противоречивой концепции Маркса - антиавторитарной целью и авторитарным путем к ней. "Коммунисты рабочих Советов" выбрали первую и сблизились с анархистами.

* * *

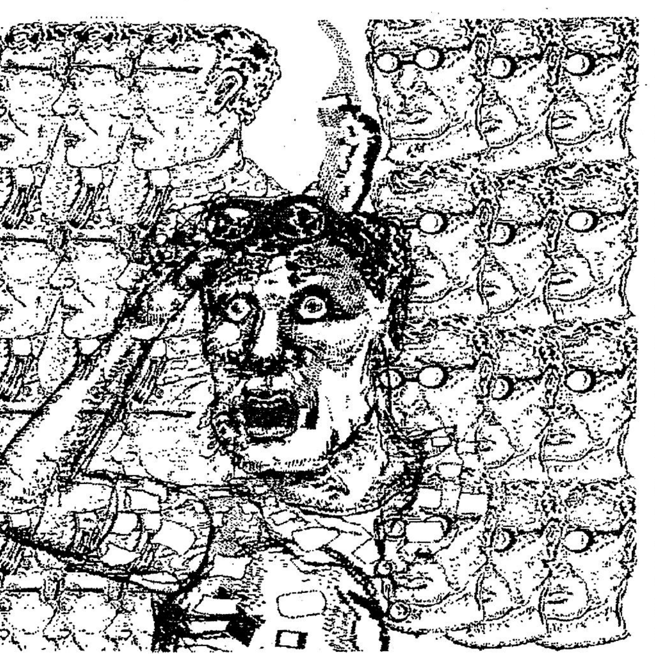
Посмотрим теперь, как развивались представления о революции в другом крыле наследников I Интернационала - "антиавторитарном", то есть анархистском.

Если у Бакунина революция была прежде всего разрушительно-созидательным бунтом, то последующие теоретики анархизма стремились развить прежде всего понимание социальной революции как общественного процесса, продолжающего определенные тенденции развития человечества. "Революция, ликвидируя государственную власть и монополию частной собственности, не может создать новые силы, которые еще не существуют. Однако она освободит пространство для развития всех имеющихся сил, всех способностей, она устранит все классы, заинтересованные в том, чтобы сохранять массы в невежестве и нужде, и сделает возможным для каждого действовать в соответствии со своими способностями, интересами и склонностями и оказывать влияние на других", - утверждал итальянский анархист Э.Малатеста[48]. Революция должна быть праздником освобождения людей, а не авторитарным актом мести. Он писал: "лишь только если понимать революцию как большое наслаждение (праздник) человечества, как освобождение и братание всех людей, к каким бы классам и партиям они ни принадлежали, можно осуществить наш идеал. Жестокое возмущение, безусловно, будет иметь место, и оно послужит для того, чтобы нанести последний удар, который низвергнет существующий порядок. Но если оно не найдет противовеса со стороны революционеров, которые борются за идеал, оно пожрет само себя. Ненависть не порождает любви, ненавистью нельзя омолодить мир. И революция ненависти либо полностью провалится, либо уступит место новому угнетению..."[49].

Французский анархист Э.Реклю подчеркивал неразрывное единство эволюции и революции в деле социального освобождения человечества. По его словам, вторая следует за первой "как дела за волей к действиям. В общем, эти два слова имеют различное значение лишь постольку, поскольку они обозначают различные степени развития". Анархисты являются революционерами и одновременно подлинными эволюционистами. Они осознают дух и веяния нового, которые уже инстинктивно чувствуют широкие массы, и "этот инстинкт содержит в себе зерно будущего развития; день ото дня он становится все более определенным и превращается в ясное осознание". Революция освобождает путь уже имеющимся тенденциям: "Если внутри общества имеются сильные, движущие силы, то и внешняя форма общества рано или поздно претерпит изменения"[50].

Каковы были, с точки зрения анархистов, эти общественные тенденции, которые вели человечество к социальной революции? На этот вопрос анархистские теоретики давали различный ответ. Так, для Э.Реклю, к ней ведет эволюция и прогресс идей свободы и солидарности, поскольку "общество всегда формируется сообразно своему идеалу". Репрессивного аппарата государства "недостаточно, чтобы пересилить *идею*, - и весь старый порядок... вынужден будет быстро перейти в предание о далеком прошлом". По его словам, "неизбежно подступающая теперь революция... будет похожа на предыдущие революции в том, что она не представит собой быстрого скачка: в природе их не бывает". Однако "тысячами передовых явлений, тысячами глубоких совершающихся уже изменений анархическое общество уже давно начало развиваться. Оно проявляется всюду, где свободная мысль сбрасывает с себя путы буквы и догмата, где... воля человека проявляется в независимых поступках, -

везде, где люди искренние, возмутившиеся против всякой наложенной на них дисциплины, сходятся по доброй воле, чтобы учиться друг у друга, и без всякого начальства стремятся завоевать свою долю жизни, свое право на удовлетворение своих нужд. Все это - уже анархия, даже тогда, когда она бессознательна, причем, однако, все более и более развивается и сознание"[51]. В то же время, Э. Реклю крайне скептически относился к попыткам еще до революции создавать органы и институциональные формы будущего свободного общества (коммуны, кооперативы и т.д.), считая их попытками изолироваться от окружающего мира, которые, к тому же, обречены на поглощение коммерческой и государственной машиной капитализма[52]. Такую же позицию занимал в отношении кооперативов и иных "альтернативных капитализму" хозяйственных структур, к примеру, основоположник испанского анархо-синдикализма А.Лоренсо, заявивший: "...кооперативисты - ни что иное, как дезертиры из рядов труда, которые со своим оружием и багажом переходят к врагу - капиталу"[53]. Возражали против попыток предвосхитить в каких-либо организационных формах будущее свободное общество аргентинские анархисты из ФОРА. Они полагали, что в момент осуществления революции трудящиеся должны иметь "полную свободу определять формы структурирования и организации". Главное - это не создание еще в условиях капитализма тех структур, которые могли бы взять на себя функции общественного регулирования "на следующий день" после революции, а распространение идей свободы и солидарности, руководствуясь которыми люди могли бы, свергнув государство и капитал, сами строить свою жизнь на началах анархо-коммунизма. "Чтобы разработать в настоящем этические и экономические основы коммунистического общества, необходимо разрушить в трудящихся дух и привычки рабства, культ закона и почтение к представителям принципа авторитета". Анархистские рабочие организации должны были, по мнению ФОРА, служить делу практического осуществления этих идей, обучения им.[54]

Совершенно иного мнения придерживался немецкий анархист Г.Ландауэр. "Социализм вообще не наступит, если его не создать...", - писал он. - "Мы не ожидаем, пока произойдет революция, чтобы пришел социализм; мы начинаем осуществлять социализм на практике, чтобы тем самым произошел великий перелом". Он призвал трудящихся "выйти из капитализма", создать сеть собственных производственных и потребительских ассоциаций, объединенных в "Социалистический союз", собственную экономическую систему. Постепенно расширяясь, такая структура могла бы не только подготовить социальную революцию, но и стать организационной основой нового общества[55].

Революционные синдикалисты начала XX века утверждали, что рабочие профсоюзы (синдикаты) призваны стать не только органами борьбы с капитализмом, не только школой "революционной гимнастики", но и "ячейками будущего общества", той структурой самоорганизации, которая должна была взять в свои руки в ходе всеобщей экспроприационной стачки управление сначала всеми предприятиями и экономическими учреждениями, а затем - и всеми основными общественными функциями. При этом они аргументировали, во многом, в духе марксистской теории стадий революции. Революционные синдикалисты ожидали, что "ближайшая революция" не приведет непосредственно "к полной реализации анархо-коммунистического идеала", к уничтожению государства, а станет экспроприацией "заводов, фабрик, рудников и т.д. непосредственно синдикатами". Ограниченное таким образом государство будет обречено на постепенное исчезновение: "...Дальнейшая эволюция синдикалистского строя, - переход к полному проведению коммунистических принципов в экономических отношениях, - должна будет привести также к полному исчезновению, вследствие ее ненужности, политической формы сожительства людей"[56].

На фоне двух крайних точек зрения (теории стихийных действий масс и теории стадий) более гибким и разносторонним представлялось мнение П. Кропоткина. Он был убежден, что "скорость человеческой эволюции в данном направлении вполне зависит от интеграла единичных воль" и "найти этот интеграл или хотя бы только оценить его количественно можно, только... следя за самыми простыми, обыденными, мелкими проявлениями человеческой воли". Русский анархист разделял представление французского философа А.Фулье о нравственно-этических "идеях-силах", которые "верны и достаточно широки, чтобы выразить истинную жизнь природы во всей ее совокупности".[57] Развившись из природных инстинктов, они эволюционируют и прогрессируют в человеческом обществе. По мысли П. Кропоткина, эти идеи (прежде всего, взаимопомощи и свободы) служили мотивами и побуждениями действий человека на протяжении всей истории. Руководствуясь ими и основанными на них идеалами, люди создавали и создают солидарные формы совместной жизни и социальной организации (общины, вольные ассоциации, вольные города, цехи, гильдии, добровольные гражданские объединения, профсоюзы, кооперативы и т.д.). Реалии, порожденные классовым разделением, государством и господством, тормозят развитие человеческой солидарности и свободы и находятся с ними и их носителями в постоянной борьбе. Социальная революция призвана устранить эти преграды.

Вот почему для П. Кропоткина имели значение не только процессы идейной и духовной эволюции, но и практические формы организации и подготовки будущей революции. Он полагал, что следует "заняться рассмотрением идеала будущего строя", который сможет послужить мотивирующей "идеей-силой" для человечества. Этот идеал, разумеется, не должен быть плодом чистой и абстрактной фантазии, он призван выражать существующие социальные

тенденции. П. Кропоткин пришел к выводу о том, что "среди культурных наций зарождается новая форма общества на смену старой: общество *равных* между собою". Этот социальный строй анархического (вольного) коммунизма, по его мнению, примет облик своего рода "тройной федерации" - объединения самоуправляющихся производственных ассоциаций, территориальных коммун и функциональных союзов по интересам. Некоторые из таких союзов уже существуют, другие возникнут в ходе революции или позднее, по мере надобности и в соответствии с решением самих заинтересованных в них людей. Социальная революция представлялась русским анархистом как всеобщее народное выступление, в ходе которого немедленно происходит общественная экспроприация государства и капитала (жители берут в свои руки управление населенными пунктами, запасами продуктов и предметов потребления, производственные ассоциации - фабриками и заводами и т.д.). Тем самым уничтожается разделение на классы и особые, отдельные от самих ассоциаций и коммун, аппараты управления[58]. Таким образом, политическая революция (ликвидация старой - и вообще всякой - государственной власти) была для анархистов не начальным моментом последующей социальной революции, а одной из сторон и проявлений ее как комплексного и цельного процесса самоорганизации, экспроприации и самоуправления.

Некоторые из таких самоорганизованных союзов людей, полагал П.Кропоткин, возникают уже при существующем капиталистическом обществе - пусть даже в зародышевом, неразвитом виде. Именно так он относился, например, к рабочим профсоюзам (синдикатам), коммунам и другим организациям, полагая, что только будущее, практический опыт покажут, какую роль будут играть те или иные из них в ходе социальной революции и развития нового общества[59].

Тем не менее, свою позицию русский революционер формулировал достаточно ясно. По существу, он выступал за разрыв не только с государством и капитализмом, но и с индустриалистской формой организации хозяйства, с социальной логикой фабричного деспотизма. Подобно другому критику капиталистического индустриального разделения труда Э. Реклю, он считал основой будущего общества вольную территориальную коммуну, которая станет действовать в солидарной координации с другими, но будет в максимально возможной степени ориентироваться на диверсификацию своей хозяйственной жизни, на самостоятельное удовлетворение своих потребностей, на коммунальное "самопроизводство".

Позиция большинства анархистов (кроме части революционных синдикалистов) по вопросу о классах и роли классовой борьбы в революции сильно отличалась от марксистской. Они считали разделение общества на классы не закономерным следствием социально-экономического разделения труда, а социальным злом, подрывающим естественные начала человеческой солидарности и взаимопомощи. "С одной стороны, - писал Э. Малатеста, - люди стремятся объединяться... С другой, среди них проявляется тенденция к расколу на различные и враждебные группы сообразно различию их географической и этнографической ситуации и их экономического положения, а также наличию людей, которым удалось добиться для себя преимуществ, которые они хотят защищать и умножать, и тех, кто борется за какие-либо привилегии или же страдает от несправедливости и привилегий других, желая освободиться от них". Хотя угнетенные и эксплуатируемые вынуждены сопротивляться и бороться против своего положения, само по себе состояние борьбы "противоречит интересам людей и человечества". Вот почему цель анархистов состояла не в победе одного класса общества над другим, а в ликвидации разделения на классы и прекращении социальной борьбы. Обращаясь в первую очередь к угнетенному трудовому народу вообще и пролетариату в частности, они отнюдь не считали, что сама по себе принадлежность к тому или иному классу определяет убеждения человека и делает его привилегированным субъектом движения за социальное освобождение. По словам Э.Малатесты, "анархистская революция... выходит далеко за интересы одного отдельного класса. Ее целью является полное освобождение всего ныне угнетенного человечества в тройном смысле, а именно экономическом, политическом и моральном"[60].

Существенное влияние на разработку анархистской концепции социальной революции оказали в XX веке революция в России и развитие индустриального общества на Западе.

Немалое количество анархистов было вначале настолько воодушевлено революционными событиями в России, что увидело в них то, что желало видеть - торжество своих представлений. Некоторые объявили себя "друзьями большевиков" и сторонниками "диктатуры пролетариата", понимая под ней не столько систему власти, сколько "революционное действие, с помощью которого рабочие овладевают землей и средствами труда и пытаются создать общество, в котором нет места для класса, эксплуатирующего и угнетающего производителей. В этом случае, - пояснял Э.Малатеста, - "диктатура пролетариата" означала бы диктатуру всех и потому уже не была бы диктатурой, точно так же как правительство всех не есть правительство в авторитарном, историческом и практическом смысле слова"[61]. Ряд анархистских и синдикалистских организаций даже приняли решение о вступлении в Коминтерн, надеясь в той или иной мере на объединение с левым крылом марксистов, порвавшим, по их мнению, с социал-демократической традицией. Но реальный ход российской революции, установление и укрепление большевистской диктатуры, репрессии против левых сил в новой России быстро открыли глаза большинству анархистов. Стало ясно, что большевистский эксперимент является выражением авторитарных сторон марксизма и не имеет ничего общего с социальной революцией. Размежевание с большевиками стимулировало процессы объединения революционных анархистов. В декабре 1922 г. на конгрессе в Берлине был создан анархо-синдикалистский Интернационал, принявший традиционное имя "Международная ассоциация трудящихся"[62].

Однако несбывшиеся надежды оставили глубокую травму. Некоторые из анархистов, не отказываясь от основных своих идейных принципов, все же сочли под влиянием "русского опыта", что "для организации в широких масштабах коммунистического общества необходимо радикально преобразовать всю экономическую жизнь - способ производства, обмена, потребления, а это можно сделать только поэтапно". Анархическая революция должна была, по их мнению, привести вначале к возникновению плюралистического общества, состоящего из многочисленных общин, связанных как коммунистическими, так и коммерческими отношениями[1]. Другие пытались дать ответ на вопрос, почему большевикам удалось одержать победу в русской революции, и полагали, что у них есть чему поучиться в тактической и организационной области. Так, "платформисты" (группа во главе с Н.Махно и П.Аршиновым) выступили за признание принципа классовой борьбы в истории, за создание прочной организации анархистов (фактически - партийного типа), которая могла бы в качестве сплоченной силы участвовать в рабочем профсоюзном движении, играть руководящую идейную и конструктивную роль в революции. По существу,

"платформисты" допускали наличие этапов в революции и выполнение Советами властных функций[2]. Немалая часть анархистов подвергла критике такие позиции, сочтя их отходом от антиавторитарных принципов и ценностей вольного коммунизма[3].

Другой аргумент против немедленного осуществления анархического коммунизма состоял в том, что идея вольной коммуны противоречит "подлинному духу и тенденциям" индустриального этапа развития общества с ее стремлением к универсальности и растущей специализации. Видный историк анархизма М.Неттлау, например, подверг критике "индустриально-деревенскую атомизацию человечества" в анархо-коммунизме и заявил: "Децентрализация... создала нечто противоположное солидарности и умножила причины трений и напряженности. Надежды на улучшение заключаются в восстановлении солидарности, в федерации более крупных единиц, в разрушении новых местных барьеров и ограничений, в коллективном контроле недр земного шара, естественных богатств и других преимуществ"[4].

Острые дискуссии и споры о путях социальной революции велись в 20-е - 30-е гг. в анархо-синдикалистской Международной ассоциации трудящихся. В какой-то мере они служили продолжением и развитием полемики между анархо-коммунистами и синдикалистами начала века. Выразителями двух диаметрально противоположных позиций были, с одной стороны, французские анархо-синдикалисты, а с другой - аргентинские рабочие анархисты (ФОРА).

Теоретик и практик французского анархо-синдикализма П.Бенар исходил, подобно многим синдикалистам до первой мировой войны, из теории прогрессивности индустриального развития человечества. По его мнению, технологические изменения, связанные с конвейерной, "фордистско-тейлористской" эрой открывают новые широкие перспективы для социального освобождения трудящихся. Рабочие организации, ведя борьбу с капитализмом, должны сами строиться так, как устроена капиталистическая экономика, чтобы сразу после победоносной всеобщей революционной стачки взять управление хозяйством в свои руки. Именно возникающей при капитализме структуре синдикатов и их федераций предстояло стать нервом нового общества, органом экономического взаимодействия, планирования и т. д. На первом этапе, который П.Бенар называл "либертарным коммунизмом", должны были сохраняться элементы денежной системы и распределения "по труду". Только на втором этапе (его П.Бенар именовал "вольным коммунизмом") можно будет полностью осуществить идеал самоуправляющегося коммунистического общества[5].

На конгрессе М.А.Т. в Мадриде в 1931 г. П.Бенар предложил "План реорганизации международного синдикализма". Поскольку капитализм теперь "осуществляет одновременно две рационализации - экономическую и социальную", синдикалистское движение должно "находиться на уровне противника" и само провести "рационализацию в мировом масштабе". Он призвал перестроить международную организацию в виде однотипной для всех стран структуры отраслевых профсоюзов снизу доверху[6].

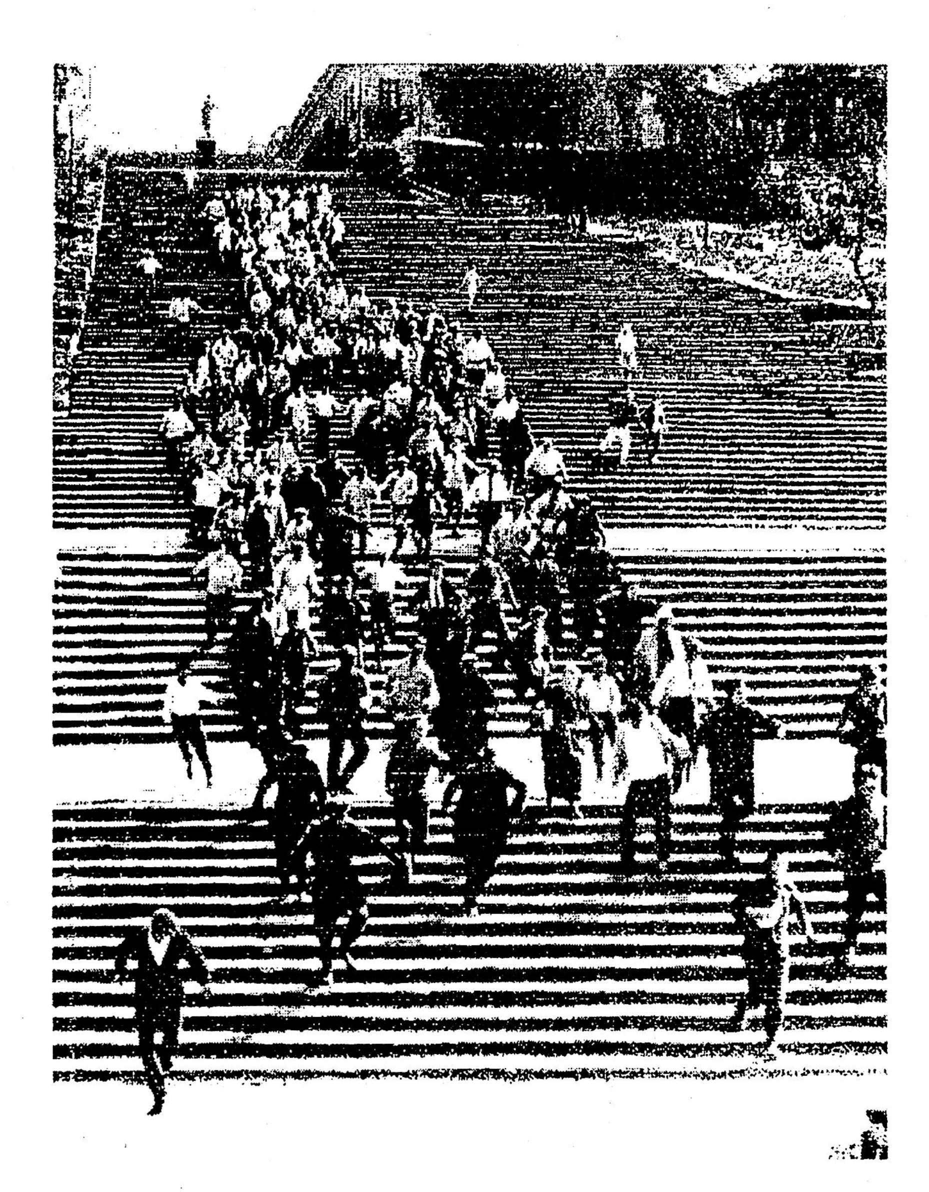
Против концепции П.Бенара резко выступила аргентинская ФОРА. Ее теоретики воспринимали хозяйственную структуру индустриально-капиталистического общества (фабричную систему, отраслевую специализацию, жесткое разделение труда и т. д.) как "экономическое государство" - наряду с "политическим государством" - властью. Новое общество анархического коммунизма ни в коем случае не должно строиться "по матрице" старого, иначе его ждет судьба русской революции, - предупреждал Э.Лопес Аранго[69]. Пролетариат "должен стать стеной, которая остановит экспансию индустриального империализма. Только так, создавая этические ценности, способные развить в пролетариате понимание социальных проблем независимо от буржуазной цивилизации, можно придти к созданию неразрушимых основ антикапиталистической и антимарксистской революции: революции, которая разрушит режим крупной индустрии и финансовых, промышленных и торговых трестов"[70].

На конгрессе Международной Ассоциации Трудящихся в 1931 г. один из аргентинских делегатов заявил: "Не только политический фашизм, но и капиталистический индустриализм является опаснейшей формой тирании. Товарищи полагают, что экономический вопрос один имеет решающее значение. Однако капиталистический аппарат, если он останется, как есть, и в наших руках никогда не станет инструментом освобождения человека, подавленного гигантским механизмом. Экономический кризис вызван огромным развитием машин и рационализации, он не ограничивается только городской индустрией, но распространяется и на сельской хозяйство, это универсальный кризис, который может быть решен только социальной революцией". Поэтому латиноамериканские делегаты на конгрессе отвергли предложенный французскими синдикалистами план реорганизации международного анархо-синдикалистского движения в виде всемирной структуры индустриальных синдикатов, способных в случае революции перенять управление существующей системой индустриального производства. "Индустриализация не является необходимой", - утверждали они. - "Люди тысячелетия жили без нее, жизненное счастье и благосостояние не зависят от индустриализации". "Не следует полагать, что грядущая революция раз и навсегда все разрешит. Следующая революция не будет последней. В буре революции все приготовления будут выброшены за борт, революция создает себе свои собственные формы жизни". По словам другого аргентинского делегата, французские синдикалисты "совершают ошибку, пытаясь механизировать М.А.Т. Надо думать не исключительно о производстве, а больше о самих людях; главная задача - не организация хозяйственной системы, а распространение анархистской идеологии". Он выступил против рационализации, поскольку "не человек существует для общества, а общество для людей" и призвал "чистых синдикалистов: назад к простоте природы, к сельскому хозяйству, к коммуне. Только следуя этим принципам, можно преодолеть рыночное производство и перейти к системе свободного распределения"[71].

Большинство секций М.А.Т. занимали промежуточное положение между этими крайними позициями. В крупнейшей анархо-синдикалистской организации мира - испанской Национальной конфедерации труда существовали течения как близкие к "революционному синдикализму" с его идеей "синдикального устройства общества", так и поддерживавшие концепцию "вольной коммуны". В середине 30-х гг. стало ясно, что страна идет к социальной революции, и перед НКТ встала настоятельная задача превратить общие положения анархической "программы" в реальный план преобразования общества на началах вольного коммунизма. В ходе острой дискуссии между "синдикалистами" и "коммунитаристами"[72] был найден компромисс, который был все-таки ближе к позиции сторонников "вольной коммуны". Конгресс НКТ в Сарагосе (май 1936 г.) утвердил документ, ставший первой в истории анархистской программой конкретных мер социальной революции. Предполагалось с самого начала приступить к осуществлению принципов вольного коммунизма: "С завершением насильственного аспекта революции будут упразднены частная собственность, государство, принцип авторитета и, следовательно, классы...

Богатства социализируются, организации свободных производителей возьмут в свои руки непосредственное управление производством и потреблением. В каждой местности установится Вольная Коммуна, вступит в действие новый социальный механизм. Объединенные в профсоюзы производители в каждой отрасли и профессии и на своих рабочих местах свободно определят форму его организации". Координацию экономической и общественной жизни, функции обороны и т. д. предполагалось возложить на "двойную федерацию" - коммун и синдикатов (профсоюзов). Большое место в программе уделялось коммунистическому принципу распределения, преобразованиям в отношениях между полами и в образовании, свободному развитию искусства и науки...[73]

Полному и последовательному осуществлению "Сарагосской программы" помешала гражданская война в Испании, но многие ее положения были реализованы на республиканской территории Арагона и Каталонии. Победа фашизма в Испании окончательно прервала революционный процесс и покончила с попытками анархистов претворить в жизнь свои идеи о социальной революции.

* * *

Развитие мира после второй мировой войны пошло в направлении, не способствовавшем реализации революционных идей и теорий. Торжество "фордистско-тейлористского" индустриализма и его политической формы организации - "социального государства" на Западе привело к длительному затуханию классового сопротивления людей труда. Только теперь, в самом конце века, на фоне новых технологических сдвигов, внедрения "постфордистских" методов ведения хозяйства, а также связанным с этим наступлением неолиберализма и демонтажем "социального государства" ситуация, возможно, начинает меняться. А значит, исторический спор между антиавторитарным и авторитарным социализмом приобретает новую актуальность.

[1] Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества. М., 1994. С.52.

[2] Там же. С.69.

[3] Nolte E. Die Linke und ihr Dilemma. Was an ihrer Position ewig ist. // What's Left? Prognosen zur Linken. Berlin, 1993. S.89.

[4] Lopez Arango E. Doctrina y tactica // Certamen Internacional de La Protesta. Buenos Aires, 1927. P. 97.

[5] Ramus P. Nach vierzig Jahren - Ein historisches Gedenkblatt zur vierzigjahrigen Grundung der Internationalen Arbeiter Association // Die Erste Internationale. West -Berlin, 1979. S.12.

[6] Цит по: Лебедев Н.К. К истории Интернационала. Этапы международного объединения трудящихся. Петербург - Москва, 1921. С.33. Н. Лебедев - как и другие анархистские авторы - цитирует текст временного устава по изданиям на романском языке. Марксисты ссылаются на отличающийся текст, приводимый в германоязычных изданиях: "...экономическое освобождение рабочего класса есть великая... цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство" (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 12). Впоследствии различное истолкование этого текста марксистами и антиавторитариями вызвало разногласия в Интернационале, поскольку последние утверждали, что слова "как средство" были произвольно вписаны марксистским Генеральным советом. По предположению Х. Цокколи, "эти слова имелись в написанном по большей части Марксом временном уставе 1864 г... В принятом на конгрессе в Женеве в 1866 г. с небольшими изменениями и с дополнением окончательном тексте устава этих слов не было (изданные там на французском языке протоколы послужили источником для всех итальянских и французских переводов)... Позднее Генеральный совет совершенно самовольно вписал эти слова

и провел их ратификацию на Лондонской конференции 1871 г." (Zoccoli H. Die Erste Internationale.// Die Erste Internationale 1864. West-Berlin, 1979. S.21).

[7] Bougarel X. Aux origines de l' anarcho-syndicalisme. P.6. (неизданная рукопись).

[8] Известны резкие нападки самого Бакунина на "коммунизм", но речь при этом шла не столько о конечной цели, сколько о предлагавшемся сторонниками Маркса ("коммунистами") огосударствлении средств производства. По утверждению видного итальянского анархиста Л. Фаббри, Маркс и Бакунин сходились в понимании цели социальной трансформации ("экспроприации для установления эгалитарной социальной организации"), но расходились в представлении о его средствах и путях (см.: Fabbri L. Die historischen und die sachlichen Zusammenhange zwischen Marxismus und Anarchismus.// Archiv fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. XXVI. Jg. 1908.). С подобными высказываниями выступали и некоторые марксисты. Это утверждение в целом представляется верным, но нуждается в историческом уточнении. В действительности большинство бакунистов не были сторонниками экономического коммунизма (распределения по принципу: каждый по своим способностям, каждому - по его потребностям), по крайней мере, в обозримой перспективе. Соратник Бакунина Джеймс Гильом еще в 1874 г. полагал, что сразу после социальной революции между производителями и потребителями сохранятся отношения обмена, причем стоимость обмениваемых продуктов должна была определяться совместно ассоциациями производителей на основе статистики. Со временем, по мере наступления "изобилия" тех или иных продуктов и благ, "мало-помалу старую систему заменит новая: *обмен* в собственном смысле слова исчезнет и уступит место чистому и простому *распределению*" на основе прямого удовлетворения потребностей. (Guillaume J. Idees sur l'organisation sociale. Paris, 1979. P. 21-23). Идея установления вольного (безгосударственного) коммунизма непосредственно после социальной революции была принята анархистами в 1876 - 1880 гг. Марксисты же - даже наиболее левые - продолжали откладывать внедрение коммунистических принципов самоуправления и распределения на неопределенно далекое будущее, а на практике были сторонниками "коллективизма", то есть распределения в соответствии с трудовым вкладом каждого члена общества ("по труду"). В "Критике Готской программы" (1875 г.) Маркс сформулировал теорию пути к коммунизму, состоящего из достаточно жестких стадий. На "первой фазе коммунистического общества", при сохранении "родимых пятнен старого общества" каждый производитель "получает... такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда", сколько сам "он дал обществу". И только "на высшей фазе коммунистического общества", когда "вырастут производительные силы и источники общественного богатства польются полным потоком", возможен будет коммунистический принцип распределения. (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С. 11-32).

[9] Цит. по: Материалы для биографии М. Бакунина. Т.3. Бакунин в Первом Интернационале. М.,Л., 1928. С.330.

[10] Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. О социалистической революции. М., 1974. С.52.

[11] См.: Rubel M. Marx anarchiste. // L'Europe en formation. 1973. N. 163/164.

[12] В наиболее четкой форме это соображение было высказано Энгельсом: "...Комбинированная деятельность означает организацию, а возможна ли организация без авторитета?... Желать уничтожения авторитета в крупной промышленности значит желать уничтожения самой промышленности..." (Энгельс Ф. Об авторитете.// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.18. С. 302 - 305).

[13] Маркузе Г. Указ. соч. С. 30 - 31.

[14] Marcuse H. Ideen zu einer kritischen Theorie der Gesellschaft. Frankfurt a.M., 1969. S.186.

[15] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С.249, 551, 256, 339.

[16] Там же. Т. 16. С. 76 - 78.

[17] Там же. С. 10-11.

[18] Материалы для биографии М. Бакунина. Т. 3. Бакунин в Первом Интернационале. С. 330.

[19] Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 87-88, 482.

[20] Материалы для биографии М. Бакунина. Т.3. С. 123, 124 - 125, 114.

[21] Bakounine M. Dieu et l'Etat. // Michel Bakounine de la guerre a la Commune. Paris, 1972. P. 296.

[21] Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. С. 482 - 484.

[22] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 426 - 427.

[23] Цит. по: Лебедев Н.К. Указ. соч. С.65 - 66.

[24] Цит. по: Lopez A. La FORA en el movimiento obrera. I. Buenos Aires, 1987. P.85.

[25] Zoccoli H. Op. cit. S. 42; Лебедев Н.К. Указ. соч. С. 70.

[26] См.: Основные вопросы программы и тактики на съездах германской социал-демократии. Выпуск 1. Программа партии. Москва, 1907. С. 5, 6; Маркс К. Критика Готской программы.// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С. 11-32.

[27] Основные вопросы программы и тактики... Вып. 1. С. 52, 71.

[28] Kautsky K. Die soziale Revolution. II. Berlin, 1907. S.110, 85.

[29] Steinberg H.-J. Zukunftsvorstellungen innerhalb der deutschen Sozialdemokratie vor dem 1. Weltkrieg.// Soziale Bewegungen: Geschichte und Theorie. Jahrbuch 2. Frankfurt, New York, 1985. S.56.

[30] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.8. С. 379.

[31] Маркс К. Капитал. Изд. 8. Т.1. М., 1936. С.348.

[32] Основные вопросы программы и тактики... С.65, 66.

[33] Цит. по: Лукин-Антонов Н. Очерки по новейшей истории Германии 1890 - 1914 гг. Л.-М., 1925. С.301.

[34] А. Паннекук о взглядах К. Каутского, см.: Pannekoek A. Marxistische Theorie und revolutionare Taktik // Pannekoek A., Gorter H. Organisation und Taktik der proletarischen Revolution. Frankfurt a. M., 1969. S. 51.

[35] Kautsky K. Die neue Taktik // Die Neue Zeit. 1912. Nr.46. S.732, 733.

[36] См., напр.: Bernstein E. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Stuttgart, 1899.

[37] Rocker R. Absolutistische Gedankengange im Sozialismus. Frankfurt a.M., 1974. S.44, 45.

[38] Pannekoek A. Massenaktion und Revolution // Die Neue Zeit. 1912. Nr.41. S.544, 548.

[39] Pannekoek A. Marxistische Theorie und revolutionare Taktik // Pannekoek A., Gorter H. Organisation und Taktik der proletarischen Revolution. Frankfurt a.M., 1969. S.49-72.

[40] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.33. С. 28, 50.

[41] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.33. С. 101 - 102.

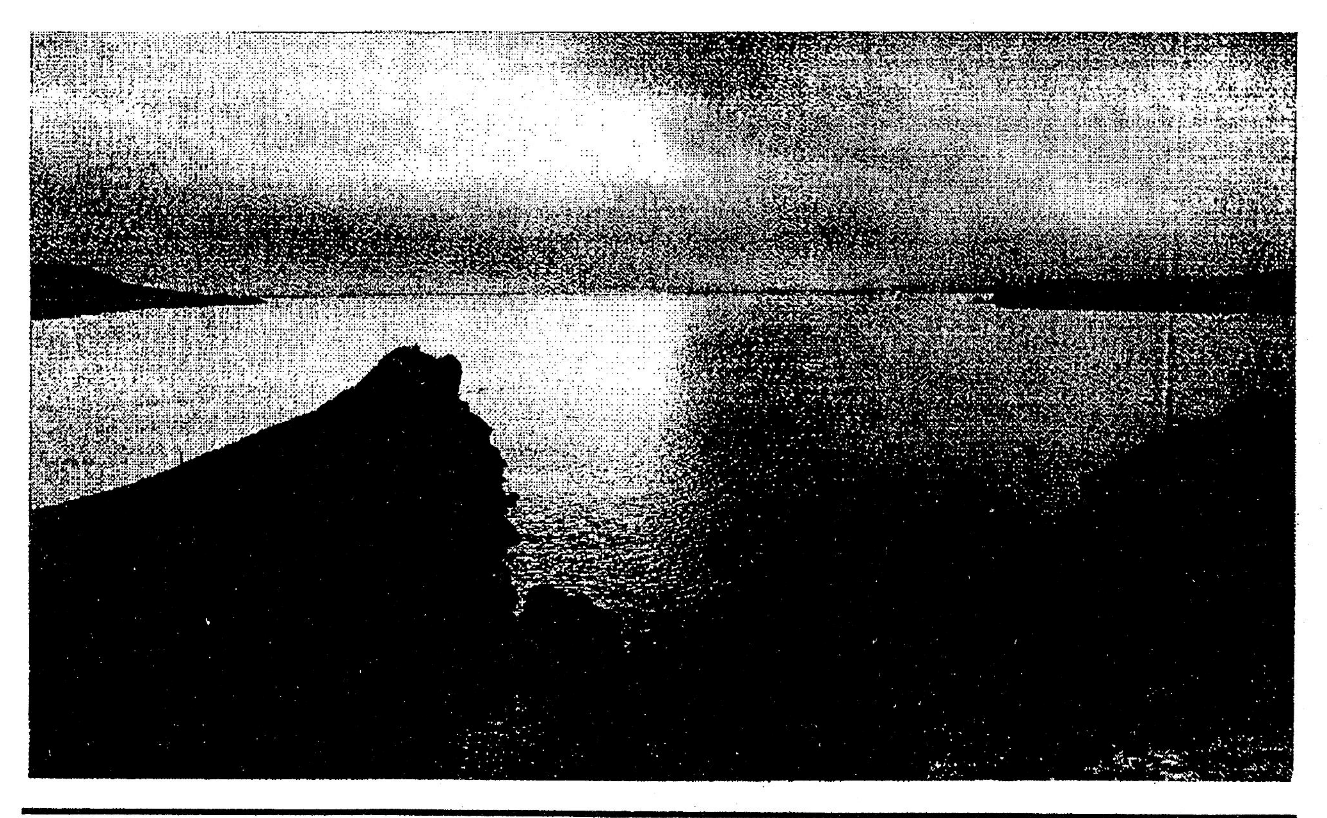
[42] Там же. Т.42. С.204; Т.41. С.186.

[43] Цит. по: Лебедева А.П. Анархический идеал и практика большевизма // Труды Комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1992. С. 110. Ср.: Kropotkin P. An die Arbeiter der westlichen Welt // Kropotkin P. Die Eroberung des Brotes und andere Schriften. Munchen, 1973.

[44] Pannekoek A. Weltrevolution und kommunistische Taktik // Pannekoek A., Gorter G. Op. cit. S.142, 147, 154-155, 166.

[45] Цит. по: Bock H.M. Zur Geschichte und Theorie der Hollandischen Marxistischen Schule // Pannekoek A., Gorter

G. Op. cit. S.41.
[46] Gorter H. Die Klassenkampf-Organisation des Proletariats / / Pannekoek A., Gorter H. Op. cit. S. 228 - 246.
[47] Canne Meijer H. Die Arbeiterratebewegung in Deutschland (1918-1933). O.O., 1985. S. 22-28.
[48] Malatesta E. Anarchie. Berlin, 1984. S.87-88.
[49] Цит. по: Kramer B. Einleitung // Malatesta E. Anarchie. Berlin, 1984. S.10.
[50] Reclus E. Evolution und Revolution // Reclus E. Evolution und Revolution. Berlin, 1984. S. 4, 5, 6, 7.
[51] Реклю Э. Предисловие к первому французскому изданию "Хлеба и воли" // Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990. С.23-24.
[52] См.: Clark J.P. La pensee sociale d' Elisee Reclus, geographe anarchiste. Lyon, 1996. P.95-99.
[53] Цит по: Garcia V. Antologia del anarcosindicalismo. Caracas, 1988. P.50.
[54] См.: Concepto del Sindicalismo y sus objetivos sociales (Mocion F.O.R.A.) // Cenit. Revista bimestral de sociologia, ciencia, literatura. № 251. Diciembre 1987. P.7198; Lopez Arango E. Doctrina y tactica // Certamen internacional de "La Protesta". Buenos Aires, 1927. P. 96.
[55] Landauer G. Drei Flugblatter des Sozialistischen Bundes // Landauer G. Stelle dich, Sozialist! Berlin, 1983. S.22-36.
[56] См.: Раевский. Анархо-синдикализм и "критический" синдикализм. Нью-Йорк, 1919. С.35, 29, 30, 31.
[57] Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1966. С. 251; Кропоткин П.А. Этика. М., 1991. С. 37.
[58] См.: Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1988. С. 389; Кропоткин П. А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990.
[59] См, напр.: Kropotkin P. Preface // Pataud E., Pouget E. How we shall bring about the revolution: syndicalism and the cooperative commonwealth. London, Winchester, 1990.
[60] Malatesta E. Anarchie. Berlin, 1984. S. 51, 55; Dokumente der Weltrevolution. Bd.4. Anarchie. Olten, 1972. S.328.
[61] Цит. по: Paz A. Durruti. Leben und Tode des spanischen Anarchisten. Hamburg, 1993. S.29-30.
[62] Подробнее см.: Thorpe W. "The Workers themselves": revolutionary syndicalism and international Labour, 1913-1923. Dordrecht, Boston, London, Amsterdam, 1989.
[1] Malatesta E. Ecrits choisis I. Annecy, 1978. P.41, 40.
[2] Groupe des anarchistes russes a l'etranger. La Plate-forme organisationelle de l'Union Generale des Anarchistes (Projet); Supplement a la Plate-forme organisationelle (Questions et reponses) // Skirda A. Autonomie individuelle et force collective. Paris, 1987. P. 253 - 294.
[3] См, напр.: Reponse de quelques anarchistes russes a la Plateforme. Paris, 1927.
[4] Неттлау М. Очерки по истории анархических идей. Tucson, 1991. С. 123-124.
[5] См.: Besnard P. Les Syndicats ouvriers et la revolution sociale. Limoges, s.a.; Idem. Le monde nouveau: son plan, sa constitution, sa fonctionnement. Limoges, s.a.; Idem. L'Ethique du Syndicalisme. Limoges, 1938.
[6] IV Weltkongress der Internationalen Arbeiter-Assoziation. Madrid, vom 16. Bis 21. Juni 1931. Berlin, 1931. S. 80-81.
[69] Lopez Arango E. Doctrina y tactica // Certamen internacional de "La Protesta". Buenos Aires, 1927.
[70] Lopez Arango E., Abad de Santillan D. El anarquismo en el movimiento obrero. Barcelona, 1925, p. 49.
[71] IV Weltkongress der Internationalen Arbeiter-Assoziation... S.14-15, 17, 18.
[72] См., например: Puente I. Libertarian communism. Sydney, 1985; Abad de Santillan D. Der Okonomische Organismus der Revolution // Santillan D., Peiro J. Okonomie und Revolution. Wien, 1986. S. 100 - 154; Bericht der Gewerkschaft des graphischen Gewerbes // Ibidem. S. 155 - 166.
[73] См.: Национальная Конфедерация Труда (испанская секция Международной Ассоциации Трудящихся). Концепция либертарного коммунизма. М., 1997.

КОНЦЕПЦИЯ ЛИБЕРТАРНОГО КОММУНИЗМА.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

"Анархистское движение в Испании переживало расцвет в то время, когда в остальном мире оно было уже на спаде. Более того, испанские анархисты были убеждены, что социальная революция неминуема, и этим можно объяснить обилие теоретических публикаций, в которых выдвигались идеи относительно будущего общества в Испании. Эти работы соединяли анархо-коммунистические теории Кропоткина с аграрными общинными традициями страны...

В 1932 - 1933 гг. восстания, инициированные анархистами, охватили сельские районы Андалузии, Каталонии и Арагона; их революционным лозунгом было установление либертарного коммунизма. Выступления были подавлены, и в 1934 - 1935 гг. развернулись репрессии против анархистских активистов. Анархисты столкнулись с необходимостью активизировать свою идейную работу, с тем чтобы подготовить революционные силы для будущих перемен. Они начали обсуждение программы революционных перспектив; сформировались два подхода:

а) коммунитарный подход, в котором автономные коммуны рассматривались как движущая сила революции и сердце либертарного общества. Либертарный коммунизм был для него не просто лозунгом или военным кличем, но видением будущего послереволюционного общества;

б) ...синдикалистский подход, который считал профсоюзы органом, который будет управлять производством после революции при самоуправлении трудящихся...

Первые идеи были популяризированы в 1932 г. врачом-анархистом Исааком Пуэнте, написавшим книгу "Либертарный коммунизм - цель НКТ". Она получила широкое распространение в 1933 г., а в 1935 г. были переиздана. Книга описывала будущий план установления либертарного коммунизма в Испании. Она следовала кропоткинской концепции гуманного общества, основанного на естественных предпосылках кооперации, взаимопомощи и солидарности. Отвергалась идея о том, что революционная или послереволюционная элита может вести к новому обществу. Ценность свободы играла первостепенную роль, не меньшую, чем кооперация. Соответственно, коммунитаризм понимался как движение снизу, как сотрудничество людей согласно их социальным инстинктам.

И. Пуэнте исходил из того, что Испания сможет первой ввести у себя либертарный коммунизм и противостоять нажиму других стран. Если сельские местности примут либертарный коммунизм, появится сельскохозяйственная продукция, которая даст шанс сопротивляться бойкоту извне...

Работа широко обсуждалась в периодических изданиях анархистского движения и в литературе...

И. Пуэнте был не единственным, кто в 1932 - 1936 гг. занимался разработкой образа будущего общества. Значительное участие в этом деле принял Диего Абад де Сантильян... Апогеем его усилий стала книга "Экономический организм революции" (1936 г.). Ее особенностью был акцент на современную экономику и необходимость планирования и хозяйственной координации...

Согласно Абаду де Сантильяну, местная экономическая автономия - это анахронизм, а все теории о вольных, самообеспечивающихся коммунах - реакционные утопии. Центральным моментом его концепции был "свободный эксперимент", предполагавший сосуществование различных обществ и свободное соглашение между ними... По существу, он пытался представить либертарный коммунизм как ответ на проблемы индустриального общества".

(Яаков Овед. "Либертарный коммунизм" и коммунитаризм в Испании).

"IV конгресс СНТ открылся 1 мая 1936 г. в Сарагосе. Его повестка дня была весьма обширной. Одним из пунктов был вопрос о том, как определить цель - либертарный (вольный) коммунизм. В другое время подобные дискуссии носили бы абстрактный характер, но в мае 1936 г. они стали неотложными: страна жила в предреволюционной ситуации. Обмен мнениями протекал с большой страстью, поскольку в НКТ существовали два течения. Для синдикалистов дело обстояло очень просто: они хотели превратить структуры НКТ в экономический механизм революции. Но анархистское крыло усматривало в такой программе ограничение размаха революции; оно не понимало, почему моделью для структуры нового общества следует избрать организацию, созданную для ведения классовой борьбы... Все эти вопросы оживленно обсуждались на собраниях рабочих перед конгрессом. Так были вскрыты противоречия, которые помогли прояснить позиции...

Конгресс принял резолюции о либертарном коммунизме, о безработице, о военно-политическом положении, об аграрной реформе и др. Была принята также резолюция о революционном рабочем альянсе...

Были ли полтора миллиона рабочих (членов СНТ), высказавшихся за революцию и либертарный коммунизм, утопистами? Диалектика событий подтвердила прозорливость их оценки положения в Испании. Несмотря на все интеллектуальные спекуляции, полуостров жил тогда не под зонтиком "Народного фронта", а переживал революционное брожение..."

(Из книги: Абель Пас. Дуррути: жизнь и смерть испанского анархиста).

"150 решений, принятых конгрессом в Сарагосе, включали и главы о либертарном коммунизме, которые местные профсоюзы сформулировали в духе Исаака Пуэнте.

Дискуссии о либертарном коммунизме на Сарагосском конгрессе проходили 9 мая. Большинство выступавших говорили об образе будущего общества, не вдаваясь в детали путей его достижения... Для дальнейших дискуссий времени не оставалось. 19 июля вспыхнула гражданская война.

Когда в ответ началась революция, в радикальных и анархистских кругах появились ожидания, что революционная ситуация, наконец, настала и будет осуществлен либертарный коммунизм. Но события первых недель гражданской войны показали, насколько неподготовленными оказались ведущие активисты НКТ и насколько активность на местах опережала рекомендации из центра.

...Решения конгресса вдохновили эту активность первых месяцев гражданской войны. Агитационные брошюры о либертарном коммунизме издавались осенью многотысячным тиражом. Они послужили идейной и программной моделью для сотен небольших населенных пунктов, которые объявили о своем намерении создать вольные коммуны в духе либертарного коммунизма...

(Яаков Овед. "Либертарный коммунизм" и коммунитаризм в Испании)

КОНЦЕПЦИЯ ЛИБЕРТАРНОГО КОММУНИЗМА

принята на Конгрессе С.Н.Т. в Сарагосе (май 1936 года).

Все делегации, присутствующие на настоящем Конгрессе, сознают, что внутри НКТ отчетливо существуют два взгляда на то, как должна выглядеть жизнь и как должна строиться экономика после революции. Такая разница в понимании, несомненно, вытекает из различий в теоретических и философских позициях. Они, в свою очередь, отразились на настроениях активистов. В результате сложились два устоявшихся направления мысли, каждое из которых стремилось возобладать. Так сформировались два течения.

Если бы эта двойственность в Конфедерации не влекла за собой стремление к гегемонии, проблем бы не было. Но подобное постоянное и устойчивое стремление, с новой силой проявляясь в наших рядах, несет с собой серьезную угрозу нашему единству. Данный проект призван покончить с таким положением. Сознавая непреходящую историческую ответственность, лежащую на нас в этот час, мы обязаны спокойно и добросовестно найти такую формулу, которая отражала бы дух и позиции обоих течений в отношении основ новой жизни.

В соответствии с этим мы заявляем:

1. Закладывая структурные основы настоящего проекта, мы стремились соблюсти строжайшую гармонию между обоими устоями, личностью и синдикатом, давая простор для параллельного развития обоих течений и концепций.

2. Мы подтверждаем бесспорное признание нами суверенитета личности как гарантии выражения гармонии. Опираясь на эту посылку, которая ставит свободу выше любых ограничений, обозначим те механизмы, которые должны будут в реальной жизни удовлетворять возникающие потребности.

Когда все общественные богатства будут обобществлены, а форма распоряжения средствами труда обеспечит всем равную возможность участвовать в производстве и, в соответствии с этим, возможность потреблять согласно всеобщему природному инстинкту сохранения жизни, тогда вступит в действие анархистский принцип свободного

соглашения. Он будет регулировать заключение, действие и длительность договоренностей между людьми. Индивид как юридическая личность и базовая единица всех организационных форм, обеспечивающих свободу и мощь Федерации, должен будет, таким образом, определять рамки и детали нового общества будущего.

Необходимо понимать, что было бы абсурдно пытаться представить себе структуру общества будущего с математической точностью: между теорией и практикой часто пролегает настоящая пропасть. Поэтому мы не повторяем ошибок политиков, предлагающих окончательные решения для всех проблем, которые затем с треском проваливаются на практике. Ведь они пытаются применять один метод на все времена, не принимая в расчет эволюцию самой жизни человечества.

Мы, обладающие более прогрессивным видением социальных проблем, не совершаем такой ошибки. Делая набросок норм либертарного коммунизма, мы не представляем его как единственную программу, которая не подлежит изменениям. Эти изменения будут, конечно же, происходить под влиянием конкретных обстоятельств и накопленного опыта.

Может показаться, что мы выходим за пределы мандата, данного нам Конгрессом, но полагаем, что должны вначале уточнить наше видение революции и ее определяющих предпосылок.

Революцию долго представляли себе как короткий насильственный эпизод, который кладет конец капиталистическому режиму. На самом же деле революция - это феномен, открывающий дорогу тому состоянию дел, которое уже утвердилось в общественном сознании. Она начинается в тот самый момент, когда индивидуальное сознание инстинктивно чувствует или аналитически устанавливает, что оно противоречит существующему положению общества, и считает себя вынужденным выступить против него. Вот почему, революция, по нашему мнению, начинается:

1) как психологичесий феномен противостояния положению вещей, которое противоречит желаниям и потребностям человека;

2) как социальное проявление этой всеобщей реакции на реалии капиталистического режима;

3) как организация, возникающая тогда, когда ощущается необходимость в силе, способной осуществить

естественные потребности людей.

Во внешнем плане представляются важными такие факторы, как:

а) разложение этической основы капиталистического режима;

б) экономическое банкротство этого режима;

в) крах политического выражения этого режима, будь то в его демократическом обличьи или в крайней форме государственного капитализма, коей является авторитарный коммунизм.

Совпадение всех этих факторов в определенном месте в определенный момент приводит к насильственному акту, которым открывается подлинно эволюционный период революции.

Мы живем как раз в такой момент, когда совпадение всех этих факторов открывает нам благоприятную возможность. Поэтому мы и сочли необходимым разработать проект, который в общих чертах наметит первые черты того социального здания, какое мы возведем в будущем.

Конструктивное видение революции.

Мы считаем, что наша революция должна быть организована на основе строгого равенства. В основу революции не могут быть положены ни взаимопомощь, ни солидарность, ни архаическое милосердие. Эти три формулы веками были призваны заполнить пустоту отживших типов общества, где человек сталкивался с навязанным ему деспотическим правом. Теперь они в любом случае должны быть обновлены и уточнены в виде новых принципов социальной жизни. Наиболее ясное истолкование эти принципы приобретают в либертарном коммунизме: каждому по его потребностям, без каких-либо ограничений, за исключением тех, которые вызваны условиями новосоздаваемой экономики.

Подобно тому, как все дороги по направлению к Риму ведут в Вечный город, все формы труда и распределения, соответствующие представлениям об обществе равенства, ведут к достижению справедливости и социальной гармонии. Поэтому мы считаем, что революция должна основываться на следующих социальных и этических принципах либертарного коммунизма:

1). Предоставлять каждому человеку то, что необходимо для удовлетворения его потребностей. Это удовлетворение может ограничиваться только экономическими возможностями.

2). Требовать от каждого человека максимального приложения своих сил на благо общества с учетом физических и моральных особенностей каждого индивида.

Организация нового общества после революционного акта. Первые мероприятия революции.

С завершением насильственного аспекта революции будут упразднены частная собственность, государство, принцип авторитета и, следовательно, классы, то есть разделение людей на эксплуататоров и эксплуатируемых, угнетенных и угнетателей. Богатства социализируются, организации свободных производителей возьмут в свои руки непосредственное управление производством и потреблением. В каждой местности установится Вольная Коммуна, вступит в действие новый социальный механизм. Объединенные в профсоюзы производители в каждой отрасли и профессии и на своих рабочих местах свободно определят форму его организации.

Вольная Коммуна экспроприирует все принадлежащие буржуазии запасы продуктов питания, одежды, обуви, сырья, орудия труда и т. д. Эти средства производства и сырье должны быть переданы в распоряжение производителей, которые будут непосредственно управлять ими на благо общества. Коммуны сразу же постараются устроить всех обитателей каждого населенного пункта с максимальными удобствами, обеспечить существование больным и образование детям.

В соответствии с упомянутыми принципами либертарного коммунизма, все люди начнут выполнять свой добровольный долг (становящийся подлинным правом, когда человек трудиться свободно), оказывать помощь обществу сообразно своим силам и способностям. Коммуна же возьмет на себя обязательство удовлетворять их потребности. Необходимо заранее понимать, что первые времена революции не будут легкими и каждому человеку придется прилагать максимум усилий и потреблять в рамках возможностей производства. Весь конструктивный период требует самопожертвования, индивидуального и коллективного согласия с усилиями по улучшению положения, чтобы не создавать дополнительные трудности для дела общественного преобразования, которое совершается всеми с общего согласия.

План организации производителей.

Экономический план общей организации производства во всех его видах будет основываться на строгом соблюдении принципов социальной экономики, непосредственно управляемой производителями с помощью их производственных органов. Эти органы будут определяться на общих собраниях различных организаций и постоянно контролироваться ими.

Основой, ячейкой, краеугольным камнем любого социального, экономического и морального творчества будет сам производитель, индивид - на рабочем месте, в профсоюзе, в Коммуне - во всех регулирующих органах нового общества. Связующим органом между Коммуной и рабочим местом будет фабрично - заводской Совет, связанный договором с другими центрами труда. Связующими органами между профсоюзами (ассоциациями производителей) будут Советы статистики и производства. Объединяясь в федерации, они образуют сеть постоянных тесных связей между всеми производителями Иберийской Конфедерации.

В сельской местности основой будет производитель в Коммуне, которая станет пользователем всех природных богатств данной политико-географической местности. Органом связи будет Сельскохозяйственный Совет, образуемый техническими и рабочими кадрами, объединенными в ассоциации сельскохозяйственных производителей. Этим Советам надлежит направлять интенсификацию производства, определять землю, наиболее пригодную для этого с точки

зрения ее химического состава. Сельскохозяйственные Советы образуют ту же сеть, что и фабрично-заводские Советы и Советы по статистике и производству, составляя федерацию, в которой Коммуны будут представлены как политические и географические единицы.

Ассоциации промышленных и сельских производителей соединятся в федерации на уровне страны (пока Испания окажется единственной страной, осуществляющей преобразование общества), если те, кто занят в одном и том же трудовом процессе, посчитают такое разделение необходимым для плодотворного развития экономики. Точно так же объединятся в федерации для облегчения логических и необходимых связей между всеми Вольными Коммунами полуострова те службы, характер которых этого потребует.

Мы убеждены, что со временем новое общество сможет предоставить каждой Коммуне все аграрные и промышленные элементы, необходимые для ее автономии в соответствии с биологическим принципом, согласно которому наиболее свободным является тот (в данном случае, та Коммуна), кто наименее зависит от других.

Вольные Коммуны и их функционирование.

Политическим выражением нашей революции служит триада: ЧЕЛОВЕК, КОММУНА, ФЕДЕРАЦИЯ.

При том, что план деятельности по построению нового общества во всех сферах разрабатывается в масштабах всего полуострова, администрация будет иметь строго коммунальный характер. Базой этой администрации будет Коммуна. Коммуны будут автономны, для решения общих задач они станут объединяться в региональные и общестрановые федерации. Право на автономию не исключает долга выполнять договоренности, касающиеся всего общества, которые согласованы в принципе при сохранении разногласий просто в деталях. Потребительская Коммуна, не налагающая на себя добровольные ограничения, возьмет на себя обязательство следовать тем нормам общего характера, которые после свободной дискуссии будут одобрены большинством. Те же Коммуны, которые против индустриализации и установили для себя другой образ жизни (например, натуристы, то есть люди, живущие как в природе, или нудисты), сохранят право на автономную администрацию, не связанную общими компромиссами. Если такие и иные Коммуны не смогут удовлетворить все свои потребности по причине нехватки чего-либо, их делегаты на конгрессах Иберийской конфедерации автономных Вольных Коммун смогут согласовать экономические договоренности с другими сельскохозяйственными и промышленными Коммунами.

Таким образом, мы предлагаем :

Создание Коммун как политической и административной целостности. Коммуна будет автономной и конфедерированной с остальными Коммунами. Коммуны будут объединяться в окружные и региональные федерации, добровольно устанавливая свои географические пределы и при необходимости объединяя в единую Коммуну отдельные селения, поселки и хутора. Все Коммуны в совокупности образуют Иберийскую конфедерацию автономных Вольных Коммун. Для организации распределения и оптимального снабжения Коммуны могут создавать соответствующие специальные органы, например, Конфедеральный Совет по производству и распределению с участием прямых делегатов от общестрановых производственных федераций и ежегодного конгресса Коммун.

Задачи и внутренняя жизнь Коммуны.

Коммуна займется всеми вопросами, интересующими людей. Ей предстоит заняться всеми видами деятельности по организации, упорядочиванию и украшению быта населения, обеспечением своих жителей жильем, продуктами и изделиями, предоставленными ей профсоюзами или ассоциациями производителей. Она займется также гигиеной, коммунальной статистикой, удовлетворением общественных нужд, образованием, санитарным делом, содержанием и совершенствованием местных средств сообщения. Коммуна организует связи с другими Коммунами и будет поощрять все виды художественной и культурной деятельности.

Для выполнения этих задач будет создан коммунальный Совет, к которому добавятся также представители Советов по земледелию, медицине, культуре, распределению и производству и статистике. Порядок избрания коммунальных Советов будет определяться в соответствии с системой, учитывающей различия в плотности населения. При этом следует иметь в виду постепенную политическую децентрализацию крупных городов, создавая в них федерации Коммун.

Все эти органы не будут иметь какой-либо властный или бюрократический характер. Кроме тех лиц, которые будут иметь технические функции или обрабатывать статистические данные, их члены продолжат выполнять свои производственные обязанности, собираясь на заседания по окончанию рабочего дня, чтобы обсудить те детали проблемы, которые нет необходимости выносить на общие собрания.

Общие собрания будут проводиться так часто, как этого потребуют интересы Коммуны, по запросу членов коммунального Совета или по желанию жителей.

Взаимные контакты и продуктообмен.

Как уже говорилось, наша организация является федералистской. Она обеспечивает свободу человека в коллективе и Коммуне, свободу Коммун в федерации и свободу федераций в Конфедерации. Мы идем от человека к обществу в целом, обеспечивая его права личности и сохраняя неприкосновенным принцип свободы.

Жители Коммуны будут обсуждать между собой внутренние проблемы Коммуны: производства, распределения, обучения, гигиены, - все, что необходимо для ее морального и экономического развития. Вопросы, касающиеся всего района или провинции, будут обсуждаться федерациями; на их конференциях или общих собраниях будут представлены делегаты от всех Коммун, которые представят точки зрения, уже одобренные этими Коммунами. Например, предстоит построить шоссе, связывающее между собой жителей одного района, или решить вопросы транспорта и продуктообмена между аграрными и промышленными районами. Естественно, все Коммуны должны высказать свою позицию, поскольку позднее всем им предстоит внести вклад в это дело.

В вопросах регионального характера региональные федерации будут придерживаться практики соглашений, выражающих суверенную волю всех жителей региона. Все начинается с отдельного человека, продолжается в Коммуне, федерации и, наконец, Конфедерации.

Таким же образом будут обсуждаться все проблемы страны в целом, поскольку наши структуры полностью переходят друг в друга. Организация в масштабах страны будет регулировать международные взаимоотношения,

вступая в прямой контакт с пролетариатом всех стран через соответствующие организации, которые будут объединены вместе с нашей в Международную Ассоциацию Трудящихся.

Для продуктообмена между Коммунами коммунальные Советы вступают в контакт с региональными федерациями Коммун и с федеральным Советом по производству и распределению, запрашивая то, в чем они нуждаются, и предлагая то, что у них есть в избытке. Решение и упрощение этой проблемы будет осуществляться через сеть связей между Коммунами и Советами по производству и статистике, созданными страновыми федерациями производителей.

Что касается решения этого вопроса внутри Коммуны, то здесь достаточно ввести удостоверение производителя. Его будет выдавать фабрично-заводской Совет, давая тем самым право получать все необходимое при выполнении всех обязательств. Удостоверение производителя послужит своего рода знаком обмена на следующих условиях. Во-первых, оно не подлежит передаче другому лицу. Во-вторых, в нем отмечается количество отработанных рабочих дней, которое максимум в течение года действительно для получения продуктов.[1] Для неработающих жителей коммунальные Советы выдадут потребительские карточки.

Разумеется, разработать абсолютную норму невозможно. Следует уважать автономию Коммун, которые смогут, если сочтут это необходимым, установить иную систему внутреннего обмена, если эти новые системы никоим образом не затрагивают интересы других Коммун.

Обязательства человека перед обществом и идея справедливости в распределении.

Либертарный коммунизм несовместим с любым режимом наказания. Следовательно, он предусматривает ликвидацию существующей системы карающей юстиции и, следовательно, институтов отбывания наказания (тюрем, каторги и т.д.)

Данные предложения исходят из того, что основные причины совершаемых преступлений при существующем положении вещей имеют социальную обусловленность и, следовательно, если исчезнут причины, порождающие преступления, то в большинстве случаев перестанут существовать и сами преступления.

Поэтому мы считаем, что:

1. Человек не является плохим от природы; преступность - это логический результат состояния социальной несправедливости, в котором мы живем.

2. Если потребности человека будут удовлетворяться и он сможет получать рациональное и гуманистическое образование, причины преступности будут устранены.

Мы полагаем, что если индивид станет уклоняться от выполнения свои обязательств, как в сфере морали, так и на производстве, общие народные собрания должны будут найти справедливое решение дела в духе гармонии.

"Исправительные меры" либертарного коммунизма основаны на принципах медицины и педагогики, они носят исключительно превентивный характер, что соответствует требованиям современной науки Если же какой-либо индивид - жертва патологических феноменов - посягает на гармонию, которая должна существовать между людьми, терапевтическая педагогика призвана восстановить его душевное равновесие и стимулировать в нем этическое чувство социальной ответственности, не сумевшее развиться из-за нездорового наследства.

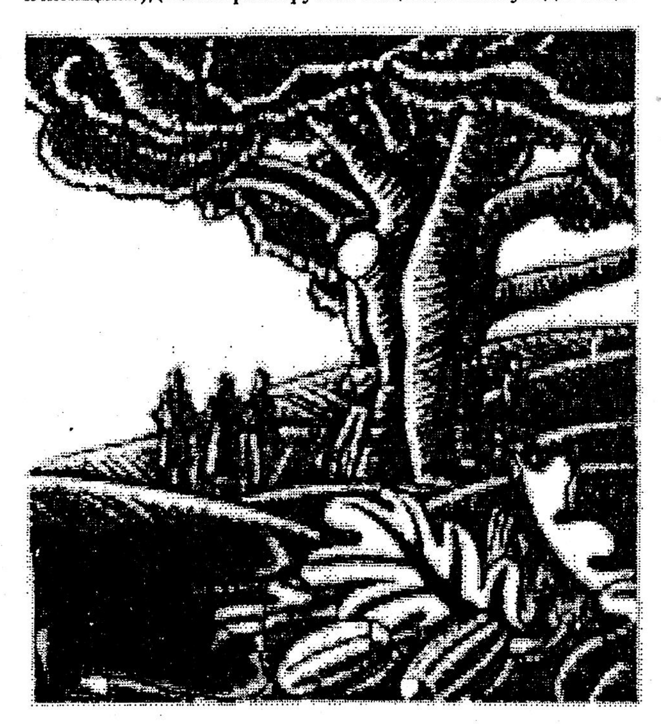
Семья и отношения между полами.

Не будем забывать о том, что семья была первой цивилизованной ячейкой человеческого рода. Она сыграла удивительную роль в моральной культуре и солидарности. Она сохранилась в ходе эволюции от семьи к клану, затем к племени, народу и нации. Надо полагать, что она сохранится еще в течение долгого времени.

Революция не должна насильственно воздействовать на семью, кроме случаев с неблагополучными семьями, когда следует осуществлять право на развод и помогать в этом.

Поскольку первое мероприятие либертарной революции состоит в обеспечении экономической независимости людей, без различия пола, взаимная зависимость между мужчиной и женщиной, возникающая при капиталистическом режиме по причинам экономического подчинения, исчезнет вместе с ним. Разумеется, оба пола будут равны в своих правах и обязанностях.

Либертарный коммунизм провозглашает свободную любовь, без каких-либо ограничений, кроме желаний мужчины и женщины; детям гарантируется общественный уход и защита

от человеческих ошибок благодаря применению принципов биологии и оздоровления наследственности.[2]

Улучшение сексуального воспитания в школе будет также способствовать постепенному оздоровлению наследственности человека, так как человеческие пары смогут продолжать род сознательно, рожая здоровых и красивых детей.

Что касается моральных проблем, которые могут быть порождены любовью в либертарно-коммунистическом обществе, таких, например, как ревность, то в условиях свободы в Коммуне возможны лишь два способа их решения для того, чтобы человеческие и сексуальные отношения развивались нормально. Тем, кто добивается любви с помощью силы и жестокости, если не помогают ни совет, ни уважение к правам личности, остается только удалиться. Переменой воды и воздуха лечат многие болезни. При болезни любви, которая может превратиться в упрямство и слепоту, можно порекомендовать перемену Коммуны, чтобы удалить больного из среды, которая делает его слепым и безумным. Но в атмосфере сексуальной свободы подобные обострения маловероятны.

Религиозный вопрос.

Религия как чисто субъективное человеческое проявление будет признана в той мере, в какой она связана с индивидуальной свободой совести. Но она ни в коем случае не может быть признана как форма публичной кичливости, моральной или интеллектуальной демонстрации.

Люди будут свободны исповедовать любые приемлемые моральные идеи, все ритуалы исчезнут.

О педагогике, искусстве, науке, о свободном экспериментировании.

Проблема образования должна быть решена радикально. В первую очередь, следует энергично и решительно побороть неграмотность. Культура будет возвращена тем, кто был ее лишен - это обязанность восстановления социальной справедливости, которую должна выполнить революция. Следует учитывать: подобно тому, как капитал захватывал и присваивал социальное богатство, города захватывали и присваивали культуру и образование.

Возвратить материальные богатства и культуру - такова основная цель нашей революции. Как? Материально - экспроприировав капитализм, морально - возвратив культуру тем, кто был ее лишен.

Наша педагогическая работа должна, следовательно, осуществляться в два этапа. Есть педагогическая работа, которую следует осуществить непосредственно после социальной революции, и общая гуманная работа в создаваемом новом обществе. Непосредственная задача будет состоять в распространении среди неграмотного населения элементарной культуры, например, в обучении чтению, письму, счету, физкультуре, гигиене, истории эволюции и революции, теории несуществования бога и т. д. Эту работу может взять на себя множество образованных молодых людей, которые выполнят ее в течение одного года или двух лет в форме добровольной службы на пользу культуры. Национальная Федерация образования будет должным образом контролировать и ориентировать их. Эта Федерация сразу после провозглашения либертарного коммунизма возьмет в свои руки все образовательные центры и контроль за качеством работы профессиональных и добровольных преподавателей. Национальная Федерация образования расстанется с теми, кто окажутся интеллектуально и прежде всего морально неспособными приспособиться к требованиям свободной педагогики. То же самое касается выбора преподавателей для учебных заведений первой и второй ступени, где внимание будет уделяться исключительно профессиональным качествам, проявленным в практической работе.

Образование как педагогическая миссия, призванная обучить новое Человечество, будет свободным, научным и равным для обоих полов, оно даст все необходимые элементы для того, чтобы действовать в любой отрасли производства и человеческих знаний. Первоочередное внимание следует уделять гигиене и воспитанию детей, со школы обучая женщин быть матерью.

Кроме того, объектом первостепенного внимания будет сексуальное образование - основа для совершенствования человеческого рода.

Первоочередной функцией педагогики мы считаем помощь людям в формировании у них собственных суждений - мы имеем в виду, конечно, как мужчин, так и женщин. Для этого необходимо, чтобы учитель поощрял все склонности ребенка с целью дать ему возможность полностью развить все свои способности.

При педагогической системе, которая осуществится либертарным коммунизмом, будут полностью исключены любые санкции и вознаграждения, потому что оба эти принципа лежат в основе любого неравенства.

Кино, радио, педагогические средства, книги, иллюстрации, диапозитивы станут великолепной и действенной помощью в деле быстрого интеллектуального и морального преображения нынешних поколений и развития личности детей и взрослых, которые родятся и вырастут при либертарном коммунизме.

Помимо чисто образовательного аспекта, в первые же годы своего существования либертарно-коммунистическое общество обеспечит всем людям на протяжении всей их жизни право доступа к науке, искусству и всевозможным исследованиям, в соединении с необходимой производственной деятельностью, осуществление которой обеспечивает равновесие и здоровье человеческой натуры.

В либертарно-коммунистическом обществе производители не будут разделены на работников физического и умственного труда. Доступ к искусству и наукам будет свободным, поскольку будет осуществляться во время, принадлежащее личности, а не коллективу; личность, отработав рабочий день и выполнив свою производственную миссию, сможет, если того пожелает, эмансипироваться от коллектива.

Наряду с материальными существуют и духовные потребности, которые тем сильнее проявляются в обществе, чем более удовлетворены материальные потребности, и позволяют морально освободить человека.

Эволюция - это непрерывная линия, хотя и не всегда идет по прямой. Так и человек всегда стремится к большему наслаждению, к тому, чтобы превзойти своих отцов, подобных себе, наконец, самого себя.

Общество, основанное на свободном исследовании и на свободе всех проявлений человеческой жизни, не сможет подавлять все эти желания превзойти других и себя, эту жажду творчества артистического, научного, литературного, жажду экспериментирования, ссылаясь на какие бы то ни было соображения материального или общего порядка. Оно не станет разрушать их, как это делается сегодня, напротив, оно будет их поощрять и развивать, понимая, что не хлебом единым жив человек. Человечество, живущее только хлебом, было бы глубоко несчастным.

Нелогично было бы предполагать, что в нашем новом обществе люди не будут испытывать потребности в развлечениях. В Автономных Либертарных Коммунах будут выделены специальные дни всеобщего отдыха. Их назначат общие собрания, выбрав и установив символические события истории и явления природы. Точно так же в течении дня будут отведены определенные часы для посещения театров, кино, культурных мероприятий, которые принесут всем радость и удовольствие.

Защита революции.

Мы признаем необходимость защиты завоеваний, добытых с помощью революции, поскольку полагаем, что в Испании больше революционных возможностей, чем в какой-либо из соседних стран. Следует предположить, что капитал в этих странах не примирится с потерей интересов, которые он со временем приобрел в Испании.

Поэтому пока социальная революция не победила в интернациональном масштабе, потребуется принять

необходимые меры для защиты нового режима - как от уже упомянутой угрозы иностранной капиталистической интервенции, так и для предотвращения контрреволюции внутри страны. Постоянная армия представляет собой огромную опасность для революции, поскольку под ее влиянием может сформироваться диктатура, которая неизбежно нанесет революции смертельный удар.

В моменты революции, когда вооруженные силы государства полностью или частично переходят на сторону народа, эти организованные части могут принять участие в уличных сражениях для победы над буржуазией. Но после победы их задача окончена.

Вооруженный народ послужит самой лучшей гарантией против любой попытки реставрации разрушенного режима со стороны внутренних или внешних сил. Тысячи рабочих прошли через казармы и знакомы с современной военной техникой.

Каждая Коммуна должна иметь свое оружие и оборонительные средства, до тех пор пока после окончательной консолидации революции они не будут уничтожены и превращены в орудия труда. Мы рекомендуем: необходимо сохранить самолеты, танки, бронемашины, пулеметы и зенитные орудия, поскольку главная опасность иностранного вторжения грозит с воздуха.

Когда настанет соответствующий момент, народ быстро мобилизуется для отпора врагу; производители вернутся к своему труду как только их оборонительная миссия будет выполнена. Эта всеобщая мобилизация охватит все лиц обоих полов, способных сражаться и готовых к выполнению разнообразных боевых задач.

Участники самообороны НКТ, отправившись в производственные центры, послужат прекрасной вспомогательной силой для консолидации завоеваний революции. Мы должны широко развернуть их подготовку к боям в защиту революции.

Мы заявляем также:

1. Разоружение капитала предусматривает передачу оружия Коммунам, которые будут отвечать за его хранение и обеспечивать эффективную организацию средств обороны в общенациональном масштабе.

2. В интернациональном плане мы должны развернуть интенсивную пропаганду среди пролетариата всех стран с тем, чтобы тот выступил с энергичными протестами, создавая движения солидарности против любых попыток интервенции со стороны соответствующих правительств. Одновременно наша Иберийская Конфедерация Автономных Либертарных Коммун окажет моральную и материальную помощь всем эксплуатируемым мира, чтобы они смогли навсегда освободиться от чудовищной опеки со стороны капитала и государства.

Заключение.

На этом наша работа закончена. Но прежде, чем поставить точку, мы обязаны однако в этот исторический час напомнить о том, что эту разработку не следует воспринимать как нечто окончательное, что должно послужить некоей неизменной нормой для созидательного дела революционного пролетариата.

Задача этого проекта куда скромнее. Удовлетворимся тем, что Конгресс сочтет его общими чертами начального плана, который завершат сами трудящиеся, исходным пунктом на пути к полному освобождению Человечества.

Пусть все те, кто чувствуют в себе достаточно ума, стойкости и способности, улучшат наш труд!

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Речь здесь идет не о "распределении по труду". Либертарный коммунизм придерживается принципа, сформулированного Кропоткиным в "Хлебе и воле": "...пусть каждый берет сколько угодно всего, что имеется в изобилии и получает ограниченное количество всего того, что приходится считать и делить...". "Коммунистическая община смело могла бы поставить своим членам следующее условие: Мы готовы обеспечить вам пользование нашими домами, магазинами, улицами, средствами передвижения, школами, музеями и т.д. с условием, чтобы от двадцати до сорока пяти или пятидесяти лет вы посвящали четыре или пять часов в день труду, необходимому для жизни...Все, чего мы требуем от вас – это тысячу или тысячу пятьсот часов в год работы в одной из групп, производящих пищевые продукты, одежду, жилища или занимающихся общественной гигиеной, средствами передвижения и проч., взамен чего мы обеспечиваем вам пользование всем, что производится или уже произведено этими группами...". "Если мы видим двух человек, которые в течение целого ряда лет работают по 5 часов в день на общую пользу в различных, одинаково им нравящихся областях, то мы можем сказать, что их труд приблизительно равноценен; но ... нельзя сказать, что продукт каждого дня, каждого часа, каждой минуты труда одного из них равноценен продукту минуты, часа или дня другого... Нельзя взять продукт, который он произвел в течение двух часов, и сказать, что этот продукт стоит больше, чем продукт одного часа труда другого человека, и вознаграждать труд обоих соответственно этому расчету".

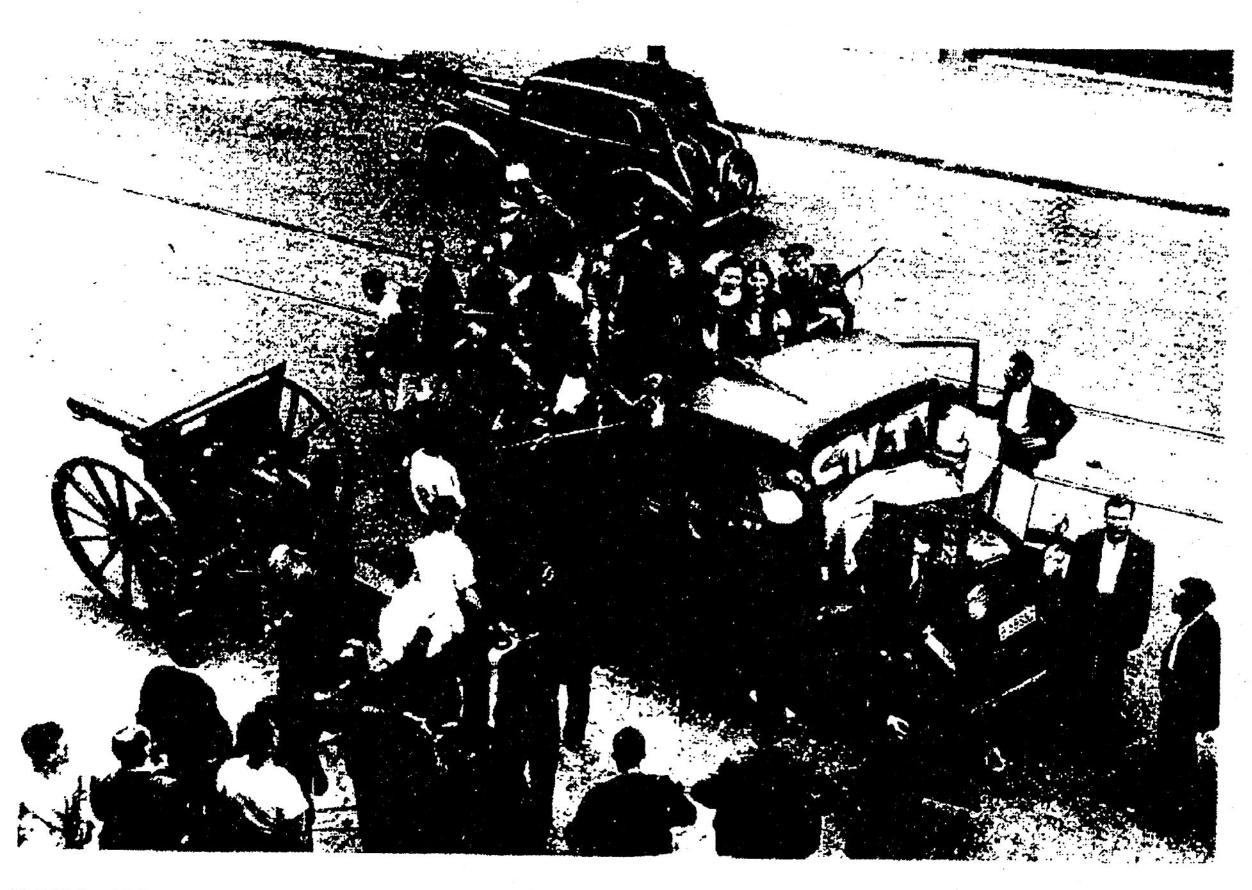
О том, что имели в виду испанские анархо-синдикалисты, свидетельствует пример аграрной коммуны в Бинефаре в Арагоне в 1936 году: "Делегат каждой аграрной группы или каждой промышленной секции ежедневно отмечает в удостоверении производителя каждого члена коллектива, был ли он на работе... За это коллектив заботится о том, чтобы все члены бесплатно получали жилье, хлеб и масло..." (G. Levàl. Dàs libertare Spànien. Hàmburg, 1976. S. 112).

[2] 30-е годы были периодом почти всеобщего увлечения терминами евгенической "науки", в том числе и среди левых. Отдали дань этой моде и испанские анархо-синдикалисты. При этом они, однако, имели в виду не какую-либо насильственную "селекцию" людей, а распространение знаний о риске заболеваний, влияющих на наследственность и рождение детей. Такое знание позволило бы людям

Вадим Дамье

ИСПАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КОММУНЫ АРАГОНА

В 1936-1937 гг. в Испании происходила социальная революция, не знавшая себе равных. В гораздо большей степени, чем все предшествовавшие и последующие народные взрывы она приблизилась к осуществлению вековой мечты человечества о свободе, равенстве и солидарности.

В отличие от многих стран, где пролетариат попал в подчинение марксистским и ленинистским партиям, среди испанских трудящихся преобладал анархо-синдикализм. Анархистская профсоюзная конфедерация СНТ объединяла к моменту революции 1,6 миллионов пролетариев и крестьян (в том числе свыше 300 тысяч членов Федерации Анархистов Иберии). Они традиционно стремились не к захвату государственной власти, а к полному разрушению государства и капитала, к созданию нового общества на основе анархистского коммунизма. Для сравнения: в социалистическом профсоюзе УХТ было около 1,4 миллионов членов, в компартии - 33 тысячи[1].

Испанский анархизм опирался на прочные общинные (коммунитарные) традиции. Вот что писал об этом немецкий исследователь Й. Хельвеге: "Муниципия, испанское пуэбло, как почти автаркическая, автономная общественная единица, в которой могли стихийно создаваться институты и механизмы самоуправления, была реальностью до тех пор, пока с ростом бюрократизация мира в эту идиллию не вмешалось государство во всем его всемогуществе и со всеми его слугами и не начало ее разрушать. Организационный талант и склонность испанского населения к самоуправлению проявлялись в точных, детально разработанных правилах, по которым регулировались споры, занимались должности в братствах, осуществлялись совместные работы пуэбло по расчистке, обработке и охране участков общинной земли, наконец, распределялся между членами общины на общих собраниях полученный урожай. Именно в этих коллективных психологических настроениях и в опыте, который местами... мог уже давно отойти в прошлое, следует искать корни хилиастическо-анархистских движений"[2].

В городах и сельских районах Испании существовала древняя традиция вольностей. Средневековые города Иберийских королевств пользовались правами самоуправления и даже создавали федерации (братства) для борьбы с феодалами. Но после подавления восстания "коммунерос" в 16 в. эта автономия была сломлена. В деревне же община держалась долго и прочно. Здесь она тоже имела опыт борьбы с

деспотизмом. Достаточно вспомнить, например, знаменитую пьесу Лопе де Вега "Фуэнте Овехуна": восставшие крестьяне расправляются со своим мучителем - сеньером, а затем гордо идут на королевский суд и на вопрос "кто это сделал", заявляют: вся община, вся Фуэнте Овехуна.

Анархизм в сельской Испании попал на благодатную почву. Возможно, именно этими традициями объясняется та почти религиозная страсть, с которой крестьяне Арагона будут создавать свои коллективы в 1936 г. Немецкий анархист Аугустин Зухи описывал то, что он увидел в арагонском селении Муньеса (1700 жителей). В село вернулся анархист, проработавший много лет в Барселоне. Его сразу же избрали алькальдом (мэром). "Он выполнял свои функции в зале общинного совета. На столе лежало испанское издание книги Кропоткина "Хлеб и воля". По вечерам члены коллектива собирались и кто-нибудь читал книгу вслух. Это было новое евангелие. Там было черным по белому написано, что следует делать, чтобы добиться благосостояния для всех". Не приходится удивляться, что жители селения с восторгом восприняли предложение вернувшегося из Барселоны земляка провозгласить либертарный коммунизм[3] .

Впрочем, и психология рабочего класса тогдашней Испании сильно отличалась от настроений в современном "массовом" обществе, где люди живут, как изолированные друг от друга атомы, не имеющие ничего общего со своими соседями и своим окружением. М. Букчин справедливо замечал, что на пролетарский социализм тех лет "оказала влияние... уходящая корнями в деревню и небольшой город значительная пролетаризация крестьян, которых принуждали оставить деревни и сельскохозяйственную культуру. То, что они принесли (в город, - прим. авт.) эту докапиталистическую культуру с ее естественными ритмами и ценностями, имеет ключевое значение для объяснения характера их недовольства и воинственности... Первоклассные рабочие - анархисты Барселоны, которые... сжигали деньги в лихорадочные дни июльского подъема 1936 г., действовали под влиянием глубоко утопических и этических импульсов, а не просто исходя из экономических интересов... Пролетариат конца X1X - начала XX в. был особой социальной породой. Она была... стихийна в жизненной естественности своего поведения, разгневана утратой своей автономии и сохраняла в своих ценностях разрушенный мир ремесла, любовь к земле и общинную солидарность"[4]. Это разлагающее человеческую солидарность воздействие капитализма и индустриализма хорошо понимали многие анархисты. Недаром аргентинская анархистская рабочая организация ФОРА призывала остановить экспансию индустриального капитализма, пока еще не поздно.

Но неправильно было бы думать, что анархизм распространялся по Испании сам собой. Популярность либертарных идей была, конечно, и результатом самоотверженной многодесятилетней работы испанских анархистов. Они создавали не только союзы городских рабочих, но и союзы сельскохозяйственных работников, действовали среди крестьян. Большую роль здесь сыграли анархисты-учителя. Они отправлялись в самые глухие и заброшенные районы страны, учили людей грамоте и связывали обучение с пропагандой анархизма[5] . Для многих простых людей Испании т.о. грамотность, знания навсегда оказались связанными именно с анархизмом.

В испанском анархо-синдикализме, как и у анархистов других стран, долгое время не было единых, общепризнанных представлений о социальной цели, об обществе будущего. Люди скорее понимали, чего они не хотят, нежели сознавали, чего следует добиваться. Тем более, что жизнь трудящихся была достаточно тяжелой, времени и сил длч теоретизирования было мало. Официально анархо-синдикализм в Испании долго следовал ранним коллективистским идеям бакунинского крыла 1 Интернационала, потом соблюдал некий плюрализм. И только в 1919 г. испанская СНТ официально провозгласила в качестве цели либертарный коммунизм[6] . Но даже после этого идейная и практическая неясность сохранялась, несмотря на попытки многих анархистов преодолеть ее.

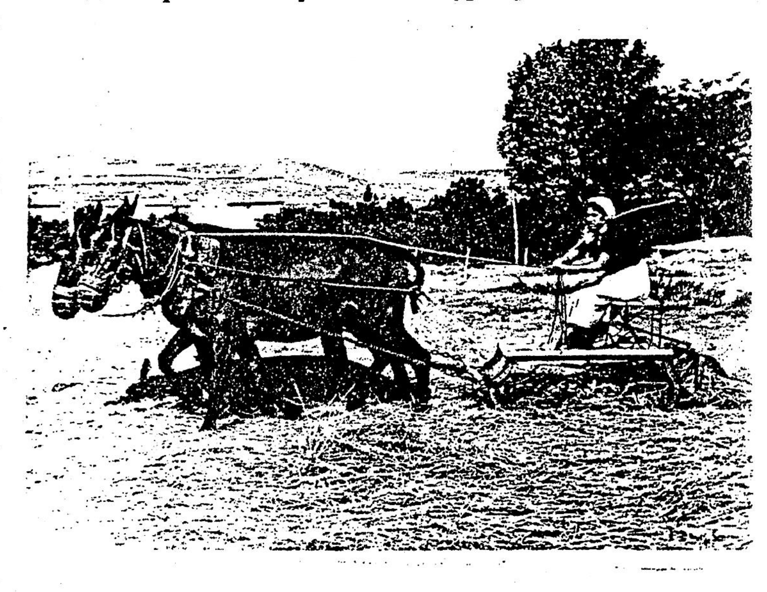
Опыт шел здесь впереди теории. В 1932 - 1933 гг. по всей Испании прокатились анархистские восстания. Восставшие захватывали городки и села и провозглашали либертарный коммунизм. Эпицентром движения стала аграрная Андалусия, где крестьяне вели отчаянную борьбу с помещиками-латифундистами, а также Арагон и Каталония. Что это означало на практике? Об этом рассказывает в своей книге испанский анархо-синдикалист Жозе Пейратс: населенные пункты объявлялись свободными муниципиями (коммунами), "для революционеров все разворачивалось со скоростью света: поднять черно-красное знамя над мэрией, провозгласить либертарный коммунизм, сжечь на площади архивы, документально устанавливавшие право собственности и публично объявить об отмене денег и эксплуатации человека человеком". Обычно "либертарный коммунизм провозглашался без каких-либо трудностей и жертв. Мир, радость и похожая на рай гармония царили вплоть до прихода войск"[7]. После этого движение кроваво подавлялось. Времени для развития опыта у активистов не было.

Тем не менее, общее направление действий не подлежало сомнению. Оно было очерчено в листовках, распространенных Национальным революционным комитетом перед запланированным на декабрь 1933 г. общим восстанием: "рабочие призывались занять фабрики, шахты и мастерские и установить контроль над производством. На производственных объектах должны были быть созданы рабочие комитеты, которые должны были соединяться на местном уровне в рабочие Советы. Население сельских районов должно было образовать вольные коммуны, объединяющиеся на уровне округов. Крупные склады продовольствия подлежали

экспроприации, продукты питания должны были распределяться через кооперативы. Должна была быть создана вооруженная рабочая милиция...»[8].

В 30-е годы в испанской СНТ по существу сложились два идейных течения: коммунитаристское и индустриалистско-синдикалистское[9]. Это было как бы продолжение старых споров между анархо-коммунистами и революционными синдикалистами начала века. Речь шла о том, что делать после революции - победоносной всеобщей стачки и восстания. Коммунитаристы, следуя анархо-коммунистической традиции, считали, что основой будущего общества должна стать вольная коммуна («свободная муниципия»), максимально автономная и самообеспечивающаяся. Соответственно они недооценивали проблемы экономических связей и хозяйственного взаимодействия между такими коммунами, полагая, что те просто смогут дарить друг другу излишки. Индустриалисты склонялись к революционно-синдикалистской схеме, по которой после революции централизованные фабричные хозяйственные структуры и формы организации экономики сохранятся и перейдут из частных или государственных рук под управление ассоциированных синдикатов (профсоюзов). Они уделяли большое внимание проблемам работы экономики как единого комплекса и разрабатывали принципы либертарного планирования. Как у тех, так и у других были свои сильные и свои слабые стороны. Споры шли острые, работы и статьи с аргументами исчислялись десятками. Наиболее известными теоретиками коммунитаристов выступили писатель и публицист Федерико Уралес (отец известной анархистки Федерики Монтсени и редактор теоретического и художественного журнала «Ревиста бланка») и врач Исаак Пуэнте. Уралес соединил аргументацию Кропоткина с традицией испанских сельских общин, считая их наиболее подходящей базой для реализации коллективистских принципов солидарности. Он утверждал, что революция разразится после фазы кризиса капитализма и приведет к возрождению коммунитарных традиций в свободных деревнях. Эти идеи были популяризированы врачом и публицистом Исааком Пуэнте, одним из лидеров повстанческого движения 1932 г. и членом Национального революционного комитета СНТ 1933 г. Он написал книгу «Либертарный коммунизм - цель СНТ». В ней содержался план создания системы либертарного коммунизма в Испании и аргументы в пользу его возможности. Как и Уралес, Пуэнте следовал за Кропоткиным в истолковании социальных наклонностей человека. Он отвергал идею революционной или послереволюционной элиты и переходного периода. Коммунитарное движение он считал отвечающим именно социальным инстинктам человека. Пуэнте исходил из возможности того, что Испания первая установит у себя либертарный коммунизм и сможет противостоять капиталистическому миру. По его мнению, коммунитарное сельское хозяйство легко накормит страну. И хотя Пуэнте признавал, что в городах функции коммуны могут играть местные федерации производственных синдикатов, он подчеркивал добровольность и социально-экономическую автаркию коммун. Он с недоверием относился к «архитекторам нового мира», к хозяйственному планированию и индустриальному развитию[10]. Книга имела огромную популярность в анархистских кругах, переиздавалась и обсуждалась.

Одним из основных теоретиков индустриалистов выступил Диего Абад де Сантильян. Свою анархическую работу он начинал в Аргентине и там следовал анархо-коммунистическим и непредрешенческим позициям ФОРА. В Испании он переменил свои взгляды, за что латиноамериканские анархисты впоследствии с презрением называли его шутом-акробатом[11]. Его книга «Экономический организм революции» хвалит современную индустрию и говорит о необходимости планирования и экономической координации. Он критикует Кропоткина за экономический локализм и объявляет вольные коммуны анахронизмом, реакционной утопией. Абад де Сантильян придавал большую роль свободному экспериментированию, оставляющему место различным формам будущего общества. Но в принципе то, что он предлагал - это скорее жесткая структура синдикальной организации всего общества[12]. Интересно, что как у него, так и у других индустриалистов (вроде голландца Корнелиссена или француза Бенара), либертарный коммунизм понимался скорее как переходное общество на пути к анархии - то, чем для марксистов служит «диктатура пролетариата».

Расхождения между анархистами и революционными синдикалистами сопровождались тактическими разногласиями и приводили к расколам. Только в мае 1936 г. в Сарагосе был созван конгресс СНТ, на котором была принята программная «Концепция либетрарного комунизма». Она синтезировала идеи и положения обоих течений, но все же опиралась скорее на проект Пуэнте. Либертарный комунизм (от каждого по способностям, каждому по потребностям в рамках экономической возможности) должен был установиться без переходных периодов сразу после победоносной социальной революции. В основе будущего свободного общества должна была лежать двойная организация - территориальная (вольные коммуны и их федерации) и отраслевая (синдикаты). Программа выступала за децентрализованное планирование снизу на основе статистического определения потребностей и производственных возможностей. Деньги подлежали отмене и замене карточкой производителя и

потребителя. Государство и постоянная армия упразднялись и заменялись федерацией коммун и рабочей милицией[13].

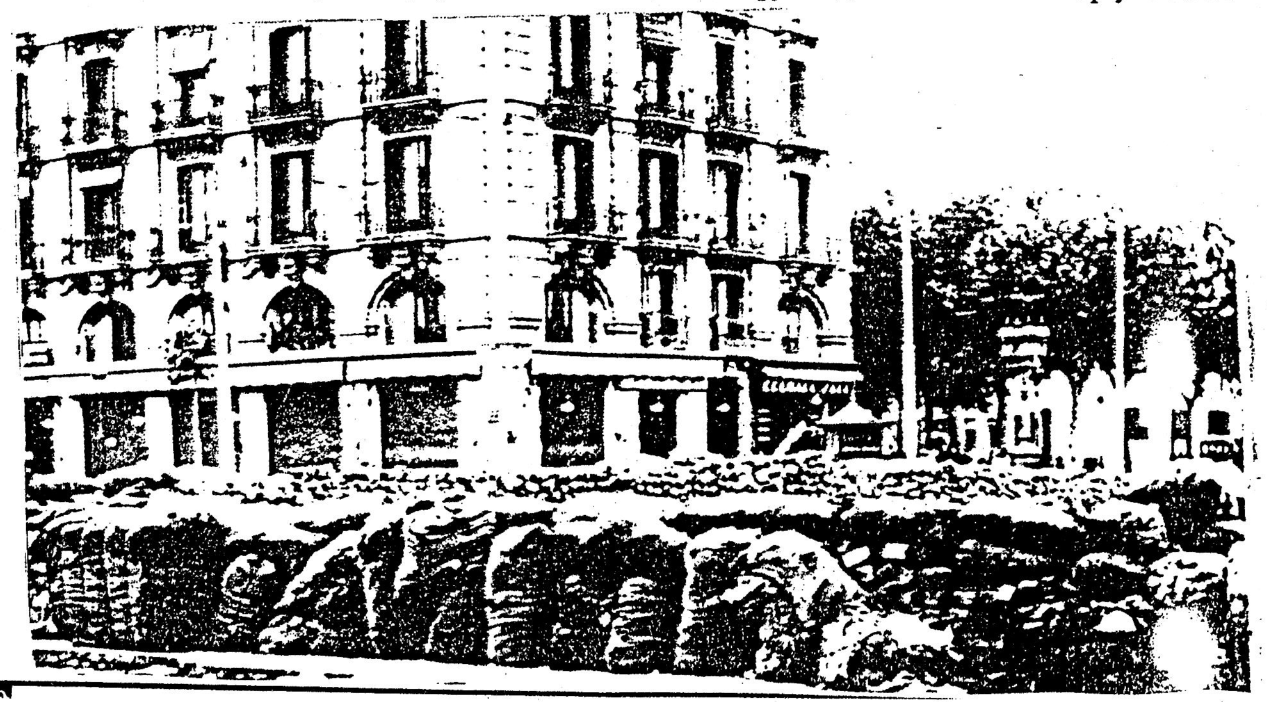
Как видим, программа была вполне разработана. Но она не успела проникнуть в умы и настроения людей как нечто целое, а не только как набор отдельных истин. Так и получилось, что когда в Испании внезапно началась революция - которую так долго ждали - анархисты оказались к ней и готовы, и не готовы. «Когда революция разразилась, - писал исследователь анархизма Яков Овед, - в радикальных и анархистских кругах немедленно появились упования на то, что долгожданная революционная ситуация, наконец, наступила и вскоре будет осуществлен либертарный коммунизм. Но события первых недель гражданской войны показали, насколько руководство СНТ было неподготовлено и развитие местной инициативы опережает центральные инструкции». Впрочем, добавляет он, вскоре стало очевидно, что установление либертарного коммунитаризма по стране так и не было в достаточной мере подготовлено[14].

17 июля 1936 г. в стране вспыхнул военно-фашистский мятеж. В ответ рабочие вышли на улицы, вооружились и соорудили баррикады. Они вступили в бой с мятежниками. В течении 3 дней путч был подавлен на большей части территории Испании.

После боев анархисты стали фактически хозяевами Барселоны. Улицы патрулировались вооруженными рабочими ополчениями. Созданные СНТ, ФАИ и «либертарной молодежью» органы восстания - «комитеты защиты» в городских кварталах превратились в революционные комитеты и объединились в «федерацию баррикад». Каждая баррикада была представлена в революционном комитете делегатом. Новые организации контролировали всю общественную жизнь города, организовали снабжение продовольствием и т.д., посылали делегатов в села, чтобы укрепить возникшие там революционные комитеты. Начал формироваться новый социальный организм. По инициативе комитетов рабочие заняли ломбарды и раздали нуждающимся одежду, матрасы, швейные машины... Было несколько случаев, когда рабочие и работницы захватывали банки и сжигали деньги - символ ненавистного старого мира угнетения.[15]

В этот момент анархистами была допущена первая роковая ошибка. Она состояла, конечно, не в том, что они не захватили власть, как их в этом обвиняют троцкисты, а в том, что они не свергли ее. Региональный комитет СНТ Каталонии долго обсуждал, что делать в создавшейся ситуации. Глава регионального правительства Л. Компанис позвонил секретарю Каталонской СНТ Мариано Васкесу и предложил переговоры. Вначале тот говорил с премьером в весьма иронических тонах. Член ФАИ Гарсия Оливер (в будущем сам министр и создатель «анархо-партии», но тогда еще левый) предложил немедленно провозгласить либертарный коммунизм. Но это предложение не было принято. Абад де Сантильян выступил за союз с другими антифашистскими силами. Промежуточная позиция сводилась к тому, чтобы, не входя в структуры власти, оказывать на них давление для осуществления социализации промышленности и сельского хозяйства, пока правительство, лишенное всякой власти, не падет само. 21 июля собрался пленум Каталонской СНТ. Дуррути и Гарсия Оливер предлагали «идти до конца», не боясь обвинений в «анархистской диктатуре». Но актив решил иначе. Не имея уверенности в успехе в других регионах, делегаты сочли, что «никакого либертарного коммунизма нет», то есть по сути, революции не происходит, необходимо укреплять антифашистское единство[16]. Это была исходная ошибка, которая предопределила другие, последующие. События стали развиваться по собственной логике. Анархисты вошли в сформированный на коалиционных началах полуправительственный орган - Комитет антифашистских милиций. Через несколько месяцев за этим - несмотря на сопротивление радикальной части СНТ, ФАИ и Либертарной молодежи - последовало вступление СНТ в каталонское и общеиспанское правительство. Большинство «лидеров» СНТ пожертвовало немедленной социальной революцией ради - как очень скоро выяснилось - призрачного антифашистского единства.

Но рядовые активисты анархистского движения, вдохновлявшиеся теми чувствами и идеями, о которых я говорил в начале, не стали ждать указаний «лидеров». По словам французских анархистов Прюдоммо, «в базисе» движения руководствовались своими аргументами:

«Присутствие членов СНТ и ФАИ в правительственных органах - это всего лишь компромисс, навязанный обстоятельствами, временное отступление в революции. У революции есть лишь один инструмент - это массы, организованные на уровне коммуны и предприятия»[17]. «Часто случалось так, - подтверждает Г. Леваль, - что делегаты из провинции, от небольших городов и деревень, переполненные разговорчивостью наших бесконечных болтунов, одобряли участие в правительстве, поскольку чувствовали себя потрясенными положением, которое было им описано в самых темных красках... Но как только они возвращались в свои города и деревни, они продолжали строить новое общество. Они не считали себя связанными политическими маневрами...»[18]

Трудящиеся-анархисты сами начали социальную революцию, доказав тем самым жизненность анархистских идей. И в своих действиях они - сознательно или нет - ориентировались на идеи либертарного коммунизма. Но нескоординированность и полная стихийность социальных преобразований очень скоро принесла огромные трудности и мешала их успеху.

Ленинистские критики испанского анархизма (например, троцкисты) утверждают, что антиэтатистские, антивластнические традиции испанского анархизма предопределили его слабость и растерянность в вопросе о власти. По их логике, отказавшись взять власть, они неизбежно должны были передать ее буржуазии. Действительность выглядела совершенно иначе. Ошибка СНТ была не в том, что она не взяла власть, а в том, что она не разрушила ее, не провозгласила либертарный коммунизм, как это предусматривалось Сарагосской программой. Но даже и в этой ситуации анархизм проявил силу своих принципов и свои преимущества перед ленинистскими концепциями. Рядовые члены СНТ приступили к совершению революции, не дожидаясь решений комитетов и пленумов Конфедерации, независимо от них и их политических уступок и колебаний. Такое было возможно только в анархистской организации. Вряд ли это было мыслимо при ленинистских организационных структурах с их жесткой дисциплиной и демцентрализмом!

Пролетарии не собирались возвращать власть республиканским капиталистам, которые проявили полную неспособность бороться с фашизмом. Профсоюзы захватили большинство фабрик и заводов, прежде всего в индустриальном районе Каталонии. Многие предприятия были отняты у хозяев и перешли под управление анархистских и социалистических профсоюзных комитетов. По некоторым данным, так случилось с 70% предприятий Барселоны и 50% в Валенсии[19] (Из 24 млн. жителей Испании в промышленности были заняты около четверти, в сельском хозяйстве - больше половины[20]).

Но вскоре трудящиеся оказались перед новой проблемой. Анархистская терминология тех лет проводила различие между «коллективизацией» и «социализацией». Под первой понимался захват предприятия трудовым коллективом и переход его под управление профсоюзов. Под второй - обобществление в масштабах общества, с налаживанием новых экономических связей на нерыночной и не бюрократической основе. В теории первая считалась первым шагом ко второй. Беда была, однако, в том, что этот переход так и не состоялся, поскольку товарно-денежные отношения в целом не были ликвидированы, а деньги сохранялись у государства и капиталистов. По словам Гастона Леваля, автора прекрасной и подробной книги об испанской революции, «очень часто рабочие в Барселоне и Валенсии, завладев фабрикой, мастерской, машинами и сырьем, организовывали производство своими силами и продавали продукт своего труда ради личной выгоды, причем использовали для этого сохранение денежной системы и характерные для капитализма торговые отношения. Декрет 1936 г., который легализовал коллективизацию, не позволил им идти дальше, и тем самым, вехи с самого начала были расставлены неверно. Это была, т.о., не настоящая социализация, а рабочий неокапитализм, своего рода самоуправление, колебавшееся между капитализмом и социализмом, чего не произошло бы - это следует подчеркнуть - если бы революция могла быть полностью осуществлена под руководством наших профсоюзов»[21]. Даже Абад де Сантильян, занимавший в это время пост министра экономики в каталонском правительстве, признал в конце 1936 г.: «Мы многого достигли, но сделали это нехорошо. Вместо старых владельцев мы поставили полдюжины собственников, которые рассматривают предприятия, транспортные средства и контроль над ними как свою собственность, с тем минусом, что они не всегда знают, как организовать управление... Нет, мы еще не сделали революции в Каталонии. Нет никакой необходимости создавать в Испании новый вид собственников, следует, напротив, социализировать существенную для капитализма частную собственность». «Мы не организовали тот хозяйственный аппарат, который планировали. Мы довольствовались тем, что изгнали владельцев с фабрик и взяли на себя роль контрольных комитетов. Мы не предприняли никаких попыток установить связи между собой или фактически координировать хозяйство. Мы работали безо всякого плана, не ведая фактически, что творим»[22]. Эффективность производства в синдикалистском секторе оценивают по разному. Но она и была различной. По словам Г. Джексона, «где сырье было доступно, где рабочие были горды и умелы в обслуживании своих машин, где благоразумная часть персонала симпатизировала революции, фабрика работала успешно. Где сырья было мало, где не могли найти запчастей, где соперничество СНТ и ВСТ (социалистический профсоюз) разделяло рабочих и где политические цели ставились выше работы, там коллективные предприятия терпели неудачи». Эта экономическая модель отличалась от капиталистической или государственно-социалистической экономики и в конкретных экономических проявлениях, например - в реагировании на кризисные условия. Так, кризис сбыта из-за потери рынков (половина Испании и часть зарубежных стран) приводил не к росту безработицы, а к уменьшению рабочего дня. Инвестирование шло, прежде всего, не в индустриальные, а в культурные проекты. Обеспечение синдикатами снижения цен на билеты в учреждениях культуры привело к массовому притоку зрителей. Благодаря революции многие рабочие и крестьяне впервые смогли посетить театр и кино. Количество детей, обучавшихся в школах Барселоны, возросло с июля 1936г. по июль 1937г. с 30 до 100 тысяч человек.

Прогресс в положении трудящихся был налицо. Зарплата была существенно повышена, разрыв между высокооплачиваемыми и низкооплачиваемыми сильно сократился. Люди смогли впервые работать без хозяев и боссов, сами организовать свой труд. В ряде мест и отраслей синдикализация перешагнула уровень отдельных предприятий и распространилась на целые отрасли, начавшие работать скоординировано как одно предприятие (так называемые «группы») (например, все отрасли в Алькое, снабжение газом, водой и электричеством в Каталонии, трамваи в Барселоне, местами - транспорт и здравоохранение)[23]. «Руководство» СНТ опубликовало список «неприкосновенных» предприятий иностранцев, опасаясь вмешательства британской эскадры, но рядовые активисты далеко не всегда соблюдали его. На предприятиях, которые по различным причинам не были конфискованы, вводился рабочий контроль. Вопрос о зарплате тоже пал жертвой военно-политических обстоятельств. Так в Валенсии после нескольких попыток отменить деньги и систему зарплаты возобладала т.н. «посемейная оплата»[24].

Впоследствии были предприняты попытки координации хозяйственной деятельности. Но они, как правильно замечал Даниэль Герен, уже сочетали в себе как либертарные, так и государственнические тенденции. В октябре 1936 г. каталонское правительство издало декрет о коллективизации крупных и частично средних предприятий, чем фактически не просто узаконивал свершившийся факт, но даже ограничивал его масштабы. Самоуправляющиеся предприятия управлялись единообразно - руководящим комитетом из 5-6 человек, который избирался общим собранием на 2 года с переизбранием половины членов каждый год. Комитет назначал директора, которому передавал часть своих полномочий. К каждому комитету был прикреплен правительственный контролер. Комитеты были подконтрольны генсовету отрасли, который состоял из представителей комитетов, синдикатов и технического персонала. Этот совет должен был планировать труд и определять зарплату. Каждый работник получал твердый оклад. СНТ пыталась, в свою очередь, организовать кооперацию и общее планирование. С этой целью были созданы 8 генсоветов для различных отраслей, торговли и финансов. Для равномерного распределения ресурсов создавалась «выравнивающая касса». В декабре 1936 г. в Валенсии профсоюзы решили приступить к организации общего плана во избежание ненужной конкуренции[25].

На коллективизированных предприятиях Каталонии экономические решения сохранялись за трудовым коллективом. В его руках оставалась и большая часть прибыли (после создания «промышленной и торговой кредитной кассы» - 50%). На частных предприятиях с рабочим контролем помимо владельца или директора действовал рабочий комитет, имелся и представитель правительства, обеспечивавший связь с генсоветом отрасли. Трудовой коллектив мог распоряжаться 30% прибылей. В целом, по оценке Вальтера Бернекера, «после 19 июля 1936 г. сложилась «координируемая» профсоюзами и «направляемая» государством экономическая система, которая во время всей войны работала динамично и до конца сохраняла двойственную структуру, в которой сосуществовали рядом капиталистическо-частноэкономические и коллективистски-социалистические производственные единицы»[26].

Таким образом, в городах властям сравнительно легко удалось взять стихийное народное движение под контроль. С августа 1936 г. под влиянием коммунистов начались национализации под предлогом военной необходимости и работы для фронта. Прежде всего это распространялось на коллективированные предприятия. Особенно широкие масштабы этот процесс принял после того, как правительство распорядилось в августе 1937 г. приостановить действие каталонского декрета о социализации в металлургической и горнодобывающей промыш-

ленности и милитаризации военной промышленности в августе 1938 г.[27]

Гораздо дальше зашла социальная революция в испанской деревне. Там сразу после 19 июля 1936 г. развернулся массовый процесс свержения местных властей. Все жители селения собирались на общее собрание на площади или в здании общинного совета и избирали революционный комитет. В Арагоне, а вскоре и в Леванте борьба против фашизма воспринималась как часть борьбы с капиталистическими порядками и неравенством. Крестьяне отбирали землю у помещиков, не дожидаясь правительственных декретов. Местные революционные комитеты и крестьянские профсоюзы собирали общие собрания. На них принимались решения о создании кооперативов, которые получили название «коллективы». При этом члены «коллективов» добровольно объединяли свою и захваченную у помещиков землю, а часто даже свои денежные средства. Каждая семья сохраняла небольшой огород исключительно для собственных нужд. Права тех, кто желал продолжать обрабатывать землю индивидуально, обычно соблюдались, если они обязывались делать это только собственными силами, без применения наемного труда. Трудно было исключить возможность морального давления на «индивидуалов» со стороны односельчан, но случаев непосредственного физического принуждения при испанской «коллективизации» практически не было. Часто «коллективы» объединяли всех жителей деревни или подавляющее большинство. Во многих коллективах вводилась посемейная оплата. Денежные средства богачей экспроприировались комитетами и помещались в банки. В некоторых местах выпустили собственные деньги или талоны. Комитеты брали под контроль распределение, цены устанавливались коллективно и контролировались. Торговля как таковая во многих местах вообще исчезла. Были организованы коллективные склады и магазины, которые часто помещались в бывших церквях[28].

Но и в деревне социальные преобразования шли нескоординировано, по разному. Частично это было связано с особенностями структуры земельной собственности. Если в Арагоне 80% обрабатываемой земли принадлежало помещикам, то в Леванте и Каталонии преобладала мелкая земельная собственность. И хотя среди этих мелких собствеников было немало анархистов, которые тоже стали создавать коллективы, в Леванте и Каталонии на этом пути было больше трудностей. Здесь экспроприировались только земли помещиков. Но вызванная начавшейся войной нехватка продуктов и здесь побудила общинные советы принять меры по ограничению роли частной торговли и развитию социализации. За этим последовал этап создания полных коллективов, хотя и в меньшей мере поддержанных большинством местного населения. Некоторые из них были весьма крупными и процветающими, но в большинстве из них сохраннялись денежные отношения. Всего в Арагоне возникло около 400 - 450 сельскохозяйственных коллективов, в Леванте - 900, в Кастилии - 300, в Каталонии - 40, в Эстремадуре 30[29].

Наиболее далеко зашла революция в северном регионе Арагон, который считался «маяком революции»[30]. Именно здесь, на территории, где анархистские народные ополчения под командованием легендарного революционера Буэнавентуры Дуррути вели тяжелые бои с фашистскими войсками, были сделаны решающие шаги на пути к анархистскому коммунизму, хотя официально он так и не был провозглашен.

В арагонских коллективах жили 500 тысяч человек - большая часть населения региона; в их распоряжении находились 60% обрабатываемых земель[31]. В отношении «индивидуалов», не входящих в коллективы, конгресс в феврале 1937 г. принял следующее решение: поскольку мелкие собственники, желающие остаться вне коллектива, считают себя способными работать в одиночку, они не должны пользоваться преимуществами коллектива (до тех пор случалось, что им разрешали на определенных условиях пользоваться коллективными благами и услугами). Однако их право вести хозяйство по-своему должно соблюдаться, если они не препятствуют деятельности коллектива. При этом каждый из них должен иметь столько земли, сколько он может обработать самостоятельно. Применение наемной силы строжайше запрещается.

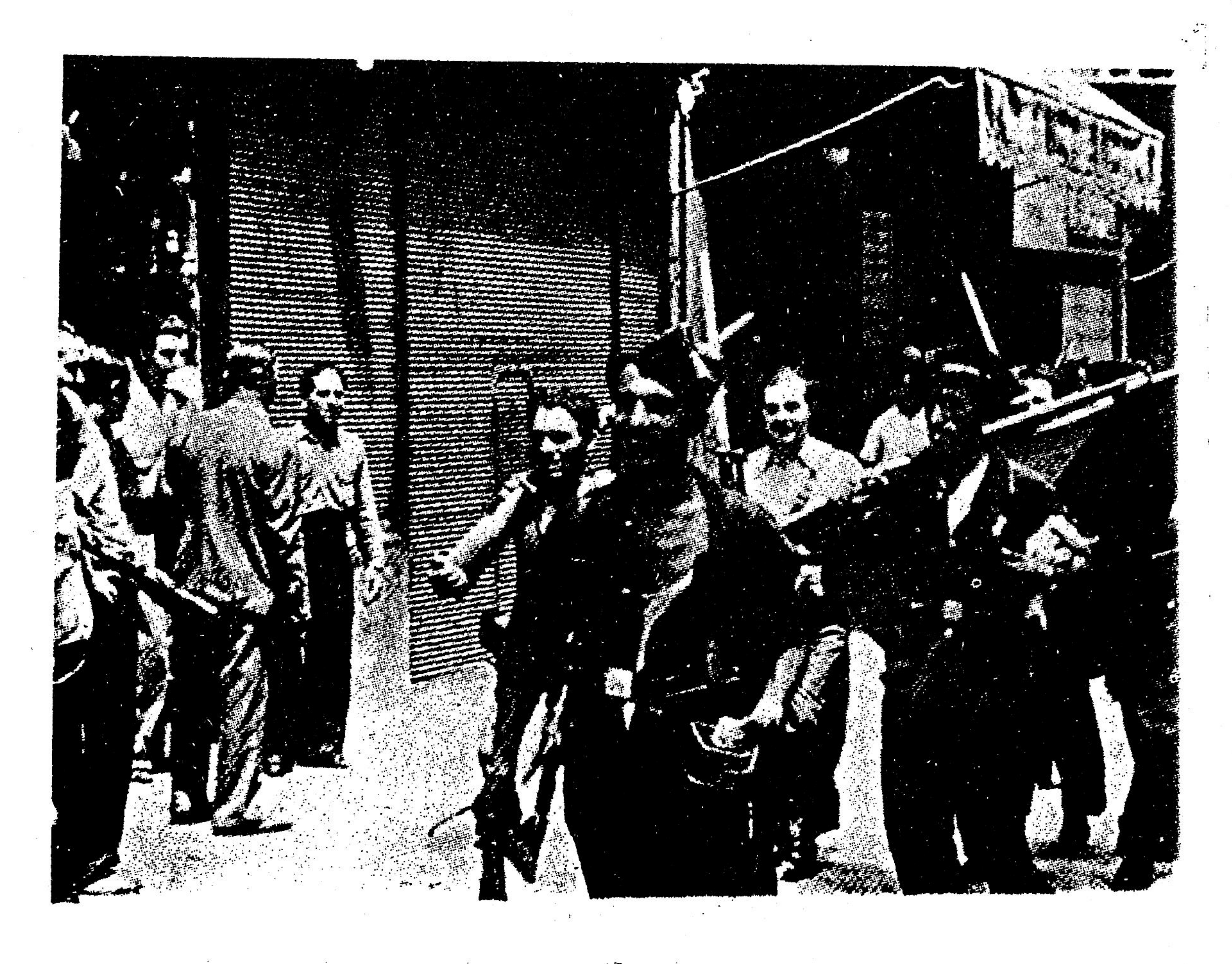
Арагонские деревни - это не чисто сельскохозяйственные поселения. Мы бы назвали их скорее небольшими городками. Каменные дома, жители, которые занимаются не только обработкой земли, но и ремеслом, местной промышленностью и т.д. Эти предприятия, а также службы быта, учреждения культуры и образования тоже обобществлялись. В поселениях были сильны древние общинные традиции. Все это облегчало объединение людей в свободные территориальные и хозяйственные сообщества, как это и предусматривалось в анархокоммунизме.

Внутри «коллективов» не было какой-либо иерархии, все пользовались равными правами. Главным решающим органом всегда было регулярное общее собрание членов, которое собиралось раз в месяц. Для текущей координации коммунальной и хозяйственной жизни избирались комитеты, часто возникавшие на базе прежних революционных комитетов. Их члены - в основном, делегаты от отраслевых секций - не пользовались какими-либо привилегиями и не получали особого вознаграждения за свою работу. Все они, кроме технических секретарей и казначеев должны были продолжать обычную трудовую деятельность. Каждый взрослый член «коллектива» (кроме беременных женщин) работал. Труд был организован на основах самоуправления. Бригады, состоявшие из 5-10 человек решали все основные рабочие вопросы на ежевечерних собраниях. Избираемые на них делегаты выполняли также функции координации и обмена информации с другими бригадами. Во многих коллективах» применялся принцип перемены труда, работники перемещались из одной отрасли в другую по мере надобности. Промышленные предприятия были включены в хозяйственную систему общины, что способствовало воссоединению индустрии и сельского хозяйства. Коллективы объединялись в окружные федерации[32].

Важнейшей мерой стала ликвидация денег. При этом арагонцы руководствовались не какой-то финансовой теорией, а своими этическими и революционными чувствами. В первые недели во многих «коллективах» вообще отменили вознаграждение за труд и ввели неограниченное свободное потребление.всех продуктов с обществен-

ных складов. Но в условиях войны и дефицитов это было нелегким делом, тем более, что вне «коллективов» сохранялось денежное обращение. В сентябре 1936 г. большинство общин перешло на так называемую «семейную оплату». Каждая семью в «коллективе» получала равную сумму денег (в зависимости от «коллектива» примерно по 7-10 песет на главу семьи, еще 50% - на его жену и еще по 15% - на каждого другого члена семьи)[33]. Эти средства предназначались только для покупки продуктов питания и предметов потребления и не должны были накапливаться. Во многих общинах вместо общегосударственных денег были введены местные купоны. В третьих существовали карточки и талоны. Определенные виды продуктов рационировались почти повсюду (шла война), зато некоторые (вино, масло и др.) во многих местах выдавались без всяких ограничений[34]. До решения об отмене денег «в трети из всех 510 сел и городов, принявших коллективизацию в Арагоне, деньги были отменены и товары предоставлялись бесплатно из магазина коллектива по потребительской книжке», «в двух третях были приняты соответствующие заменители денег - боны, купоны, монеты и т.д., которые были действительны только в выпустивших их общинах»[35].

Первое время в деятельности отдельных общин проявлялось определенное местничество, сказывалось и стартовое неравенство «коллективов» - одни из них были зажиточнее, другие беднее. Как утверждал А. Зухи, вначале некоторые выступали против идеи хозяйственного планирования под лозунгом самообеспечения[36]. Полная независимость «коллективов» друг от друга, различия в благосостоянии общин и в системе распределения затрудняли координацию их хозяйственной деятельности. К координации действий призывали анархисты - сторонники углубления социальной революции, в том числе Дуррути, который лично агитировал «коллективистов»[37]. В феврале 1937 г. в местечке Каспе состоялся конгресс «коллективов» Арагона с участием нескольких сотен делегатов. Было принято историческое решение о создание Федерации. Участники договорились усилить агитацию в пользу «коллективизации», создать экспериментальные фермы и технические школы, организовать взаимопомощь между «коллективами» с предоставлением друг другу машин и рабочих рук. Были отменены границы между селениями и упразднены коммунальные рамки собственности. Объединившиеся «коллективы» решили координировать обмен с внешним миром, создав для этого общий фонд из продукции, предназначенной на обмен, а не для собственного потребления общин, а также начав составлять статистику производственных возможностей.. Наконец, предусматривалась полная отмена любых форм денежного обращения внутри «коллективов» и их Федерации и введение единой для всех потребительской книжки (по ее предъявлении предметы потребления выдавались бесплатно по норме). Последнее должно было помочь установить реальные потребности каждого из жителей региона, чтобы затем, ориентировав производства на конкретные нужды людей, перейти к анархо-коммунистической практике «планирования снизу». Наконец, было принято и решение политического характера. Центральное правительство все время пыталось взять под

контроль непокорный Арагон. Оно настояло на включение в Совет обороны Арагона - орган, состоявший вначале целиком из анархистов - членов других партий. В январе 1937 г. оно распорядилось восстановить в регионе муниципальные советы. В ответ конгресс в Каспе решил, что они не должны вмешиваться в хозяйственную деятельность коллективов[38].

Деятельность арагонских «коллективов» оказалась чрезвычайно успешной. Даже по официальным данным, урожай в регионе в 1937 г. возрос на 20%, в то время как во многих других районах страны он сократился[39]. В Арагоне строились дороги, школы, больницы, фермы, учреждения культуры - во многих селениях впервые; осуществлялась механизация труда. Многие жители впервые получили доступ к медицинскому обслуживанию и свободному, антиавторитарному образованию (врачи и учителя становились полноправными членами «коллективов»).

Многие коллективы не платили налоги властям. Они предпочитали добровольно помогать непосредственно фронту. И это тоже вызывало гнев правящих кругов.

Путь Арагона к анархо-коммунизму был прерван испанской буржуазией в союзе со сталинистской «компартией», которая взяла класс собственников под свою защиту. Уже декрет правительства в декабре 1936 г. легализовал только небольшую часть захватов земли и распорядился вернуть остальное. Резко возражала против социалистической революции в Испании ИКП; она утверждала, что в стране следует осуществлять только буржуазно-демократические преобразования в рамках единого антифашистского фронта и выступала против социально-революционных мер анархистов, против социализации промышленности и создания сельских коммун. В сталинистскую партию повалили мелкие собственники, предприниматели, зажиточные крестьяне-индивидуалы, тороговцы, чиновники и офицеры[40]. В мае 1937 г. «коммунисты», превратившиеся в основную контрреволюционную партию в республиканской зоне, спровоцировали кровавые бои в Барселоне Полиция под командованием «коммунистов» напала на рабочих-анархистов. В ходе боев пролетариям почти удалось разгромить силы буржуазно-сталинистской коалиции, но здесь ведущие активисты СНТ снова проявили нерешительность, пойдя на соглашение с правительством. Победа была украдена. Правительственные войска, вступившие в столицу Каталонии, развернули террор против анархистов и других левых. Затем пришла очередь Арагона. В августе 1937 г. республиканское правительство разогнало Совет обороны Арагона, возглавлявшийся анархистами. Танковый дивизион «коммунистического» генерала Листера был снят с фронта и железными гусеницами прошлась по арагонским коммунам. Треть «коллективов» была распущена, остальные так никогда и не оправились от разгрома. Сотни активистов были арестованы, многие казнены и высланы. Центральное правительство предъявило всем испанским коллективам ультиматум - легализоваться до 31 октября под угрозой роспуска. Над оставшимися был введен жесткий государственный контроль[41]. В политической сфере и в области промышленности комитеты СНТ также шли на все новые и новые уступки, соглашаясь на милитаризацию (создание регулярной армии), вступление в «Народный фронт», широкие меры государственного контроля и т. д. в обмен на легализацию части «коллективных» предприятий и хозяйств и на получение оружия частями, контролировавшимися анархистами. Внутри движения росло сопротивление против уступок (так называемой «обстоятельствовщины») - в оппозицию перешли некоторые местные группы анархистов (например, в Льобрегате), ассоциация «Друзей Дуррути», каталонская федерация либертарной молодежи (объединявшая до 40% членов «Либертарной молодежи» Испании)[42]. Но они уже мало что могли сделать. К началу 1938 г. революционным анархистам стало ясно, что революция проиграна. Прежде всего, был утерян революционный энтузиазм масс, чувство, что они не просто воюют как солдаты против другой армии, а именно сражаются за новый мир, за свою свободу. В быту, в повседневной жизни, в настроениях людей возвращались старые порядки и нравы (это очень хорошо показад Оруэлл в своем «Каталонском дневнике»). Сбылось то, о чем предупреждал итальянский анархист Камилло Бернери, убитый сталинистами в 1937 г. в Барселоне: если война не будет вестись как революционная, она неминуемо будет проиграна[43]. Подъем сменился усталостью и безразличием.

В марте 1938 г. франкистские войска ворвались в обескровленный и обессиленный Арагон и довершили дело контрреволюции. Через год пришел конец и всей Испанской Республике.

Испанская революция проиграла. Но она погибла с честью, в борьбе, пав под натиском превосходящих сил старого мира. Позорно не потерпеть поражение, а предать свои цели и идеалы, сменив с трудом завоеванную свободу на новое рабство, может быть, еще худшее, чем то, которое было низвергнуто.

---

[1] Г. Константинов. Поуките от една революция. // «Свободна мисъл». 1997. №11. С.4. В ходе революции число членов СНТ выросло до 2 млн.

[2] J. Hellwege. Genossenschaftliche Tradition und die Anfaenge des Anarchismus in Spanien. O.O., o.J.

[3] A. Souchy. Nacht ueber Spanien. Grafenau, 1987. S.145.

[4] M. Bookchin. Die Neugestaltung der Gesellschaft. Grafenau, 1992. S.127, 128.

[5] G. Leval. Das libertaere Spanien. Hamburg, 1976. S.39-40; J. Peirats. Les anarchistes espagnols. Revolutions de 1936 et luttes de toujours. Toulouse, 1989. P.115-116.

[6] CNT-AIT: Estatutos, normativa confederal y esructura organica. S.l., s.a. P.24.

[7] J. Peirats. Op. cit. P.71.

[8] Paz A. Durruti: Leben und Tode des spanischen Anarchisten. Hamburg, 1993. S. 316.

[9] Y. Oved. «Comunismo libertario» and Communalism in the Spanish Collectivization (1936 - 1939). // Anarchism: Community and Utopia. Prague, 1993. P.172.

[10] См. также: I. Puente. Libertarian Communism. Sydney, 1985.

[11] M. Azaretto. Las Pendientes Resbaladizas. (Los anarquistas en Espana). Montevideo, 1939. P. 107.

[12] См.: D. Abad de Santillan. Der Oekonomische Organismus der Revolution. // D. Abad de Santillan, J. Peiro et al. Oekonomie und Revolution. Wien, 1986. S.103 - 154.

продолжение со стр. 24

Аргумент о том, что борьба бессмысленна (раз "абсолютная свобода и гармония недостижимы"), равно как и аргумент о том, что "можно, ведь быть свободным и в тюрьме", - бьют мимо цели. Из того, что зло, как таковое, неискоренимо, не следует, что ему - сегодня - нельзя и не следует сопротивляться и что его - в его нынешней форме - невозможно ниспровергнуть. Вспомните замечательный мир Толкиена - в нем Зло не раз терпело поражения и отступало на время, чтобы вновь появиться позднее и в новом обличьи. А показанная здесь связь "внутренней" и "внешней" свободы (несвободы), также как связь личности и общества, развенчивают и сокрушают как позицию пассивного фатализма ("от меня ничего не зависит"), так и самоизоляции ("меня ничто не касается"). И все меня касается, и все от меня зависит! Мы - личности - влияем на историю, мы судим ее, мы творим ее, мы живем и действуем в ней, хотя и не растворены в ней целиком и полностью, и такое положение дел лишает нас "алиби" любого рода и дает возможность бороться, сопротивляться, влиять на то, что творится вокруг.

Это сущая правда, что сегодняшняя жизнь наша организована таким образом, что экзистенциальные вопросы почти полностью исключаются, - совсем по Токвилю. Поэтому остается задавать их невпопад, кое-как, даже боясь показаться неприличным и несовременным.

Это правда, что "постмодернизм" нашей эпохи с его нагромождением выцветших смыслов и обесценившихся слов, порождает повсеместную безыдейность и беспринципность, тотальный антиутопизм и плоский прагматизм, сужение горизонтов и неприятие самой идеи альтернативы и радикальной критики существующего. Но это означает лишь, что можно и нужно идти против течения в поисках новых смыслов, новых горизонтов. Люди доверяют только личному примеру, и потому, борясь с рабством в себе, ты борешься и за свободу других. Но это уже вплотную подводит нас к новой значительной теме - теме Бунта, теме Революции. Революция - большое и звучное слово, которое в эпоху "постмодернизма", подобно другим словам-символам, обветшало и истрепалось до неприличия. Одним оно кажется смешным, другим - страшным, одним кажется модным, другим - устаревшим. Одни полагают, что это слово - Революция - все оправдывает и объясняет, другие убеждены в том, что этому слову нет никаких оправданий. Говоря об анархизме, никак нельзя пройти мимо этой темы. Но речь об этом пойдет уже в следующем - четвертом - "Анархическом письме".

23 ноября 1997 г. - 26 августа 1998 г.

---

[13] Concepto Confederal del Comunismo Libertario. // Congresos anarcosindicalistas en Espana 1870 - 1936. Toulouse - Paris, 1977. P.157-175.
[14] Y. Oved. Op. cit. P. 176, 177.
[15] A. Paz. Durruti. Hamburg, 1994. S.406, 424, 429-431, 681-682.
[16] A. Paz. Durruti. Hamburg, 1994. S.437-445.
[17] A. Prudhommeaux, D. Prudhommeaux. L`Espagne Libertaire. Bordeaux, 1974. P.20-21.
[18] G. Leval. Op. cit. S.76.
[19] A. von Borries. Spanien, Juli 1936 - Die unbekannte Revolution. // Unter dem Pflaster liegt der Strand. Bd.2. Berlin, 1980. S.27.
[20] G. Leval. Op. cit. S. 216.
[21] Ibidem. S. 219
[22] D. Abad de Santillan. Zwischenbilanz der Revolution. // D. Abad de Santillan, J. Peiro et al. Oekonomie und Revolution. Wien, 1986. S.196-197, 198.
[23] G. Leval. Op. cit. S.215-272.
[24] J. Peirats. Op. cit. P.100-104.
[25] D. Guerin. Anarchismus: Begriff und Praxis. Frankfurt a. M., 1967. S. 136-139.
[26] W. L. Bernecker. Anarchismus und Buergerkrieg: Zur Geschichte der sozialen Revolution in Spanien 1936-1939. Hamburg, 1978. S.207, 206.
[27] D. Guerin. Op. cit. S.142.
[28] J. Peirats. Op. cit. P.118-134; G. Leval. Op. cit. S.70-72.
[29] G. Leval. Op. cit. S.78; Y. Oved. Op. cit. P.177-178.
[30] A. Paz. Op. cit. S.529.
[31] Y. Oved. Op. cit. P.178; A. von Borries. Op. cit. S.35.
[32] J. Peirats. Op. cit. P.118-134, G. Leval. Op. cit. S.81-140.
[33] Y. Oved. Op. cit. P.183.
[34] G. Leval. Op. cit. S.71, 182-195.
[35] Ст.Цолов. В революционна Исмания - 1936-39 година. // Свободна мисъл. 1998. №5. Стр.5.
[36] A. Souchy. Op. cit. S.132.
[37] A. Paz. Op. cit. S.477-480.
[38] G.Leval. Op. cit. S.81-88; J. Peirats. Op. cit. P.128-129; W. Bernecker. Op. cit. S.110-111, 125-126.
[39] Y. Oved. Op. cit. P.182.
[40] A. von Borries. Op. cit. S.40.
[41] J. Peirats. Op. cit. P.221-231.
[42] Ibidem. P.220, 240-246, 267-270; D. Berry. Face a la guerre civile d`Espagne. // «Itineraire».1995. Nr.13. P.52-60; W.L. Bernecker. Mythos des Anarchosyndikalismus. // «Schwarzer Faden».1996. Nr.2. S.48; F. Piqueras. Los Amigos de Durruti. // «cnt». 1993. Febrero. P.6. См. также тексты «Друзей Дуррути», опубликованные в газете «El Amigo del Pueblo. Portavoz de los Amigos de Durruti».
[43] См.: C. Berneri. Guerre de classes en Espagne 1936-1937 et textes libertaires. Paris, 1977. P.36-40, 56-66.

Лора Акай.

Анархо-феминистское движение “Мухерес Либрес”

Опыт испанской революции чрезвычайно интересен для анархистов, поскольку анархисты в ней сумели выступить как мощная организованная сила и на практике проверить верность своих теоретических построений. Существенным для них было стремление изменить не только производственные отношения и основанное на них распределение материальных благ, но также преобразовать все сферы жизни общества на более либертарных, человечных принципах.

В 1936 году женщины-анархистки организовали группу “Мухерес Либрес” (Свободные женщины). Они сознавали, что подлинная свобода не может существовать без равенства в отношениях между полами, и что это равенство не может быть даровано никем “сверху”, как привилегия, но лишь достигнуто в процессе самоорганизации людей.

“Мухерес Либрес” понимали, что даже прекращение экономической эксплуатации, которое было провозглашено в ходе испанской революции, не устраняло в полной мере иерархичности в существующих гендерных (половых) ролях. Давление, оказываемое церковью и обществом на женщин, было так велико, что они пришли к необходимости самостоятельно выступить в защиту своих прав.

В ходе революции люди часто спонтанно самоорганизовывались по различным поводам, объединяясь в группы и федерации. Женщины участвовали не только в движении “Мухерес Либрес”, но и в других общественных инициативах, начиная с “Атенеос либертариос” (Свободные культурные центры) и кончая Союзами парикмахеров. Но прежде всего необходимо было объединяться для защиты своих прав на производстве. Женщины в большей степени, чем мужчины, зависели от своих работодателей: и оттого, что они получали меньшую зарплату, и оттого, что им было необходимо поддерживать свои семьи, и по другим причинам.

Например, в Барселоне в начале века мужчины гораздо чаще женщин участвовали в забастовках. Но женщины стали более активны, и ситуация в целом изменилась в период с 1910 по 1920 годы. Женщины в это время устраивали много забастовок, некоторые из которых перерастали локальные рамки и вызывали широкую поддержку общественности. Нередко случалось и наоборот: начинались общественные движения, в поддержку которых выступали рабочие и работницы.

В 1918 году в результате Первой мировой войны в Испании (как и во всей Европе) резко упал уровень жизни, и в ответ началась так называемая “женская война”: женщины выходили на улицы и устраивали акции прямого действия, включая экспроприации, и призывали других присоединяться к их выступлениям. Они действовали вместе, постепенно расширяя и углубляя свои требования. Женщины требовали повышения качества жизни: изменения условий труда и большего представительства в руководстве профсоюзов, особенно в тех отраслях, где они составляли большинство трудящихся. Впоследствии эти мощные женские выступления создали почву для появления такого либертарного и радикального движения, как “Мухерес Либрес”.

К сожалению, надо отметить, что существовавшие в то время в Испании анархические организации не участвовали в процессе возникновения женских инициатив, носивших стихийный характер. Анархический профсоюз CNT ослабел после всеобщей забастовки 1917 года. На Каталонском региональном конгрессе CNT в 1918 году не было ни одной женщины-делегата. Но, несмотря ни на что, среди анархистов появлялось всё больше женщин, которые были всё активнее. Анархическое движение росло, охватывало различные сферы общественной жизни, и одновременно усиливался приток женщин в него.

Женщинам пришлось бороться за уважение к себе и против “двойных стандартов”. К сожалению, эти “двойные стандарты” встречались и внутри самих социальных движений: женщины видели, что их мужья выступают за равенство на производстве и при этом взваливают всё домашнее хозяйство на плечи жён. Однако очевидно, что борьба против эксплуатации труда должна иметь в виду не только наёмный, но и домашний труд. Официально деятели CNT признавали равенство полов, но, как все мы знаем, существует дистанция между теорией и практикой. Когда женщины это осознали и начали самоорганизовываться, многое изменилось - не только у них дома, но и в обществе - что, разумеется, взаимосвязано.

“Мухерес Либрес” существовали как отдельная организация, численность которой достигла 80 тысяч человек. Эта организация регулярно взаимодействовала с другими анархическими группами. Однако, её члены настаивали на существовании своей отдельной организации, чтобы общество приняло их всерьёз, как самостоятельную политическую силу, способную

продолжение на стр. 62

Юлия Градскова

Гендерные аспекты семейного насилия

Данное исследование посвящено малоизученному гендерному аспекту проблемы домашнего насилия. Целью исследования является изучение представлений женщин о различных видах семейного насилия и определение его причин. В центре изучения находится проблема насилия против женщин в супружеско-партнерских отношениях. Исследование проводилось на основе регистрационных записей обращений в службу психологической помощи женщинам «Ярославна». В результате исследования были сделаны выводы о высокой степени распространенности насилия в отношении женщин и его связи со сложившимися в нашей культуре гендерными стереотипами.

***

Центр психологической помощи женщинам **«Ярославна»** - некоммерческая, неправительственная, женская организация. Зарегистрирована в Министерстве Юстиции 14 февраля 1995 года. Является членом Российской Ассоциации Телефонов Экстренной Психологической Помощи и Консорциума Женских Неправительственных Организаций. В службе "09" значится как Экстренная психологическая помощь женщинам.

Цель **«ЯРОСЛАВНЫ»** - содействовать улучшению и сохранению психологического здоровья общества, через оказание психологической и информационной поддержки женщинам:

- из социально незащищенных слоев населения, относящихся к группам социального риска,
- подвергающимся различным видам психологического и физического (в том числе и сексуального) насилия,
- переживающим состояние кризиса или стресса;

научить женщин предупреждать ситуации насилия и противостоять им.

"Ярославна" работает по следующим направлениям:

1. Психологическая помощь женщинам

- Телефон доверия,
- индивидуальные консультации,
- группы психологической поддержки.

2. Образовательные программы:

- **"ОБЩАЕМСЯ БЕЗ НАСИЛИЯ И ЖЕСТОКОСТИ"- ДЛЯ ПОДРОСТКОВ,**
- **"ОСНОВЫ ЭКСТРЕННОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ЖЕНЩИНАМ"- ДЛЯ ПСИХОЛОГОВ И СТУДЕНТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ.**

3. Исследовательские программы:

- - женщина как объект домашнего насилия: социокультурный аспект,
- - влияние насилия на эмоциональную сферу женщины.

За время работы Телефона доверия для женщин (с 25 мая 1995 года) с просьбой о помощи нам позвонили около 2.000 женщин.

Более 200 женщин из низкооплачиваемых слоев общества получили бесплатные очные индивидуальные консультации.

Организованы 5 групп психологической поддержки.

Две группы студенток бесплатно обучены навыку самообороны от насилия.

Была разработана и многократно реализована образовательная программа для подростков - "Школа общения без насилия и жестокости".

Практические психологи, аспирантки и студентки психологических и социальных факультетов (40 человек) обучены навыку телефонного консультирования.

Подготовлены и с успехом защищены 4 дипломных и 5 курсовых работ по проблеме насилия в отношении женщин и подростков.

Лекционно-практический курс -"Основы экстренной психологической помощи женщинам" (64 часа) дан студенткам Славянского университета.

***

Хотя официальная статистика случаев семейного насилия в России до сих пор отсутствует, по данным, опубликованным в проекте «Новые возможности для женщин», можно заключить, что примерно 80% насильственных преступлений совершается в семьях, около 14 тысяч женщин в России ежегодно погибают от рук своих мужей или партнеров. В 1996 г. около 79 тысяч женщин стали жертвами преступлений по причине ревности, ссор и других бытовых мотивов.[1]

Как свидетельствуют результаты 3-летней работы центра психологической помощи женщинам «Ярославна», приблизительно от одной пятой до одной четверти обращений женщин за психологической поддержкой связаны с жалобами на насилие в семье, осуществляемое относительно их самих или их близких. Этим вызван интерес к современному состоянию проблемы семейного насилия в Москве.

Данное исследование проводилось на основе анализа записей обращений женщин по телефону доверия центра «Ярославна» в течение 1997 года. При анализе записей учитывалась такая информация, как частота обращений в консультационную службу по поводу насилия в семье (от общего числа обращений в «Ярославну»), поводы к насильственным действиям в отношении жертвы и ее интерпретация случившегося, виды насилия, последствия насильственных действий.

Используя для изучения проблем насилия такой источник как данные телефона доверия, необходимо особо сказать об значении самого термина насилие в нашем исследовании и в повседневном обиходе. В связи с этим можно выделить сразу два аспекта проблемы насилия. С одной стороны, это проблема того, что насилие привычно понимается в России как физическое действие, имеющее своим последствием телесные повреждения. Именно поэтому в массовом сознании россиян, такие действия как оскорбления, угрозы, принуждение что-либо делать или не делать (например, запрещение жене работать), отказ в средствах на содержание ребенка и т.д. не воспринимаются как насилие и попадают в категорию «ссор», потери любви, просто плохого отношения. Российскими исследователями уже отмечалось, что многие действия, попадающие по критериям международного законодательства в категорию, например, «вербального насилия», вовсе не воспринимаются позвонившими в качестве такового.[2] С другой стороны, при звоноке в службу психологической помощи, женщина далеко не всегда рассматривает свою ситуацию как проявление насилия. Нередко можно встретить случаи, когда позвонившая больше всего обеспокоена угрозой распада семьи (муж завел другую женщину) или проблемами взаимоотношения с детьми, и только в процессе разговора, как бы мимоходом, выясняются такие подробности прошлых семейных отношений как рукоприкладство, оскорбления или угрозы. Поэтому, хотелось бы особенно подчеркнуть, что мы учитывали все факторы насилия, соответствующие международным нормам антидискриминационного законодательства в отношении женщин.

В связи с поставленной задачей изучения насилия в отношении женщин в супружеско-партнерских отношениях особый интерес исследователя связан с двумя основными проблемами. Первая - касается собственно гендерной теории и поисков ответа на вопрос, почему именно женщины чаще чем мужчины становятся жертвами насилия, а вторая проблема имеет дело уже с динамикой насилия в отношении женщин.

Начальная статистика такова: из 740 человек, обратившихся в службу «Ярославны» за 1997 г.(телефон доверия работает три раза в неделю по 8 часов в день) 184 обратились за помощью в связи с насилием в семье или, по меньшей мере, упомянули о насилии в процессе консультирования. При этом оказалось, что в большинстве случаев присутствовал не один какой-либо конкретный вид насилия, а их сложное сочетание. Наиболее часто (в 85% случаев) встречалось психологическое (эмоциональное и/или вербальное) насилие, затем - физическое насилие - 26% случаев, экономическое - 24% случаев, сексуальное - 3% случаев.

Ниже приводятся примеры случаев типичных обращений на телефон доверия в связи с проблемой насилия:

Нина, 38 лет, дочке - 2,5 года, сыну - 5 лет.

Прожили с мужем 15 лет. Муж стал моим первым ребенком, я превратилась для него в мать. Хотя мой муж приличный интеллигентный человек, но я так много заботилась о нем, что он стал меня считать во всем виноватой и в последний раз избил меня на лестнице в присутствии соседей. Почему со мной это происходит? Может причины во мне? Я не хочу таких отношений как были, не знаю, что можно изменить.

Г. 25 лет, ребенку полтора года.

Муж постоянно уходит к другой женщине. Когда возвращается, уговаривает меня ласковыми словами, но и иногда бьет. Я предлагала ему развестись и теперь жду, что он решит. Один раз я пыталась отравиться таблетками, но меня откачали.

Ольга 38 лет, мужу - 40, двое детей: девочке - 17 лет, мальчику - 7,5 лет.

Муж гулял всю жизнь. Две недели назад он пришел и сказал, что его новая женщина будет жить вместе с нами. Развестись я не могу: я от него полностью завишу. Работаем вместе, он - начальник. Несколько лет назад продали мою квартиру, я подарила ему машину. Я из него 6 лет лепила человека, который подходил бы мне по всем статьям. Это моя лебединая песня. Я очень боюсь остаться одна. Сама на развод я не пойду.

Исследование было проведено на выборке из 136 человек, так как в остальных случаях отсутствовала значительная часть информации о потерпевшей.

Основной массив женщин, обратившихся по поводу насилия, приходится на детородный возраст - 20-49 лет - 98 человек (64%), старше 50 лет - 15 человек (12%), младше 20 лет - 5 человек (3%). Наиболее часто субъектом насилия в отношении женщины оказывается (в совокупности) ее муж (63 случая), партнер (12 случаев) или бывший муж (7 случаев). В целом насилие против

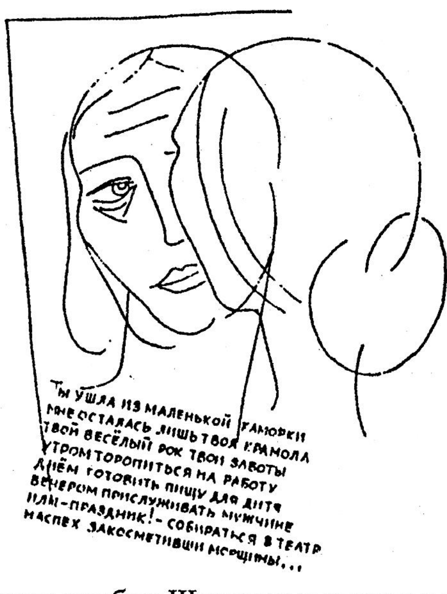
женщины со стороны мужчины, связанного с ней брачными или сексуально-бытовыми отношениями составляет более половины нашей выборки (82 человека). Почти половина женщин, попавших в эту категорию довольно молоды (от 20 до 30 лет) и имеют детей. В качестве других субъектов насилия (в порядке убывания) оказываются : родители, взрослые дети, родственники мужа.

Культурно-исторические причины женской роли жертвы насилия.

Что касается первой проблемы исследования, т.е. определения причин того, почему женщины становятся жертвами насилия чаще, чем мужчины, то важно отметить, что в целом частота совершения насильственных действий против различных членов семьи, выявленная нашим исследованием, совпадает с частотой совершения убийств или их попыток внутри семьи, изученных Д.А.Шестаковым на основе статистики тяжких преступлений за последние 30 лет "социалистической эры".[3] Шестаков пишет: «Среди членов семьи, ставших жертвами внутрисемейных преступлений, чаще всего встречаются жены преступников, затем дети, родители (включая родителей супругов), мужья и, наконец, другие родственники».[4] Однако, с приведенной им версией (см. ниже) причин такого распределения жертв полностью согласиться трудно. Двумя важнейшими криминогенными факторами, по мнению Шестакова, являются авторитарный образ поведения женщины и перевес в зарплате преступников над потерпевшими. Таким образом, оказывается, что наиболее распространенной ситуацией преступления является ситуация, когда доведенный до отчаяния постоянными попреками жены муж решается на убийство. В качестве дополнительного фактора здесь упоминается также совместное проживание трех поколений. Указания на ломку культурных и ролевых стереотипов присутствуют в работе Шестакова, но, как мне кажется, занимают недостаточно важное место.

Поэтому, для выяснения глубинных причин насилия по отношению к жене, прежде всего обратимся к рассмотрению влияния культурно-исторических и гендерных стереотипов на проблемы распределения власти и ответственности в семье.

Следует напомнить, что историческая стадия распределения гендерных ролей в рамках частной и общественной сферы (столь характерная для Запада) в предреволюционной России находилась в зачаточном состоянии. Российское общество периода начала строительства социализма характеризовалось традиционными гендерными идеалами. Женщина в традиционном обществе (как и мужчина) обладала определенным набором ролей и статусов, зависящих от ее возраста, семейного положения и уровня дохода семьи. Таким образом, при определенном стечении этих факторов, социальная роль женщины в России оказывалась очень значительной, хотя женщина и «отсутствовала» практически (вместе с большинством мужчин) на уровне публичной сферы.[5] Автор данной статьи в целом поддерживает концепцию Е.Здравомысловой и А.Темкиной, утверждающих, что «гендерная система, окончательно сложившаяся в России в 30-е гг., соединила радикальные марксистские и традиционные российские ценности», что выразилось в сочетании традиционных семейных ценностей с вовлечением женщин в производство за пределами семьи.[6]

Возвращаясь к работе Шестакова и описываемому им феномену жалоб мужчин, совершивших преступления против жен, прежде всего на их авторитаризм (как провоцирующий фактор), необходимо более внимательно рассмотреть распределение власти и ответственности в советской семье. Очевидно, что занятость женщины в общественном производстве (и даже в случае более высокой зарплаты жены) в условиях Советского Союза обычно не приводила к перераспределению домашних обязанностей таким образом, чтобы мужчина выполнял по меньшей мере их равную долю. Напротив, как известно, женщина в любом случае несла на себе большую часть груза домашних обязанностей, в то время как мужчина сопротивлялся любой попытке как-то изменить это положение. Не с этим ли связан авторитаризм женщин, на который жалуются мужчины, совершившие преступления против жен, в исследовании Шестакова?

Совершенно не исключено, конечно, что в отдельных случаях культурный стереотип традиционных ролей действовал на мужчину и женщину в равной степени сильно и вопрос о перераспределении домашних обязанностей в этом случае даже не поднимался. Авторитаризм в данном случае заключался в том, что мужчина был просто обязан (любой ценой - типичная тоталитарно-советская формулировка) зарабатывать больше жены, иначе он терял способность называться мужчиной (и, следовательно, в этом случае женщина как бы получала «легальный» повод для совершения преступления против мужа). Однако, как свидетельствует статистика, преступления против жен совершаются приблизительно в 5 раз чаще, чем против мужей.

Не менее важное значение для тяжких преступлений против близких родственников, как показывает исследование Шестакова, имеет и традиция двойного стандарта (среди криминогенных факторов для женоубийц неверность жены находится на втором месте после авторитаризма - 34%, а для мужеубийц такой фактор как супружеская неверность отсутствует вообще).

Опираясь на данные, полученные на основе звонков женщин на телефон доверия, можно сделать вывод о восприятии женщинами супружеской неверности в качестве разновидности психологического насилия. И хотя оно фактически не отражается в документах юридического характера, последствиями такого насилия являются общие (особенно гинекологические) заболевания, длительные депрессии, попытки суицида, а также проблемы с работой и детьми. В данном случае, на мой взгляд, необходимо говорить, скорее, о гендерных различиях в реакции на неверность супруга: в то время как женщины воспринимают измену как насилие и принимают на себя роль жертвы, мужчины также воспринимают ее как насилие, но намного чаще чем женщины стремятся отомстить, разобраться собственными силами. В результате они сами становятся субъектами насилия.

В наследство от советской системы досталось нам и весьма своеобразное гендерное распределение власти и ответственности. Система власти в семье в чем-то напоминала организацию системы власти в обществе в целом. Как известно, тоталитарное государство декларировало власть и права институтов, которые выполняли роль фасада, в то время как в реальности власть принадлежала партии. При этом ответственность за те или иные неудачи перекладывалась на советский народ в целом или на происки врагов.

В советское время в рамках семьи на традиционное гендерное распределение ответственности (мужа - за материальный достаток, а жены - за сохранность семьи) формально был наложен официальный принцип равной власти и ответственности внутри семьи. В то же время государство забрало значительную часть мужской ответственности за материальное благополучие семьи на себя. То есть у мужа была отнята таким образом значительная часть власти и ответственности. А оперативная власть и ответственность жены оказалась столь же значимой как и раньше (см. Таблицу 1). Однако, все традиционные общественные стереотипы маскулинности сохранились.

Таблица 1. Распределение власти и ответственности в семье в советский период.

Власть, ответственность		оперативная власть, оперативная ответственность
муж	государство	жена

Необходимо учитывать и такой аспект проблемы распределения власти и ответственности, как описанный Варгой[7] комплекс недостатка личной ответственности в сочетании с уверенностью, что от личных усилий человека не зависят ни его неудачи, ни его успехи. Подобная уверенность являются общей для мужчин и женщин чертой менталитета, закрепленной периодом тоталитаризма и воспринимающаяся большинством населения, как «естественные». Поэтому очень часто женщина и мужчина склонны переносить ответственность за собственные неудачи на партнера или преследующий «злой рок»: «семья не сложилась». Однако, и такое перекладывание ответственности имеет свою гендерную специфику: если для мужчин несложившаяся семья чаще означает уход (развод, появление любовницы, «уход» в алкоголь), то для женщины, как мы видим из примеров выше, часто свойственно стремление «переделать» мужчину или «закрыть глаза» на проблему. Как первый, так и второй вариант женского поведения часто «способствует» проявлению мужчиной насилия. В случае попыток «переделать» мужчину, насилие против женщины оказывается как бы связанным с самозащитой (чаще всего оно становится, однако, в несколько раз более жестоким и разрушительным).

Что касается тактики долгого «избегания конфликтов» со стороны женщины, то, как известно из литературы[8] и как показывает пример Нины (см. примеры), эта тактика не только не приводит к уменьшению возможности насилия и решению конфликта, но и нередко оборачивается ситуацией, когда психологическое насилие дополняется впоследствии и физическим. Мужчина в этом случае принимает на себя всю полноту власти в семье и женщина неизбежно и постепенно из положения равного партнера переходит в подчиненное положение.

Очевидно, что значительную роль в формировании именно таких реакций женщины на конфликт оказали культурные стереотипы, существовавшие в России еще в начале XX века, в соответствии с которыми, развод (или раздельное проживание супругов) более существенно снижает статус и общественный престиж женщины, чем это происходит в отношении мужчины. (Именно об этом говорит такая поговорка как «Баба с возу - кобыле легче» и многие другие). В то время как в Европе в конце 60-х гг. по этим стереотипам был нанесен существенный удар,

Концепция социалистической семьи, следуя русской традиции, продолжала возлагать всю ответственность за

сохранность семьи, как ячейки общества, именно на женщину, аппелируя к ее терпению, особому дару налаживания отношений внутри семьи. Более того, врач из Воронежа Наталья Лопатина говорит даже о том, что "семейное насилие стало скорее нормой, а женщины просто не представляют для себя другого образа жизни». 9

Социально-экномическая трансформация в России и проблема насилия в отношении женщин.

Обращаясь к динамике насилия в отношении женщины в последние десятилетия, прежде всего необходимо отметить трудности анализа этой проблемы в связи с отсутствием какой-либо статистики семейного насилия в России в советский период. Поэтому в ходе исследования я посчитала целесообразным разделить абоненток, жаловавшихся на проблемы насилия в семье, на две возрастные подгруппы: более молодых (до 30 лет включительно) женщин, чья молодость совпала с периодам радикальных изменений в обществе, и женщин среднего возраста (от 31 года до 49 лет).

Около 60% абоненток первой группы и около 70% абоненток второй группы состоят в браке и имеют одного или двух детей. Социальные данные об уровне образования, занятости и семейном положении абоненток в целом сопоставимы. Приблизительно пропорциональное количество женщин этих возрастных категорий обладают средним, средним специальным и высшим образованием (некоторое расхождение в уровне образования молодых женщин(22%) и женщин среднего возраста (28%) легко объясняется тем, что среди позвонивших встречаются женщины-студентки и те, которые по возрасту еще не могли закончить свое образование). Включение в исследование фактора образования, способствовало выявлению такого факта, что женщины со средним специальным образованием в нашей выборке в меньшей степени страдают от психологического насилия. Можно предположить, что образование влияет на восприятие оскорблений и давления как насилия.

Для 72% из позвонивших женщин моложе 31 года субъектом насилия являлись мужчины, связанные с ними близкими отношениями: муж для 50%, для 18% - партнер, для 4% - бывший муж. Среди женщин среднего возраста 63% женщин заявили себя страдающими от насилия со стороны мужа, 5% - со стороны партнера, 8% - со стороны бывшего мужа (всего - 76%). Таким образом, данные свидетельствует о том, что женщины первой и второй возрастных групп испытывают пропорционально одинаковое насилие со стороны мужчин. Исходя из этого, можно предполагать, что количество насилия в новом поколении не уменьшилось. Незначительное снижение насильственных действий в отношении женщин моложе 31 года надо относить, скорее за счет того, что многие потенциальные жертвы еще не связаны с мужем столь прочной экономической (наличие нескольких детей) и эмоциональной зависимостью, которая отличает многих женщин более старшего возраста.

К сожалению, специфика данных, получаемых в результате телефонных консультаций в процессе решения проблем абонентки, не дает возможности составить полный портрет субъекта насилия. Чаще всего отсутствуют данные о его возрасте, образовании, профессии, общих заболеваниях и психологических проблемам. Одним из факторов, наиболее часто встречающихся в записях по поводу субъекта насилия, является его алкогольная зависимость. Как насилие в этом случае воспринимается и потеря прежних эмоциональных связей с мужем, и утрата части семейного бюджета, и даже просто страх от вида измененного состояния мужа :»муж стал пить, что делать?».

20% молодых и 26% женщин среднего возраста стали жертвами физического насилия. Таким образом, мы можем говорить о том, что в 1/5 случаев в отношении женщин внутри семьи совершаются действия, квалифицируемые даже ныне действующим российским уголовных законодательством как преступления. В исследуемой выборке, с физическим насилием оказываются непосредственно связанными такие последствия, как суицидальные мысли у женщины-жертвы насилия и влияние на их детей.

Наиболее часто встречающимся видом насилия в нашей выборке является психологическое - 80% случаев. Напомним, что телефон "Ярославны" объявлен как телефон психологической помощи женщинам. В отличие от некоторых других телефонов доверия здесь отсутствует узкая направленность проблем обращений. При этом психологическое насилие часто оказывается связанным с ролью мужа, как основного источника дохода.

Среди последствий насилия среди женщин обеих возрастных групп первое место занимает депрессия (34% и 36% соответственно). На втором месте для женщин младше 30 оказываются проблемы другого уровня - проблемы отношений в семье. Женщины отмечают ухудшение эмоционального климата в семье и участившиеся ссоры. Третье место среди последствий в данной возрастной группе занимают страхи.

Среди женщин от 31 года до 50 лет ситуация несколько иная: второе место после депрессии - составляют страхи (20%), третье - ухудшение эмоционального климата в семье (19%), а на четвертом месте (13%) находятся суицидальные мысли и попытки. Подобное распределение свидетельствует о более высоком уровне психологического дискомфорта, высокой степени чувства вины и отсутствии веры в возможность изменить ситуацию у женщин второй возрастной группы.

Все эти факты в их совокупности говорят о том, что насилие против женщины со стороны мужчины, связанного с ней семейными или любовными отношениями, продолжает оставаться значительным для представителей обеих подгрупп женщин, а его последствия разрушительно влияют как на самооценку и здоровье самой женщины, так и на климат семьи в целом.

В то же время, необходимо отметить, что поводы и ситуации насилия претерпевают, тем не менее, некоторые изменения. Находящиеся сегодня на переломе отношения распределения власти и ответственности в семье породили многочисленные парадоксы и столкновения традиционных и модернистских стереотипов, коллективистской и индивидуалистической идеологии.

Так, например, «новым» достижением наших дней, показателем степени любви мужа к жене, заботы о ней стало «разрешение» не работать. С одной стороны, в этой ситуации и мужчина и женщина стремятся (или им кажется, что они стремятся) к восстановлению дототалитарного (патриархального) баланса власти и ответственности. С другой, оба они не готовы просто «вернуться». Поэтому женщина не собирается отказываться от власти, а мужчина, претендуя на большую власть, совершенно не готов приобрести решающую стратегическую ответственность. В то же время, очень мало примеров семей, где сознательно (неосознанно они присутствуют очень часто с той или другой стороны и являются катализатором конфликтов) существовали бы попытки принять от государства и распределить поровну ту часть власти и ответственности, которую оно имело.

Именно поэтому, мы должны обратить внимание, что типичным паттерном женского поведения является добровольный отказ женщины в начале брака от своей свободы, своего права выбирать и подчинение интересам семьи, т.е. решению мужа. Но в силу того, что конкретные условия жизни большинства семей в Москве далеки от патриархальных, то верховная власть мужа оказывается часто просто иллюзорной, в связи с тем, что реальная ответственность за быт семьи сохраняется у жены. (Напомним, что власть это такое отношение субъекта и объекта, когда объект готов подчиниться).

Так как власть одного взрослого человека над другим свободным взрослым человеком в современных условиях вообще дело сложное, а в период постоянной общественной и экономической нестабильности - сверхсложное, то в случае если мужчина не справляется со столь сложной ношей, его агрессия в первую очередь оказывается направленной против женщины. Женщина в этой ситуации либо оказывается просто подавленной, либо закономерно пытается продемонстрировать, что в такой ситуации может и должна проявить *свою* власть. По-видимому, именно это имеется в виду, когда говорят, что женщина якобы «провоцирует» насилие.

Одной из наиболее распространенных схем распределения ролей в семье, где осуществляется насилие со стороны мужа, оказывается следующая: замужняя женщина, имеющая одного или двух несовершеннолетних детей, надолго бросает работу и занимается домом и воспитанием детей. Причем со временем она может вновь возвратиться к работе, но эта работа окажется либо временной подработкой, либо помощью мужу в его предпринимательской деятельности, либо постоянной работой с невысоким заработком и не требующей имеющейся у женщины квалификации. Так, в нашей выборке женщин, обратившихся в связи с насилием, можно было найти медика-провизора (с высшим образованием), которая работает торговым агентом по свободному графику, архитектора-строителя, работающую в кооперативной торговле, инженера-химика, работающего на телефоне и т.д. Такая женщина оказывается изначально зависимой от мужа в экономическом и, очень скоро, в эмоциональном плане. Свой заработок она всегда рассматривает в качестве дополнительного, работу - в качестве временной подработки, а семью и дом - центром ее истинной жизни. В настоящем исследовании выявлено, что существует прямая связь между такими факторами, как муж - основной источник дохода и муж - субъект насилия. В случае, если оба супруга вносят в семейный бюджет приблизительно равную долю, то вероятность того, что муж становится субъектом насилия - меньше.

Возвращаясь к влиянию последствий социально-экономических реформ на уровень насилия в отношении женщины, необходимо принять во внимание и совокупность таких факторов современной экономической политики государства, как закрытие детских учреждений, отсутствие контроля за соблюдением законодательства, запрещающего отказ в приеме на работу женщин с детьми, снижение возможности вернуться на прежнее рабочее место после декретного отпуска, низкие пособия на детей. Все это вместе взятое делает экономическую ситуацию женщины с детьми принципиально хуже мужской, что в свою очередь заставляет женщину сохранять семейные отношения в случае полной потери эмоционального контакта и даже в ситуации осуществления насильственных действий со стороны мужа.

В то же время, большую проблему представляет и статус домохозяйки. Домашняя работа женщины исторически считалась «неважной» и «дополнительной», а в годы советской власти и вовсе получила презрительную оценку. Поэтому положение современной женщины оказывается вдвойне сложным. С одной стороны, сама роль домохозяйки порождает стресс (Б.Фридан, Дж. Виткин и др.[10]), с другой - эта позиция в России не является освященной непрерывной традицией, а встречает негативную оценку со стороны значительной части общества, свидетельствует о низком статусе женщины.

Выводы.

- В результате анализа записей телефона доверия центра психологической помощи женщинам «Ярославна» было подтверждено, что насилие в отношении женщин является распространенным явлением в современных российских семьях. Весьма распространенным видом насилия, влекщим за собой серьезные последствия, является психологическое насилие.

- Насилие, совершаемое мужем в отношении жены, наиболее характерно для тех семей, которые являются «идеальными», с точки зрения современной семейной идеологии и пропаганды. Это семья, имеющая детей, в которой муж является основным источником дохода, семья, живущая отдельно от родителей.

- Количество и структура насилия в отношении женщин более молодого поколения (моложе 30 лет) не претерпевает существенных изменений по сравнению с периодом тоталитаризма. Это позволяет сделать предположение о сохранении высокого уровня проявления насилия в семье в ближайшее последующее десятилетие.

- Среди социальных и психологических факторов, наиболее сильно влияющих на проявления насилия, можно выделить: патриархальный тип взаимоотношений между супругами; тоталитарные установки членов семьи; низкий уровень материальной обеспеченности; стесненность жилищных условий. При этом представляется, что именно патриархальный тип семейных установок современных российских мужчин и женщин, гендерный дисбаланс в распределении власти и ответственности является решающим фактором в генерации насилия в отношении женщин.

[1] Вестник проекта «Новые возможности для женщин», 1997, № 10.
[2] Билинкис А.А. Анализ проблем женщин, обращающихся в службу «Телефон доверия» // Психологический журнал, т. 14, № 4, 1997.
[3] Шестаков Д.А. Супружеское убийство. -СПб., 1992.
[4] Там же, с.6.
[5] Харше А. Российская революция и семья. // Социс. 1992, № 6.
[6] Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России. // Материалы первой Российской летней школы по гендерным исследованиям, М., 1997, с.87.
[7] Варга А.Я. О некоторых особенностях российской ментальности и их проявлениях в психотерапии. // Вестник МГ У. Сер. 14. 1996, № 3.
[8] Дж. Виткин. Женщина и стресс. -М., 1996.
[9] Лопатина Н. Вестник проекта «Новые возможности для женщин». 1997, № 10.
[10] Б.Фридан. Загадка женственности. -М., 1994; Дж. Виткин. Ук. соч.

продолжение со стр. 55

действовать наравне с мужчинами.

"Мухерес Либрес" критиковали существующие в обществе стереотипы о субординации половых ролей, ставящие женщину на низшую ступень в социальной иерархии. Анализируя общество и критикуя существующую в нём иерархичность, анархистки стремились к созданию объёмной и целостной картины, не привязанной исключительно к одному какому-то фактору, лежащему в основе доминирования одних людей над другими. Поэтому "Мухерес Либрес" представляли одно из наиболее "продвинутых" течений в анархо-феминизме, отрицающее все виды господства и угнетения в обществе.

"Мухерес Либрес" особенно активно участвовали в образовательных программах. Они провели кампанию против безграмотности, организовали курсы профессиональной подготовки, устраивали занятия по изучению истории, культуры, иностранных языков и по другим гуманитарным дисциплинам. Особенно важными были занятия по "социальному образованию", посвящённые изучению функционирования общества и возможностей его переустройства на альтернативных принципах.

Вопрос, который обычно задают люди, интересующиеся "Мухерес Либрес": участвовали ли они в боевых действиях в ходе гражданской войны? Ответ на него, конечно, утвердительный. Если в этом возникала необходимость, если та или иная женщина желала и могла сражаться, то она вступала в отряды анархической милиции и участвовала в боях против франкистов.

Что же случилось с "Мухерес Либрес" потом? Конечно, судьба этой организации тесно связана с судьбой всего испанского анархического движения. Её участницы были подвергнуты репрессиям или продолжили свою борьбу в эмиграции, однако их идеи, их опыт не погибли и будут жить ещё долго. Их главный урок: нельзя разрывать борьбу против различных форм угнетения; не может быть освобождения человечества без освобождения женщины; не может быть анархизма без феминизма.

P.S.: Сегодня в различных странах существуют группы, называющие себя "Мухерес Либрес" в честь испанской организации 30-х годов.

Анастасия Дроздова

ФЕМИНИЗМ И ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМ

Что такое феминизм, искушенному читателю "Наперекора" объяснять не надо.

И все же без указанного в заголовке аспекта этой темы наше представление о нем окажется неполным. Почему? Да потому, что в середине XX века феминизм стал полноценным философским учением (что отнюдь не умаляет его заслуг как политического движения), и стал им именно благодаря новейшим философским концепциям, в первую очередь -- постструктурализму.

Если ранее, в XIX и начале XX века, феминизм и пытался как-то вырваться из рамок практики и публицистики, то все эти попытки сводились к более или менее теоретичным критическим антипатриархатным инвективам. Это и понятно -- на заре движения некогда философствовать, нужно действовать, поэтому большинство феминистских манифестов носило характер историко-социологического ликбеза.

Почему же только в середине XX века феминизм преобразился в философскую дисциплину (кстати, именно в таком качестве его изучают и преподают в большинстве европейских университетов)? Ответ, скорее всего, кроется в судьбах феминизма как политического движения. Завоевание избирательных прав для женщин практически свело его на нет в тот период времени (в середине XX века). Казалось, цель достигнута, и бороться больше не за что. Но то, что реального положения женщины все это отнюдь не улучшило, для многих (и не только для феминисток) послужило поводом к рефлексии и заставило искать причины не в политике или экономике, а в более глубоком, философском плане. С другой стороны, философский поиск иных, неклассических моделей мышления приводил многих к осмыслению феномена "женского" и его роли в культуре. Так, в рамках постструктурализма феминизм обрел свой философский фундамент.

Современная философия феминизма основывается на идеях и теоретическом аппарате постструктуралистов -- Жака Лакана, Жака Деррида, Мишеля Фуко и других. Комплекс вопросов, наиболее интересующих поструктурализм, философский феминизм позаимствовал у него. Это проблемы власти, политики, языка, текста, сексуальности и разнообразных типов культуры и культурных практик. Феминизм заимствует у постструктурализма метод текстового и политического анализа. В целом этот метод знаменует собой ключевой поворот современной философии -- от традиционной бинарной логики к логике множественности. Через анализ феноменов "женского" и “феминного” в культуре философский феминизм показывает еще одну грань развития современной цивилизации, скрытую в рамках традиционного подхода. Речь идет о чувственности и телесном опыте, которые определяет лицо культуры ничуть не меньше, чем логика и сознание, но лишь неявно, подспудно. В свою очередь, и постструктурализм многое позаимствовал у философского феминизма. Об этом свидетельствуют последние работы Фуко, Лиотара и Гваттари.

В современном постструктурализме феминизм является одним из наиболее влиятельных направлений. Наиболее известные представительницы философии феминизима -- это француженки Сара Кофман, Элен Сиксу, Люси Иригарей и Катрин Клеман, работы которых вышли почти одновременно в конце 70-х годов во Франции ("Загадка женщины: Женщина в текстах Фрейда"(1980) Сары Кофман, "Хирургическое зеркало, о другой женщине" (1974) и "Пол, который не одинок" (1977) Люси Иригарей; "Новорожденная женщина" Катрин Клеман и Элен Сиксу и др.)

Отношения между полами понимаются ими как один из типов проявления властных отношений, однако не только и не столько в социальном контексте, сколько на основе телесного опыта человека. У французских теоретиков само понятие "женщины" стало выступать в качестве любой радикальной силы, подрывающей предпосылки, структуру и концепции традиционного (мужского) дискурса. Женское становится тем радикальным феноменом в психике, биологии, истории, обществе, который способен разрушить любые символические структуры западной мысли. "Под женщиной я понимаю то, что не может быть репрезентировано, то, о чем не говорится, то, что остается над и вне всяких номенклатур и идеологий", — пишет Юлия Кристева.

Влияние Жака Лакана, французского философа-психоаналитика, на философский феминизм, переоценить невозможно. Именно из его семинара вышли такие теоретики, как Сиксу, Иригарей и др. И именно Лакан окончательно разрушил представление о биологическом детерминизме сексуальных различий как различий мужского и женского, отнеся его к символическому порядку культуры.

Что это означает? В данном случае речь идет о происхождении понятий мужского и женского в культурном поле. И Лакан доказывает, что его нельзя объяснить фрейдовским позитивизмом. В рамках культуры действуют совсем иные законы, нежели в физиологии. Мы имеем дело с проблемами структурирования и деструктурирования идентичности. В этом смысле структурирование мужского и женского "я", маскулинности и феминности оформляется, по мнению Лакана, вне зависимости от биологической определенности, но посредством бинарного расщепления субъективности в качестве "я" и уже вторичного распределения внутри данной структуры дихотомии мужского и женского. Из этого следует вывод о том, что источник сексизма — вовсе не в социально-экономическом устройстве общества, ибо это лишь следствие, а причина — внутренние структуры языка и мышления, формировавшиеся изначально как сексистские. Поэтому и стремится философский феминизм к созданию неклассической модели мышления, где эта дискриминация была бы преодолена.

Основным выводом лакановской концепции феминности явился вывод о том, что женщина всегда находится в жесткой ситуации дихотомии:

— либо она подчиняется фаллическому порядку значений традиционной культуры;

— либо она попадает в ситуацию феминной неартикулируемости, так как современная культура не знает средств для артикуляции собственно женского языка, выражения собственно женских проблем.

И женщина, и мужчина существуют для Лакана исключительно в пределах символического порядка — в языке. Женщина как Другое, как мистериальный объект не существует в той же степени, в какой не существует Бог. В свою очередь, абсолютная друговость женщины — как и друговость Бога — являются гарантиями мужского самосознания. При этом место Другого — это место с изменяющимися значениями. Таким образом Лакан вывел понятие женского за пределы истории и реальности, тем самым проанализировав глубинные основы символической дихотомии мужского и женского в культуре. Но такой подход вызвал критику многих феминистких авторов — за удаление от действительности.

Не меньшее значение для становления философского феминизма оказал Мишель Фуко и его философия власти. Суть его концепции в том, что политичсекая власть не является результатом действия государственных институтов или — более широко — исторических изменений политической ситуации, но она является феноменом более широкого порядка — это способность к успешному воздействию на индивидов. И это не зависит от локализации и предметной области применения этой власти. И наиболее эффективным такое воздействие оказывается на микроуровнях человечнского бытия, оставаясь незамеченным и нефиксированным на макроуровнях. Именно на микроуровнях социальных отношений власть контролирует поведение индивидов. Исторически же сложилось так, что поведение женщин в истории контролируется больше, чем поведение мужчин: от глубин телесного уровня до корнтоля над женским разумом.

На основе постструктуралисткой концепции письма развивается такой феномен, как феминистский литературный критицизм. Под понятием письма феминисткие авторы чаще всего подразумевают специфичность женского читательского опыта, которому приходится преодолевать навязанные ему традиционные культурные стереотипы. Таким образом, само письмо, а также и литература объявляются феноменом, обладающим женской природой (ecriture feminine), то есть способностью избежать мужских доминант логоцентризма.

В работе "Смех Медузы" (1972) Сиксу впервые вводит ставшее впоследствие знаменитым понятие "женского письма", которое освобождает женщину от маскулинистского типа языка, стремящегося к единой истине. Одинокая, находясь перед чистым листом бумаги, женщина может, наконец, освободиться от сдерживающих пут логики и от давления самосознания, бремя которого неизбежно присутствует в любом актуальном моменте речевой ситуации.

Несексистская литературная критика начинается с разрушения иерархических структур, прежде всего там, где они даже не замечаются — с языка. Мы ведь очень часто даже не задумываемся, на каком языке мы говорим, относясь к нему лишь как к средству передачи информации. А ведь именно язык, как первооснова коммуникации в культуре несет на себе явный отпечаток иерархии и логоцентризма. Достаточно лишь приглядеться к грамматическому построению фразы. Оттуда, по мысли Фуко, иерархия перекочевывет в любые человеческие отношения, и лишь потом — во властные, в масштабе общества.

Поэтому борьба с иерархией должна начинаться, по мысли феминистких писателей и литературных критиков, с перестройки языка, а значит, и мышления. Можно высказывать разные мнения об удачах и неудачах этого интеллектуального проекта, но очевидно, что назрела пора искать новые пути в попытках вербализировать маргинальный опыт "второго пола".

Очевидно, что философский феминизм — некое новое слово в истории науки философии, да и в самом феминизме — немаловажный этап развития. Но все же существуют для феминистской теории некие субстанциальные сложности, которых нельзя не коснуться даже в этом весьма кратком очерке.

С одной стороны, коль скоро важнейшим открытием феминистски ориентированной философии и культурологии является подтверждение того факта, что язык культуры и мышления современной цивилизации отражает и продуцирует сексистские стереотипы, ее задачей становится разработка понятийного и категориального аппарата приниципиально иной, несексистской философии, которая в достаточной мере отразила бы опыт репрессированной половины человевства. Но, с другой стороны, язык теории, являющийся для любой науки универсальным, сам является продуктом патриархатной культуры, и мы опять находимся в тисках лакановской дилеммы: либо женщина подчиняется мужскому символическому порядку, либо ее опыт невыразим. Иными словами, как только феминизм начинает оперировать языком теории, он тут же абсорбируется и "снимается" (в рамках теории научных парадигм) патриархатной системой мышления, интегрируясь в нее в качестве одной из

разновидностей философских теорий. Именно поэтому многие феминистские авторы — такие, как например, Мари Дали, Адриенна Райх и др. -- ищут прежде всего новые формы в языке для выражения философии феминизма. По этой причине классическая форма философского трактата отвергается ими. Они практикуют стиль, близкий к художественной прозе, разорванный текст с "мерцающим" смыслом, то, что литературная критика стала называть "женским письмом". Насколько успешны подобные эксперименты, покажет будущее, во всяком случае этот поиск плодотворен как альтернатива классическому новоевропейскому рационалистическому стилю мышления.

Таким образом, понятие феминного в философии отождествляется с тем "Иным", в поисках которого находится вся постклассическая культура. Но роль понятия "женского" в философии вовсе не в том, чтобы ответить на вопросы и внести ясность. Наоборот, его задача как раз внести неясность в уже сложившиеся системы представлений — о власти, об обществе, о человеке и истории, а также о литературном творчестве — и вновь подвергнуть сомнению то, что сомнения, казалось, уже ни у кого не вызывает. Так ломаются теоретические рамки патриархатной культуры, ее философские основы, бывшие дотоле незыблемыми. И бессмысленно было бы нападать на них методами политических деклараций и антидискриминационных акций. Здесь нужно иное оружие. И именно такое оружие дала современному феминизму философская методология постструктурализма.

Российский капитализм в условиях глобальной экономики

продолжение со стр. 7

малейших представлений о том, как следует работать в условиях рыночной экономики, ищет любые возможности для максимально быстрого индивидуального обогащения. К тому же, в условиях перманентной политической нестабильности и высокой инфляции, ни администрация предприятий, ни нувориши не заинтересованы в долгосрочных инвестициях в производство. Поэтому средства, поступающие на счета предприятий, будь то государственные или частные инвестиции, ими просто-напросто разворовываются, оборудование распродается, а деньги переводятся за границу, либо вкладываются в финансовые спекуляции. Примеры обратного являются скорее исключением из общего правила и, опять таки, относятся, главным образом, к предприятиям, связанным с сырьевиками (например, некоторые нефтяные компании). При этом, даже на относительно преуспевающих предприятиях далеко не всегда производится ремонт и обновление основного капитала. Такая практика в перспективе ведет к исчезновению этих предприятий.

А экспорт оружия? Некоторые виды российского оружия не уступают западным образцам. Но, вне зависимости от качества, большинство рынков оружия будет для России закрыто. Торговля оружием теснейшим образом переплетается с политикой, с влиянием сверхдержав в каждом конкретном регионе. Нынешняя Россия мировой сверхдержавой не является. Сегодня она экспортирует оружие на несколько млрд. долларов ежегодно, и при всем желании не сможет существенно увеличить эту цифру.

Иностранный капитал? Но ему требуется, прежде всего, полная общественная и политическая стабильность, а в стране раздираемой острейшим кризисом, в стране, где большинство населения живет в нищете, такой стабильности нет. Конечно, уровень развития рабочего движения абсолютно не соответствует масштабам кризиса. Но все же, в катастрофических социально-экономических условиях неизбежно существует угроза волнений и даже бунтов. Кроме того, дальнейший процесс развала российского государства имеет свою собственную логику, и уже появились признаки того, что этот процесс принял необратимый характер. Сейчас уже ни для кого не является новостью наличие в российских регионах собственных денежных знаков или их заменителей, ограничения на вывоз из этих регионов продуктов питания, собственная автономная политика регулирования цен, растущая политическая самостоятельность. В таких условиях центральное правительство, конечно, может попытаться террористическими мерами навести относительный «порядок» и, создав благоприятные условия для ввоза западного капитала (налоговые льготы и др.), обеспечить его участие в уже существующих проектах, равно как и в создании новых. Однако, из-за развала (вследствие тотальной коррупции) централизованного аппарата финансирования государственных служб (в том числе и репрессивных служб, например, аппарата снабжения армии) контроль над ними со стороны центрального правительства в значительной степени утрачен и постепенно переходит в руки региональных царьков. Россия все больше становится похожа на лоскутное одеяло - уровень жизни и условия труда резко разнятся в зависимости от региона. И если одни регионы, обладая большим количеством природных ресурсов, либо благоприятным политико-географическим положением, могут рассчитывать на иностранные инвестиции, то другие практически лишены перспективы на будущее.

Глобализирующийся капитализм - это мировая система, основанная на постоянном расширении. Он уже включил в свою сферу новые гигантские пространства после распада государственно-капиталистических систем на Востоке и аграрно-капиталистических преобразований в странах «Третьего мира». На этом основаны представления о том, что «когда-нибудь», «как-нибудь» и в «какой-либо мере» международный капитал придет и в ныне оставленные и заброшенные сферы и регионы, сегодня не представляющие для него интереса (по мере развития этого процесса, будет неизбежно происходить включение регионов России в зоны экономического и политического влияния различных сверхдержав). Но весь вопрос именно в этих «когда», «как» и в «какой мере». Капитал будет вкладываться в эти зоны лишь в том случае, если экономические издержки и социальные факторы риска удастся свести к минимуму, если рабочая сила дешева, но ситуация стабильна. Но может ли быть действительно стабильным регион, где подавляющее большинство населения вообще не обладает платежеспособным спросом? Во всяком случае, для интеграции таких регионов потребуется диктаторская жесткая власть и вымирание миллионов людей, не имеющих возможности «вписаться в рынок».

Вот почему в ближайшем будущем можно рассчитывать на все большее углубление региональных различий в России и других республиках СНГ. Складывается

несколько типов «развития». Во-первых, это минимальное число зон, в большей или меньшей степени интегрированных в мировой рынок: как мировые центры услуг и финансовых спекуляций (к примеру, Москва), сырьевые придатки (нефтегазовые регионы) или «свободные экономические зоны», работающие на экспорт. Во-вторых, это регионы, сравнительно близкие к интернациональным экономическим центрам (согласно логике «джаст-ин-тайм», обладающие сравнительно дешевой рабочей силой и имеющие шанс на то, что там будут созданы новые производственные придатки метрополий для нужд мирового рынка). Эти зоны займут свое место в международном капиталистическом разделении труда как различные «пороговые», полупериферийные или периферийные формы (потенциально - Калининград и Дальний Восток). И, наконец, многие территории будут, по-видимому, надолго оставаться без притока капиталовложений и обречены на полное разрушение всей экономической структуры, которая до сих пор базировалась на советском сельском хозяйстве или устаревшей обрабатывающей промышленности (пример: зона «красного пояса» в России, Нечерноземье, Север Европейской части России и т.д.)

Кроме того сложно рассчитывать на крупные иностранные инвестиции сегодня, в условиях мирового финансового кризиса. После кризисов в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке наблюдается паническое бегство капиталов из многих «пороговых» стран. Так что, даже и по самым оптимистическим экономическим прогнозам миллионы людей в обозримом будущем будут голодать.

Настоящее решение экономических и политических проблем, стоящих сегодня перед трудящимися, под силу осуществить только им самим. В конце концов, мы живем на огромных территориях, полных неисчислимых природных богатств. Проблема в том, что богатства эти присвоила себе эксплуататорская верхушка из бывших партчиновников и криминальных «авторитетов», стыдливо прикрывшаяся, как фиговым листком, «национальными интересами» и «священным правом частной собственности». Но проблема и в нас самих. Пока мы надеемся на то, что кто-то решит наши проблемы вместо нас, ничего не изменится.

***

К несчастью, уровень реального сопротивления на сегодняшний день далеко отстает от требований времени и ситуации. Причины этого следует искать в разрушении социальных связей в постсоветском обществе, разрушении, которое зашло очень далеко. Люди крайне пассивны и, подобно изолированным атомам, предпочитают часто «спасаться в одиночку», пытаясь решить свои проблемы отдельно от других или даже за их счет. Их способность и желание действовать коллективно и солидарно отстаивать свои интересы сократились до крайности.

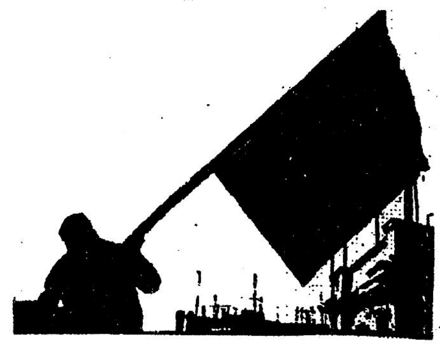
На трудящихся СССР и СНГ как бы обрушились исторически две волны «атомизации», которые последовательно уничтожили общинные связи и коллективистские структуры мышления трудового крестьянства, промежуточных слоев трудящихся ("крестьян-рабочих", т.е. тех кто работал на городских предприятиях сезонно, сохраняя хозяйство в деревне) и «рабочих-ремесленников» (высоко-квалифицированных профессиональных рабочих, чей труд содержал в себе творческий элемент) начала века - тех социальных сил, которые в эпоху революции создавали рабочие и крестьянские Советы и фабзавкомы. Первая волна была связана с осуществленной большевистским режимом индустриально-капиталистической модернизацией (индустриализация и коллективизация). В результате подверглась разрушению общинная система деревни, как на экономическом так и на культурно-психологическом уровне. Общинные структуры социальной взаимопомощи, мышления и языка, основанные на идеалах равенства и солидарности, оказались утрачены. В то же время, в городе сформировался тип фордистского «массового рабочего». Фордистско-тейлористские структуры наложили сильнейший отпечаток на социальную психологию и поведение большинства трудящихся. Прежде всего, резко сузился горизонт трудовой жизни. Привычка в течение всей жизни закручивать одни и те же гайки и знать только свою узкую исполнительскую сферу разительно отличала «фордистского рабочего» от квалифицированных «рабочих-ремесленников» начала века: теперь работник плохо представлял себе задачи и нужды производства в целом и соответственно не испытывал такого стремления к установлению собственного контроля над процессом производства. Функции управления производством в целом как бы естественно должны были принадлежать компетентным управленцам, откуда развивалось (и к тому же усиленно насаждалось сверху) представление о единстве интересов между рабочими и директором (это явление получило название «патернализма» или «корпоративизма»). Остатки этого мышления, типичного для советского варианта «фордистского рабочего», можно очень часто встретить до сих пор, несмотря на то, что сегодня директора строят себе особняки, а работники месяцами не получают зарплату.

Кроме того, десятилетия жесткого централизованного государственного индустриализма не прошли и не могли пройти даром. Люди, помещенные государством и индустриальной системой в огромные города-соты, подчиненные жестким приказам, отчужденные друг от друга, непрерывно конкурирующие друг с другом за обладание дефицитными материальными ценностями, эти люди сегодня не в состоянии договорится друг с другом даже о самых элементарных вещах, а не то что о социальной революции. Наконец, попытки открытого рабочего сопротивления в СССР (забастовки, собрания и т.д.) обычно приводили к тому, что активисты исчезали в концлагерях и психушках, поэтому не происходило накопления опыта коллективных социальных действий даже на уровне небольших групп сопротивляющихся рабочих - их слишком быстро рассеивали.

В результате всех этих процессов были почти утеряны навыки сопротивления, самоорганизации, взаимопомощи, социального творчества, с другой стороны, в мышлении и в языке (равно как и в политике и в экономике) закрепились жесткие авторитарные структуры. И рабочий класс здесь не является исключением.

Такие настроения сильно подорвали готовность и способность трудящегося класса СССР найти самоуправленческую альтернативу режиму КПСС в конце 80-х гг. Люди оказались вполне в состоянии активно бороться с попытками правительства Горбачева выйти из кризиса развития за их счет (протесты против намечавшейся ценовой реформы, стачки 1989-1990 гг.), однако так и не смогли выступить в общественной борьбе как самостоятельная социальная сила. А после отстранения КПСС от власти и поворота к неолиберализму на них обрушилась вторая волна «атомизации». Теперь и сама жизнь в условиях рыночной экономики, и СМИ внушали им, что «коллективизм» бессилен, что коллективными действиями ничего в действительности нельзя изменить, что «спастись» можно только поодиночке («каждый за себя»). Пропаганда и политика неолиберализма в немалой степени способствовали распространению эгоизма, националистических, профашистских (анисемитских, антикавказских и других) настроений в обществе, в том числе среди трудящихся классов. Все это можно считать не только типичной попыткой найти «козла отпущения» и свалить на него вину за социальную катастрофу, но и проявлением отсутствия солидарности - стремлением выйти из кризиса за счет других, иначе говоря, асоциальными и антисоциальными патологическими формами активности.

Разумеется, нельзя полагать, будто указанные тенденции действуют как некая железная, заданная необходимость и раз и навсегда делают невозможной любую самоорганизацию работников. Как показывает опыт реального рабочего сопротивления (например, самоорганизованная и самоуправляемая борьба рабочих Ясногорского машиностроительного комбината в 1998-1999 гг.), трудящимся достаточно осознать две самые простые истины: во-первых, если ничего не делать, не бороться, то все просто погибнут, вымрут от голода, и, во-вторых, если уж что-то делать, то действовать только самим, без вождей, партий и профсоюзных бюрократов, через общие собрания и подотчетные им механизмы рабочего самоуправления (советы). Вероятно, такой выбор бывает проще сделать в том случае, когда сами рабочие имеют лучшее образование и квалификацию, в большей мере представляют себе, как и зачем работает их производство в целом. К сожалению, примеры независимых рабочих выступлений до сих пор уникальны в современной России.

***

Каким бы ни был нынешний уровень социального сознания «низов», мы не верим в то, что какое-либо правительство в состоянии решить те задачи, которые стоят сегодня перед обществом. Только сами люди, сами трудящиеся смогут это сделать, если, конечно, захотят. Если рабочий класс окажется в состоянии стать субъектом исторического процесса и сформулировать в процессе борьбы социально-революционную альтернативу существующей реальности, только тогда у него появятся шансы на выживание. Но в каком направлении могут быть приложены его усилия? Мы не обладаем и не можем обладать точным рецептом выхода из кризиса, так как не можем заранее предугадать совокупные творческие действия и решения в рамках социального классового движения, объединяющего миллионы людей. Но у нас есть некоторые соображения по этому поводу.

Мы убеждены в том, что в борьбе классов бессильны традиции старого рабочего движения, которое находится под полным контролем профсоюзных и политических функционеров. ФНПР, НПГ, КПРФ, РКРП и т.д. - это централизованные бюрократические структуры с широко разветвленным аппаратом профессиональных, хорошо оплачиваемых чиновников. Очевидно, что этот аппарат, в силу самого своего положения, обладает огромной властью над рабочим классом и имеет собственные политические и экономические интересы. Поэтому для всех таких организаций рабочие - лишь статисты, «пушечное мясо», которое необходимо этим господам в борьбе за власть. Ничего не дают так называемые «акции гражданского неповиновения» - символические забастовки на пару часов и «митинги протеста» с заранее подобранными ораторами. До тех пор, пока рабочее движение катится по старой накатанной колее, выплескивая свое недовольство на дирижируемых профбюрократией митингах или символических стачках, трудящиеся не могут накопить опыт самоорганизации, они лишь повторяют роли прежнего, не ими написанного спектакля. Вновь и вновь наемные работники становятся средством, которое используется чиновниками и «вождями» в борьбе за власть.

Массовые перекрытия дорог в 1998 г. стали актом отчаяния рабочих. Однако легко видеть, что они поддерживались и использовались партийной, профсоюзной и региональной бюрократией, директорами и владельцами предприятий для выпускания пара и давления на Кремль в своих корпоративных интересах (а вовсе не в интересах рабочих). Недовольство трудящихся отвлекается от местных паразитов и направляется исключительно против нынешней центральной власти. Поэтому некоторые рабочие инициативы выступают сегодня против перекрытия дорог, считая такого рода акции лишь средством выпускания пара. Эти рабочие инициативы ратуют за те или иные формы производственного самоуправления и рабочего контроля. Мы поддерживаем такого рода идеи. Только разрушив капиталистическую систему и взяв управление заводами и инфрастуктурой в свои собственные руки, трудящиеся смогут решить большую часть своих проблем. Но подобные предложения нуждаются в серьезной доработке. Дело в том, что нигде рабочие не обладают ни

достаточно эффективной организацией, ни достаточными опытом и знаниями для того, чтобы уже сегодня осуществлять производственное самоуправление.

В рамках существующих в современном обществе правил и системы организации управления выхода нет. Но, возможно, он есть вне этой системы. Победить можно только в том случае, если работники не будут соучаствовать в чужой борьбе за чуждые им интересы и установят свои правила игры. Необходимо новое рабочее движение. Это движение призвано отличаться от старого тем, что оно будет служить не интересам политиков и профбюрократии, а напротив, станет именно движением рабочих для самих рабочих. Оно должно быть основано на принципах самоорганизации и самоуправления. Опыт самоорганизации и самоуправления невозможно приобрести иным путем, кроме как сообща борясь за свои социальные и человеческие права, помимо воли профсоюзных и политических чиновников. Такой опыт накапливается только тогда, когда трудящиеся выходят из под контроля лидеров (политиков и профчиновников) и начинают действовать самостоятельно (пусть и хаотично на первых порах). Это станет началом нового рабочего движения.

Важно с самого начала соблюдать принцип абсолютного равенства всех участников движения: нет умников и дураков; каждый должен быть выслушан; все равны при обсуждении. Никаких «авангардов» и «революционного (партийного, профсоюзного) руководства», право принятия решений принадлежит только общим (цеховым, заводским) собраниям рабочих, либо их делегатам, которые полностью контролируются общими собраниями, действуют только в рамках инструкций, данных этими собраниями, и могут быть в любой момент отозваны по их решению. Структура нового рабочего движения должна состоять из общих собраний коллективов трудящихся и всецело контролируемых ими рабочих советов и их федераций. В ней нет места постоянно оплачиваемым чиновникам (освобожденным работникам), которые по сути являются уже не рабочими, а профессиональными управленцами (менеджерами, буржуазией), и в силу своего классового и профессионального положения не заинтересованы в развитии самоорганизации трудящихся. Эти господа заинтересованы в максимальном сосредоточении управленческих функций в своих руках, поскольку от этого зависят их зарплата и руководящее положение, а следовательно - в подавлении ассамблеарных структур и других элементов самоорганизации. Если же органы рабочих действует на общественных началах и без отрыва от производства, то они не отделяются по своему реальному положению от всех остальных работников и чисто практически в огромной степени заинтересованы в развитии базисной самоорганизации, так как это позволяет освободиться от большого объема работы.

Задача инициативных групп, базисных комитетов и ассамблеаристских революционных рабочих союзов, объединяющих в своих рядах лишь меньшинство работников своих предприятий, может состоять в организации и налаживании работы общих собраний, вовлекающих в процесс самоорганизации как можно большее число рабочих.

Для того, чтобы рабочие смогли осуществить свои заслуженные и оправданные притязания, им необходимо наладить прочную и эффективную координацию своих действий, а для этого необходимо огромное структурированное движение трудящихся, включающее в себя сельские, фабрично-заводские, городские и региональные собрания-ассамблеи, союзы и рабочие советы (как в Испании в 1936 г. или в Венгрии в 1956 г.), а также организации, способные обеспечить координацию действий на уровне отрасли, между различными отраслями, по «технологическим цепочкам», и на территориальном уровне. Нельзя забывать о том, что экономика страны является единым организмом. Рабочие лишь тогда смогут управлять производством, когда вся страна будет покрыта прочной сетью структур рабочего самоуправления, свободных от партийности и бюрократизма и действующих на основе наказов трудовых коллективов и коллективов жителей (императивного мандата). Необходимо также приобрести больше знаний о производстве. Стоит попытаться организовать курсы для рабочих по изучению того, как функционирует их производство. Подобная инициатива была недавно предложена активистами с завода «Ростельмаш».

Советская индустриально-капиталистическая система строилась на жестком разделении труда, на жесткой специализации. Следствием этого стал раскол работников на своего рода касты, зачастую враждебно относящиеся друг к другу. Подобные отношения внутри рабочего класса, включающего в себя неруководящих работников как физического, так и умственного труда, подпитывались и пропагандой тоталитарного режима, действовавшего по известной схеме: разделяй и властвуй. Рабочим, занятым, в основном, физическим трудом, говорили, что они якобы являются правящим классом, а интеллигенция играет роль подчиненную и не заслуживает доверия, специалистам же внушали презрение к «этой темной, тупой и управляемой рабочей массе». Очевидно, что целью социального освобождения является самоорганизация и объединение всех категорий работников с целью преодоления как капиталистической эксплуатации, так и разделения труда. Очень важно поэтому попытаться привлечь на свою сторону специалистов, не являющихся руководящими работниками, технический персонал. Именно спайка между рабочими и специалистами, основанная на равноправии и взаимном уважении, обеспечила относительный успех действий венгерских рабочих советов. При отсутствии такой спайки, говорить о производст-

венном самоуправлении сложно, оно легко может превратиться в опасное и разрушительное предприятие. К сожалению, в настоящее время инженерно-технические работники занимают в большинстве случаев негативную позицию по отношению к независимым рабочим инициативам. Эта ситуация в принципе может быть преодолена только путем вовлечения их в рабочее движение в качестве равноправных партнеров по борьбе. Ведь все те, кто зарабатывает себе на жизнь собственным трудом, не прибегая к эксплуатации наемного труда, являются представителями трудящихся классов. Если говорить о тех заводах, которые имеют в обозримом будущем шансы на выживание, то работники, занятые на них, могут пытаться развивать рабочее самоуправление с тем, чтобы, в конце концов, предприятия оказались в руках тех, кто на них трудится. Но беда в том, что многие российские предприятия обречены на исчезновение уже в самое ближайшее время. Даже если предположить, что в условиях полномасштабной социальной революции, охватывающей все звенья народнохозяйственного комплекса, данная проблема могла бы быть каким-то образом разрешена, то нельзя закрывать глаза на то обстоятельство, что современная Россия находится за миллион миль от такой революции. А, между тем, уже сегодня массы людей выброшены за ворота своих предприятий и лишены средств к существованию.

Миллионам людей помогают выжить их крошечные огороды и приусадебные участки. Именно это спасает сейчас страну от голода. И если городская промышленность явно не в состоянии обеспечить рабочие места и приличную зарплату, не логично ли было бы попытаться захватить огромные пустующие участки земли? Земля - это в настоящее время практически неиспользуемое средство производства. В начале века она кормила свыше ста миллионов человек. Насильственная «коллективизация», которую жесточайшими методами осуществляло ленинистское государство, убила деревню, и большинство крестьян бежало в города. Земля осталась, вот только пользоваться ею сегодня почти некому, потому что деревня практически обезлюдела. А между тем, уже есть примеры успешного заселения пустующих земель, например в Поволжье, причем, некоторые новые поселения смогли обеспечить себе довольно приличный, по российским меркам, уровень жизни. Разумеется, такого рода задачи не могут решаться в индивидуальном порядке, здесь необходим коллективизм во всем, начиная с противостояния властям (ибо государство постарается не допустить подобных захватов) и кончая совместным обустройством хозяйства. Но если рабочие могут действовать коллективно, перегораживая железные дороги, то почему бы им не провести коллективные захваты земли и пустующих домов в деревнях? По этому пути идет сейчас часть рабочего класса Бразилии. Тысячи рабочих, выброшенных за ворота своих заводов, вместе с крестьянской беднотой захватывают землю, создают на ней коммуны и хозяйственные кооперативы. Данный коммунитарно-социалистический эксперимент может иметь очень большое значение, потому что он демонстрирует пути решения проблем, стоящих перед населением многих странами мира, включая и Россию.

Общие собрания работников предприятий, коммунальных служб, врачей, учителей, жителей городских кварталов, сельских коллективов и их советы делегатов - вот тот способ организации жизни и "прямой власти" трудящихся, который со временем позволит им взять свою судьбу в собственные руки. Но самоорганизация не возникает на пустом месте. Нужно, чтобы люди ясно сознавали свои права и потребности и имели позитивный идеал общественного переустройства. «Нищеты с отчаянием мало, чтобы возбудить социальную революцию, - говорил Михаил Бакунин. - Они способны произвести... местные бунты, но недостаточны, чтобы поднять целые народные массы. Для этого необходим еще и общенародный идеал, вырабатывающийся всегда исторически из глубины народного инстинкта, воспитанного, расширенного и освященного рядом знаменательных происшествий, тяжелых и горьких опытов, нужно общее представление о своем праве и глубокая, страстная, можно сказать, религиозная вера в это право. Когда такой идеал и такая вера в народе встречаются вместе с нищетою, доводящей его до отчаяния, тогда Социальная Революция неотвратима, близка, и никакая сила не может ей воспрепятствовать».

Рабочее движение в России пока еще только делает первые шаги и очень далеко отстоит от осознания своих глубинных интересов и прав. Оно робко, на ощупь ищет решения своих проблем, медленно, с трудом вырабатывая в процессе социальной борьбы навыки самоорганизации. Оно не видит для себя реального выхода из создавшегося отчаянного положения и потому поддается на агитацию различных авторитарных и бюрократических групп - от ленинистов до бюрократических профсоюзов типа НПГ и ФНПР. В то же самое время, благодаря влиянию этих групп блокируется процесс развития общественного сознания. Впрочем, рабочие, кажется, уже научились не доверять политикам и не являются сегодня столь же легким объектом для манипуляций, как в эпоху перестройки. Кроме того, в рабочей среде появляются инициативные группы, которые предлагают новые нестандартные решения, основанные на принципе самоорганизации. И все же, движение пока еще отнюдь не обрело независимый, альтернативный по отношению к существующей общественной системе характер, не стало движением рабочих для самих рабочих.

О БОРЬБЕ С ТОТАЛИТАРНЫМИ СЕКТАМИ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

"Самодержец Нерон, благочестивый, великий Первосвященник, отец отечества, народу Римскому и священному Сенату радости желает.

Дошли до слуха моего известия о религиозных спорах и раздорах в империи нашей и глубоко меня опечалили. Ибо что, как не защита веротерпимости, гуманности, человеколюбия есть первейшаязабота императора Римского? Поскольку в просвещенном и цивилизованном обществе на корню должна изживаться всякая религиозная ненависть, нетерпимость, дикость, фанатизм и изуверство. Проповедников же оных, как злейших преступников, следует карать беспощадно.

Народы великой и нерушимой Римской империи неограниченно пользуются благами религиозной свободы. Все невозбрано исповедуют свои культы: римляне - отеческую веру, иудеи и иные варвары - местные религии, освященные веками. Но не может нас оставить равнодушным появление новых тоталитарных сект, одинаково враждебных всем традиционным религиям. Их зловещие обряды и чудовищные обычаи вселяют настоящий ужас в сердца всех просвещенных подданных империи, без различия веры.

Одна из этих нечестивых сект (христианами именуемая), например, провозгласила главным предметом своего почитания - стыдно вымолвить! - орудие казни. Причем из всех орудий - плахи с топором, виселицы и т.д. - избрала она наиболее позорное, крест, на коем бесчисленное множество подлых разбойников и убийц законный конец свой обрели.

Пошла сия секта еще дальше, во время своих тайныхсборищ (куда не допускается никто посторонний) совершая преступные, богомерзкие обряды. Так, поглощая вино и хлеб, именуют они их кровью и плотью некоего Иисуса, открыто проповедуя тем самым поедание человеческого мяса и питие крови. Призывают они также вступающих в секту к отказу от всякого имущества, отречению от своих родных, желающих удержать безумцев от погибели.

Укрепляя начала веротерпимости в империи нашей, повелеваю развернуть решительную борьбу с оными тоталитарными сектами.

Впрочем, дошло до меня, что охваченная благочестивым негодованием толпа кое-где самовольно предает злодейских заправил таковых сект растерзанию львами. Сие есть самосуд, совершенно недопустимый в цивилизованном обществе. Кормление львов христианами следует осуществлять отнюдь не публично, а в отведенных для этого местах(львятниках, загонах). Того требует присущая нам человечность, а также и забота о правильном пищеварении благородных хищников".

Перевод с латинского Александра Майсуряна

Газета "Свободное слово", № 127.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Художественно-публицистическую работу В.Голованова **"Тачанки с юга. Художественное исследование махновского движения"** ожидали давно. Пресса печатала фрагменты еще несколько лет назад, но и после выпуска книги некоторое время её нельзя было достать. Таков сегодняшний книжный рынок. Но усилий и денег не жалко. Конечно перед нами миф — то есть не научное сочинение, основанное на тщательном анализе широкого круга источников. Но всё-таки это более добродушный миф, чем страшные сказки, писанные коммунистическими перьями.

Автор признает, что Махно во многих отношениях более справедлив, демократичен и симпатичен, чем большевики. Видимо, именно эти фрагменты книги, а также общая эволюция анархической части ультрарадикальной среды к либерализму (?! - ред.) вызвали сугубо положительные отклики на книгу в анархистских кругах.

Процитирую несколько высказываний В.Голованова: "...махновщина всё же была отступлением от цивилизации вспять" (с.22); "при всей изуродованности духовного склада Махно, в душе его теплилась какая-то странная, полудетская привязанность к людям..." (с.179); "Махновщина 1921 года, как антоновщина, как григорьевщина когда-то, — это чистая эмоция, — никакой политической программы у неё нет. И цели нет" (с.415). Эти высказывания довольно типичны и ёмко характеризуют точку зрения В.Голованова: махновское движение — это "русский бунт, бессмысленный и беспощадный". На Махно автор смотрит глазами либерального барина — с презрением, холодным интересом. Иногда, на фоне ещё более кошмарных большевиков возникает некоторая теплота в отношении Махно, замешанная на жалости.

Обычный метод автора — взять за основу какой-то один опубликованный источник (обычно — не очень объективный, написанный под присмотром коммунистов, как, скажем, мемуары Белаша и Чубенко) и комментировать его в "художественном ключе". Это даёт волю домыслам, позволяет автору не утруждать себя аргументацией и прибегать к "психологическим" домысливаниям в стиле коммунистических сказочников (некоторые домыслы о гипертрофированных амбициях Махно, по справедливому наблюдению И.Подшивалова, прямо заимствованы у большевистских "психологов").

Несмотря на то, что эту книгу "о мистике революции" нельзя оценивать как пример научной литературы, работа В.Голованова представляет научный интерес, так как автор вводит в оборот ряд ранее неизвестных свидетельств участников событий. В выгодную сторону выделяется глава этой работы, посвященная военно-политическому союзу махновцев и большевиков в 1920 г. В этой части книга носит вполне научный характер — видно, что автор посидел в архивах, проливающих дополнительный свет на этот период. Жаль, что В.Голованову не хватило времени, чтобы проработать другие вполне доступные сейчас архивы.

Книга В.Голованова — это интересная публицистика. Здесь причудливо смешаны реальные события революционного движения — с одной стороны, и образы, эмоции, стереотипы, идеологемы современного либерального интеллигента — с другой. И то, и другое достаточно интересно для внимательного читателя.

Александр Шубин.

ПОЧТА

Письмо читателя в редакцию журнала "Наперекор"

О славься ты, Екатерина,
О славься ты, ебёна мать!
И.С.Барков (1732-1768)

Дорогие друзья!

Позвольте Вас спросить: задумывались ли Вы когда-нибудь над тем, чем по сути своей является использование в качестве бранных слов сексуальной символики, - когда говорят в сердцах: "Fuck the system!", "Fuck you!" (со складыванием пальцев руки в соответствующий жест или без такового) и др.? А ведь при этом подразумевают, что в половом акте т.н. "пассивный" партнёр (прости, Господи!) должен испытывать мучения или унижение и желают своему оппоненту быть этим самым страдальцем. Подобные садо-мазохистские половые извращения суть признак ненавистной всем психически здоровым людям патриархальности, поэтому появление таких выражений в Вашем достойном издании (например, в статье уважаемой Лоры Акай про 20 лет в анархии - в шестом номере) повергает меня в недоумение.

Сексуальную символику можно и нужно использовать в позитивном смысле, выражая, например, своё восхищение: "Эротично!" Или: "Ебическая сила!" И т.п. (см. также эпиграф). Ну а в негативном смысле следует желать супостату фригидности и импотенции, но никак не совершать прямо противоположного, посылая его по фаллическому адресу.

На этом кончаю: ОМ НАМАХ ШИВАЙА.

Ярослав Тёмный.

НИКАКОЙ

